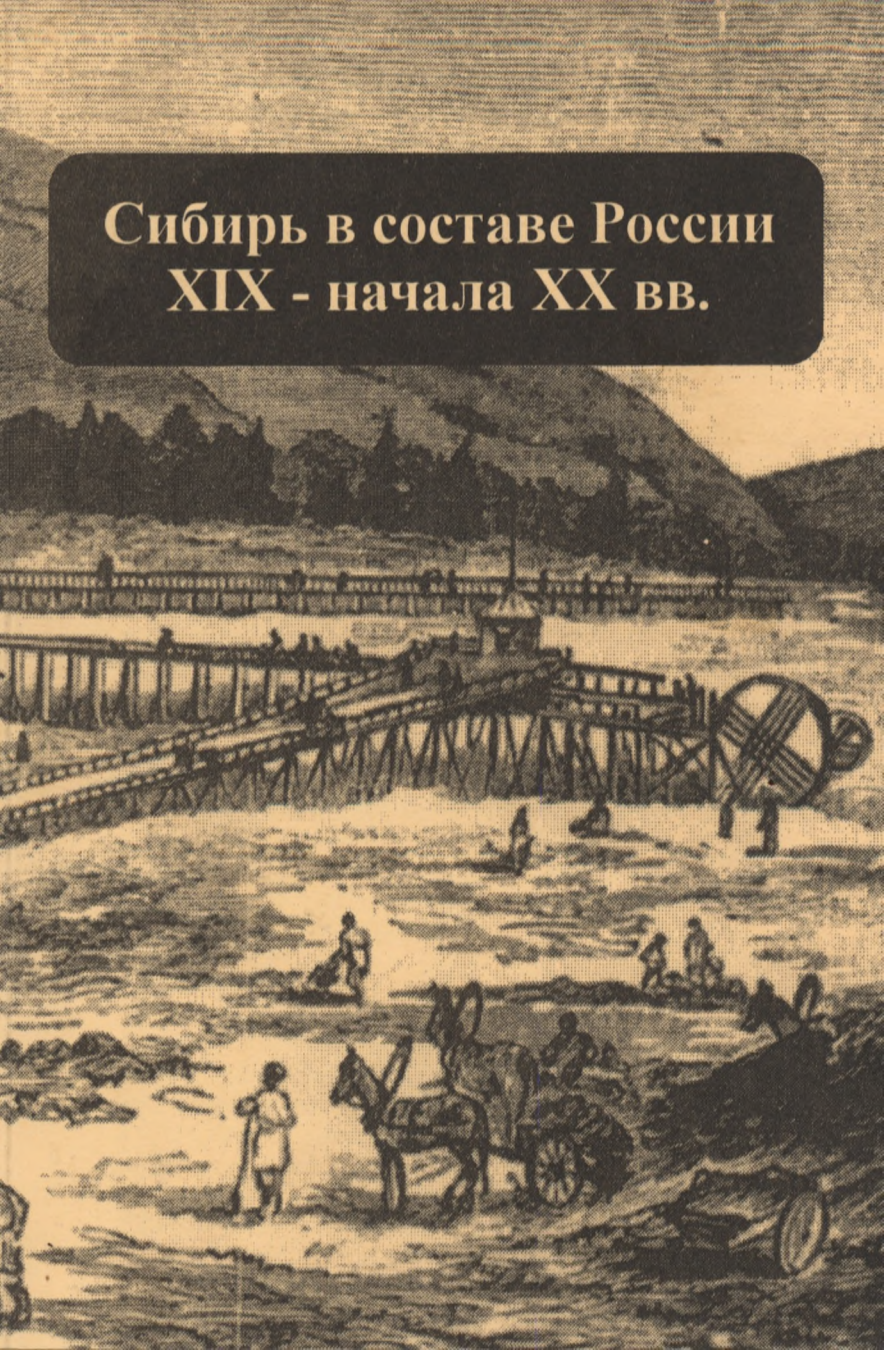
Сибирь в составе России XIX - начала XX вв.

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОБЛЕМНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИСТОРИИ,
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ

Сибирь в составе России XIX – начало XX вв.

Томск -1999

Сибирь в составе России. Сборник историко-статистических материалов / Под ред. Б.К. Андрющенко. Томск: Издание Томского университета. 1999. 144 с.

Сборник историко-статистических материалов открывает серию публикаций, посвященных экономической истории Сибири, целью которых является определение места Сибири в экономике и общественной жизни России в XIX – начале XX вв., особенности аграрной и индустриальной колонизации края Посвящен 70-летию профессора Н.В. Блинова

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук Б.К. Андрющенко (отв.ред),
кандидат исторических наук Н.М. Дмитриенко,
профессор В.А. Скубневский,

Рецензент: кандидат исторических наук Э.И. Черняк

Издание осуществляется при финансовой поддержке
Российского Гуманитарного Научного Фонда.
Код проекта: 98-01-00093

© Б.К. Андрющенко, Н.В. Блинов, Н.М. Дмитриенко,
В.П. Зиновьев, П.Ф. Никулин, И.С. Сковородина,
Д.Я. Резун, В.А. Скубневский, М.В. Шиловский
© Томский государственный университет

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

Профессор Николай Васильевич Блинов является одним из наиболее известных и оригинальных историков общественного движения в России, историков Сибири. Почерк его индивидуален и узнаваем в коллективных трудах по краткости изложения и емкости мысли, характерным оборотам.

Его первые труды посвящены отечественной социал-демократии, а кандидатская диссертация – возникновению социал-демократических организаций в Сибири. Его открытость и аргументированность позиции, нетерпимость к халтуре, конъюнктурщине и холуйству сразу же разделили коллег Николая Васильевича на друзей и неприятелей историка. Крестьянское трудолюбие, помноженное на работоспособность спортсмена, помогло Н.В. Блинову совершить марафон по государственным и партийным архивам Сибири и столиц СССР, собрать и систематизировать гигантский по объему материал, который частью не использован им до сих пор. Николаю Васильевичу посчастливилось знать участников революционных событий, героев статей и книг Валентина Евгеньевича Воложанина, Григория Иннокентьевича Крамольникова, Михаила Кузьмича Ветошкина, Николая Николаевича Баранского.

Труды Н.В. Блинова по истории социал-демократических организаций в Сибири стали новым словом в историко-партийных исследованиях, они органично включили историю партийных организаций в историю общественной жизни края. Не случайно, что из большого числа преподавателей кафедр общественных наук Сибири именно Н.В. Блинову редколлегия «Истории Сибири» доверила подготовку глав по истории социал-демократического движения за Уралом. Это явилось признанием научной значимости его исследований.

Организаторский дар Н.В. Блинова не раз привлекал внимание партийных органов, однако он не стал делать партийную карьеру. В ТГУ он начал работать на кафедре основ марксизма-ленинизма с 1953 г. Наука для него стала не просто средством для существования, а смыслом жизни. Когда в конце 60-х гг. развернулась работа над другим фундаментальным проектом по истории рабочего класса и крестьянства Сибири, доценту Н.В. Блинову главная редколлегия «Истории рабочего класса Сибири» поручила подготовку первого тома тру-

да, который должен был освещать историю дооктябрьского периода. К этому времени Николай Васильевич перешел работать на кафедру Истории СССР досоветского периода ТГУ, заведовала которой З.Я. Бояршинова. Такое решение было естественным и принципиальным, потому что Н.В. Блинов, как и его учителя И.М. Разгон и А.П. Бородавкин, всегда считал историю коммунистической партии не отдельной исторической дисциплиной, а частью отечественной истории. Не в этом ли причина того, что в Сибири только томская областная партийная организация так и не имеет своих очерков истории?

Напряженная работа над новыми курсами «История Сибири» и «История СССР периода капитализма» совпала с руководством группой аспирантов и научных сотрудников сектора «Рабочего класса» Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири, который был создан для подготовки книги по истории дореволюционного рабочего класса Сибири. Это были в основном выпускники 1971 г. из спецсеминаров Н.В. Блинова и А.А. Говоркова.

Николаю Васильевичу предстояло не просто координировать работу опытных специалистов, таких как Г.Х. Рабинович, А.А. Мухин, О.Н. Вилков, Д.И. Копылов, А.Т. Коняев, Д.М. Зольников и др., взаимодействовать с редактором издания, директором Института истории СО АН СССР академиком А.П. Окладниковым и заведующим сектором истории капитализма института профессором Л.М. Горюшкиным, но и воспитывать из вчерашних студентов историков-исследователей. Это было самое сложное. Консультации превратились в многочасовые дискуты. Положение спасал постоянно действующий семинар, на котором рассматривались сначала доклады сотрудников и аспирантов, затем – статьи, наконец, – диссертации. Там же обсуждались проблемы свободы исторических исследований, репрессии, обрушившиеся на историков в 1930-е и в 1970-е гг.

В процессе подготовки книги по истории рабочего класса изучались также экономика Сибири, буржуазия, общественное движение в целом. Был выпущен ряд сборников, библиографический справочник, хроника стачечной борьбы. Ежегодно проводились конференции в Новосибирске, Томске, Барнауле, где мы имели возможность познакомиться с историками всей Сибири.

В основу изучения социально-экономических и политических процессов, происходивших в дореволюционной Сибири, были положены статистические методы. Н.В. Блинов – один из тех историков, которые выкорчевывали иллюстративный метод, удобный для аргументации любых априорных положений. Воюя с историческими мифами,

Николай Васильевич прививал нам уважение к историческим фактам, учил читать труды классиков марксизма не как хранилище бесспорных истин, а как плод человеческой мысли, ограниченной и несовершенной, рожденной в определенной исторической ситуации. В условиях, когда подгонять факты под цитаты классиков было обычной практикой в среде историков, такого рода наука многого стоила. Сам постоянно ходивший на грани идеологического фола, Н.В. Блинов способствовал расширению творческого поля историков.

Большая часть текста «Истории рабочего класса Сибири в дооктябрьский период» была написана сотрудниками сектора Рабочего класса Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири при Томском университете. Этой лабораторией Н.В. Блинов руководил в 1979–1981 гг. Он мог определять направление дальнейшей работы группы историков, подготовивших книгу. Новой коллективной темой стала хроника рабочего движения в Сибири. Подобная работа разворачивалась в академических центрах страны. Сибирь стала зоной ответственности Томского университета.

Н.В. Блинов принял самое активное участие в разработке методики составления хроники и статистики рабочего и социал-демократического движения в России. Тогда же (в 1981 г.) по семейным обстоятельствам он переехал в Москву и стал сотрудником Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Принимая участие в подготовке обобщающих изданий по истории революционного движения в России, он не забывал и сибирские исследования. Заметным было его участие в трехтомной «Хронике рабочего движения в Сибири», инициатором подготовки которой он являлся, в работе над новым проектом: «Хроника общественного движения в Сибири». Под его руководством в Томском университете продолжали защищаться кандидатские диссертации, готовиться докторские диссертации.

В начале 90-х гг. наступил некоторый перерыв в научном творчестве Н.В. Блинова, долгое время он не мог найти работу по душе, пока не стал преподавателем Российского университета Дружбы народов в 1994 г. Сейчас он вновь публикует статьи по истории общественного движения, общественной мысли, историографии, методологии истории.

Круг научных интересов Н.В. Блинова по-прежнему широк, как и круг научного общения. Перемены, происшедшие в обществе, не могли повлиять кардинальным образом на его образ мышления как историка. Безусловно, какие-то коррективы в оценки событий им были внесены, однако ему нет надобности каяться, в чем преуспели многие историки, особенно бывшие историки партии. Всегда мысливший ав-

тономно от идеологических догм, он и сейчас от них свободен. Николаю Васильевичу, как и ранее, претит конъюнктурщина, внешние атрибуты научного успеха. Среди же знатоков отечественной истории мнение его по-прежнему авторитетно.

Николаю Васильевичу Блинову есть что еще сказать студентам и коллегам, он полон идей и замыслов.

Настоящий небольшой сборник составлен из статей учеников и коллег Н.В. Блинова. Они посвящены в основном статистико-экономическим, историографическим и локальным исследованиям истории Сибири. Здесь же представлен составленный впервые список трудов Н.В. Блинова, а также библиографии научных работ В.П. Зиновьева, которому 1 сентября 1999 г. исполнилось 50 лет.

Редколлегия

БЛИНОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
(автобиография)

Родился 15 августа 1929 г. в деревне Старой Покровке, Анжеро-Судженского района, Западно-Сибирского края. Родители – крестьяне до 1935 г., а позже – рабочие. Среднюю школу заканчивал экстерном[1]; Томский университет (историко-филологический факультет) – в 1953 г.; аспирантуру по кафедре истории СССР – в 1962 г. Кандидатскую диссертацию защищал на тему «Возникновение социал-демократических организаций в Сибири» (1962 г.), а докторскую, в 1975 г., по теме «Советская историография рабочего класса Сибири» (обе в Томском университете).

Доцент с 1964 г., профессор – с 1976 г. Своими научными руководителями и наставниками считаю Л.В. Алякринского, И.М. Разгона, А.П. Бородавкина, З.Я. Бояршинову, П.А. Зайончковского.

В Томском университете работал с 1953 г. по 1981 г. на кафедре основ марксизма-ленинизма, истории КПСС, истории СССР досоветского периода, заведовал Проблемной научно-исследовательской лабораторией истории, археологии и этнографии. С 1981 г. по 1992 г. работал в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС старшим, главным научным сотрудником, заведующим отделом. В 1992–1994 гг. был ведущим научным сотрудником в Институте национальных проблем образования Министерства образования РФ. С 1994 г. по настоящее время – профессор кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов.

Индивидуально и в соавторстве опубликовал 8 монографий общим объемом свыше 250 печатных листов, свыше 100 научных статей по проблемам истории, историографии, источниковедению социал-демократии, рабочего класса Сибири и России, политической истории Рос-

сии, археографии, государствоведению. Читал основные и специальные курсы, вел специальные семинары по истории КПСС, истории СССР, историографии и источниковедению истории России, по истории Сибири, по истории государства и права России, по теории и методике исторических исследований, руководил подготовкой аспирантов (защитилось 18 человек), докторских диссертаций[2]; был и являюсь членом советов по докторским диссертациям, постоянно выступал официальным оппонентом по докторским диссертациям.

Общественную работу всю не помню: был председателем спортклуба ТГУ, председателем областного совета ДСО «Наука»; секретарем комитета ВЛКСМ ТГУ, секретарем партбюро кафедр общественных наук, истфака, 7 лет членом парткома ТГУ, секретарем партбюро и членом парткома Института марксизма-ленинизма, избирался депутатом рай- и горсовета, членом разных министерских комиссий и проч.

Участвовал в международных конференциях и симпозиумах, выступал с докладами. Участвую и сейчас.

Женат. Сын – 1953 г. рождения, биолог. Дочь – 1956 г. рождения – журналист.

18 июня 1999 года. Н.В. Блинов

Примечания

1 По рассказам Н В Блинова, он в 15 лет ушел из дому для того, чтобы попасть на фронт После достаточно опасных приключений стал юнгой Сунгарийской флотилии, участвовал две недели в боевых действиях в августе 1945 г, затем учился в военном мореходном училище во Владивостоке, откуда ушел, не обнаружив в себе способности подчиняться воинским уставам

2 Среди учеников Н В Блинова – доктор ист наук Л И Галлямова (Владивосток), профессора университетов В П Зиновьев (Томск), В А Скубневский (Барнаул), А П Толочко (Омск), кандидаты исторических наук Б К Андрющенко, А Л Афанасьев, В И Зиновьева, Н М Дмитриенко, П С Коновалов (Томск), В Н Большаков (Смоленск), Л И Давыденко (Новокузнецк), А Е Плотников (Омск) и др

1. СТАТИСТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СИБИРЬ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ XVIII – НАЧАЛА XX вв.

В.П. Зиновьев

Переход человеческой цивилизации от аграрной эпохи своего развития к индустриальной длится уже почти пять веков. Он стал устойчивым процессом в странах Западной Европы в XVI в., обнаружился в России в XVII в., где стал необратимым с начала XVIII в., когда Петр I предпринял правительственные меры для насаждения мануфактур, основанных на принудительном труде. Феодальная индустриализация имела ограниченные перспективы, однако сохранила конкурентоспособность до середины XIX в. Капиталистический уклад хозяйствования в промышленности и транспорте страны, по мнению большинства специалистов, стал существенным явлением с 60-х гг. XVIII в., после запрещения приписки работных людей на недворянские заведения[1]. Другой крупной сферой частного капиталистического предпринимательства в XVII–XVIII вв. был водный транспорт, где число занятых к середине XVIII в. достигало 230–240 тыс. работников[2]. В этих двух сферах хозяйственной деятельности шло образование кадров мануфактурного пролетариата.

По-иному шло формирование капиталистического уклада в Сибири. Индустриальное ее развитие, взяв старт вместе с Россией в целом как частнокапиталистическое в XVII в. (назовем заводы Тумашевых, Ушаковых, Луданина, Перевалова, И. Шумилова, С.М. Третьякова, И. Штинникова, А.Т. Жилина, С. Максимова, И. Перфильева, К. Ерчанинова, Е. Курдюкова, А. Свечнина, г. Толстого и др.)[3], продолжилось затем как государственно-феодальное предпринимательство Кабинета, Казны, дворянства, монастырей. Купечество, в условиях дефицита трудовых ресурсов, также охотно пользовалось внеэкономическими способами рекрутирования рабочей силы. Указ 29 марта 1762 г. не оказал большого влияния на характер формирования кадров купеческих мануфактур в Сибири, так как здесь постоянный приток подневольной рабочей силы давала штрафная колонизация. Несложное про-

изводство сибирских «фабрик" и заводов вполне удовлетворялось такими работниками как каторжные, ссыльнопоселенцы, крестьяне и мещане-недоимщики Наряду со скудостью трудовых ресурсов, транспортными трудностями и отсутствием кредита, положение мануфактурной промышленности в крае усугублялось ее слабыми связями с рынком Крупная промышленность Сибири XVIII в обслуживала, как правило, казенные нужды (Монетный двор, географические экспедиции, Нерчинскую каторгу, кабинетские заводы, воинские команды и экспедиции, канцелярии) и потребности небольшого слоя чиновничества и купечества На широкого потребителя, конкурируя с корчемством, выходили только две отрасли – винокурение и солепромышленность. Крестьянское и мещанское население обеспечивало себя всем необходимым посредством домашнего, ремесленного и мелкотоварного ручного производства. Все это обусловливало неустойчивость мануфактур, их полную зависимость от казны и произвола властей

Наиболее известна и показательна в этом плане история Алтайских горных заводов Акинфия Демидова Они были основаны Демидовыми в 1726 г. по привилегии выданной Берг-коллегией, с правом использовать труд гулящих и других наемных людей. Однако в 1738 г. работники были закреплены за предприятиями навечно. В 1747 г. императрица Елизавета, воспользовавшись фискальными долгами Демидовых, повелела округ со всем имуществом и людьми взять в собственность короны[4]

Подобным же образом было ликвидировано крупнейшее в Сибири XVIII в. частное горнозаводское дело М.В. Сибирякова, который в 1759 г. заключил с Казной договор о поиске и добыче руд в Сибири и Даурии. Им были найдены 23 месторождения серебросвинцовых руд, в том числе богатейший Михайловский рудник, давший за 1760–1790 гг. серебра на 2,5 млн. руб.[5]. На рудниках и Воздвиженском заводе Сибиряковы использовали труд крепостных (48 душ) и до 300 работников с Нерчинских казенных заводов В 1779 г. «Сенат велел рудники Сибирякова отобрать, а прочее имение взять в секвестр» на основании инструкции командора Нерчинских рудников В.И. Суворова о запрещении строить частные заводы близ казенных. В 1782 г. имущество Сибиряковых было возвращено по представлению Берг-коллегии, но заводчик не имел средств восстановить сгоревший и обрушившийся Михайловский рудник[6]. В 1790 г. предприятия Сибирякова прекратили действие, а в 1797 г. были взяты за долги в казну с выплатой владельцам 2,7 тыс. руб. ежегодной ренты. В 1803 г. рудники Сибиряковых перешли вместе с Нерчинскими заводами в ведение

Кабинета, а в 1811 г. объявлены выморочными, и поступили в казну (на самом деле – в Кабинет)[7].

Казна в течение XVIII в. монополизировала солепромышленность и винокурение. Например, Усольский (Тасеевский) солеваренный завод, основанный промышленниками А. и К. Жилиными в 1641 г., сначала перешел во владение Троицкого монастыря, а в 1764 г. – отошел к Казне [8]. В 1891 г. Казна скупила все винокуренные заводы откупщиков Глебова и М.М. Походяшина [9].

В XVII в. мануфактурная промышленность Сибири практически не использовала наемный труд, поэтому говорить о формировании здесь капиталистического уклада было бы неверно. В XVIII в. на 32 заводах Сибири вместе с рудниками, их обслуживавшими, было занято около 7 тыс. работников [10]. Из них по вольному найму работали немногие на винокуренных, солеваренных заводах и текстильных фабриках. Крестьяне же и мещане, работавшие на промышленных заведениях, нередко были из недоимщиков, а не вольнонаемными. Например, в 1776 г. на Иркутский винокуренный завод из Томска были высланы 8 мещан для отработки подушных денег [11]. В 1812 г. на Краснореченский завод власти выслали для отработки казенного долга сидельцев винных лавок из Томска и их поручителей, всего 5 человек [12].

Сферой вольного найма были мелкие городские предприятия, строительство, речной транспорт, добыча соли на степных озерах, рыбные промыслы. По данным Комиссии о коммерции, в городах Сибири в 1760-е гг. насчитывалось 6555 человек, занятых ремесленным трудом, и 3512 наемных работников [13]. Выяснить число работников, занятых в остальных отраслях производства, невозможно, таких данных просто не сохранилось. Однако косвенные и отрывочные сведения позволяют думать, что счет таковых должен вестись на сотни и тысячи. Только в Тобольской губернии, судя по материалам, найденным Д.И. Копыловым, в 1760-е гг. было занято до 4 тыс. работников на строительстве казенных судов [14]. С переходом на вольнонаемные подрядные работы число работников в судостроении уменьшилось, так как 5–7 наемных работников заменяли 15–20 обязанных. В Западной Сибири в середине XVIII в. строилось до 300 крупных судов в год, следовательно, на строительстве было занято до 1,5–2 тыс. работников [15]. В Восточной Сибири во второй половине XVIII в. строилось не менее 200 крупных судов в год [16], значит, этим занималась, по крайней мере, 1 тыс. человек. Суда строились крестьянскими артелями. Однако есть свидетельства, что появились в XVIII в. предприниматели, сооружавшие суда по заказам. Так, томский купец А.М. Шумилов в 1788 г. по-

строил для контрагента Казанцева 10 судов за 10 тыс. руб., а всего за 1785–1790 гг. построил наемными людьми 59 судов на Долоновском плотбище и в д. Спириной [17].

Приблизительный подсчет числа работников, занятых в судоходстве Сибири, показывает, что это была, как и в Европейской России, наиболее развитая сфера найма. Если принять среднюю численность команды крупного судна (барки, дощаника) в Западной Сибири в 25 человек[18], то на всех 300 судах должно было работать не менее 7,5 тыс. чел., в т.ч. 2 тыс. обязанных крестьян по проводке казенных судов в Тобольской губернии[19]. В Восточной Сибири, при средней численности команды судна в 5 чел.[20], было занято всего до 1 тыс. работников. Итого по Сибири во второй половине XVIII в. насчитывалось не менее 8,5 тыс. судорабочих.

Только на наемном труде основывались рыбопромысловые заведения. Капиталистические предприятия в отрасли отмечены источниками с начала XVIII в. Уже в 20–30-е гг. этого века томские предприниматели из купцов и дворян кортомили пески по Томи и Оби у местных татар и ставили невода с наемными работниками. В документах упоминаются уставщики с товарищами. В 1791 г. купец А.М. Шумилов арендовал на Оби два песка и неводил рыбу с наемными работниками. В низовьях Оби к началу XIX в. сложилась система многолетних договоров об аренде песков у коренных жителей для промыслового лова с сотнями наемных людей. Известны также товарные промыслы графа И.И. Шувалова на Байкале[21].

В целом на 9 тыс. подневольных работников в Сибири в летнюю пору 60–70-е гг. XVIII в. приходилось около 13 тыс. наемных работников. В зимнее же время индустриальная сфера края обходилась преимущественно принудительным трудом.

В первые десятилетия XIX в. сфера феодального предпринимательства в Сибири продолжала расти. Кабинет полностью монополизировал горнорудное производство. Появились в крае и помещичьи винокуренные заводы Панаевых и Базилевских. В Тобольске, Томске, Иркутске, Верхнеудинске были основаны для утилизации труда ссыльных ремесленные (работные) дома. В Иркутской пересыльной тюрьме, на Омской войсковой фабрике арестантов приспособили к сукноделию. Тельминская фабрика на рубеже XVIII и XIX вв. из захудалого купеческого заведения была преобразована Казной в крупный промышленный комплекс, действовавший трудом ссыльнорабочих и приписных крестьян. Хотя грандиозный проект кригсталмейстера Новицкого не был осуществлен, и, вместо 6 тыс. работников, было набрано

2,3 тыс., а затем оставлено менее тысячи. Тельминская фабрика включала суконное, стекольное, мукомольное, кирпичное, поташное, писчебумажное, кожевенное, свечное и мыловаренное производства почти на 68 тыс. руб. продукции в год и была крупнейшим промышленным предприятием Сибири[22].

Ссыльные были также основными работниками на винокуренных и солеваренных заводах, использовались в строительстве зданий и дорог. Так, Иркутское губернское правление в 1801 г. сообщало Сенату, что «все казенные работы в его ведомстве как, например, устройство дорог, постройка каменного тюремного замка и казарм и проч., производятся ссыльными, число коих, однако далеко недостаточно». На устройстве дорог в этот момент в Восточной Сибири было занято 400 чел. ссыльнопоселенцев[23], на казенных верфях в 1801 г. трудились 182 колодника[24]. В 1820-е гг. власти попытались сформировать постоянные военнорабочие команды из ссыльных для устройства путей сообщения. В 1825 г. числилось по штату 1150 таких строителей (табл. 1). В начале 30-х гг. XIX в., с открытием золотых россыпей появился новый источник доходов для Казны и царской фамилии, а также для дворянства – золотопромышленность, которая на землях Кабинета опиралась исключительно на труд мастеровых и каторжников. Существовало множество проектов разработки частных промыслов руками крепостных крестьян и каторжников.

Распространение сферы феодального предпринимательства на новые отрасли промышленности не означало, однако, его перспективности. Экономическая целесообразность применения принудительного труда исчезала с расширением рынка наемной рабочей силы и ее удешевлением вследствие роста ссылки и переселений. Принудительный труд, несмотря на кажущуюся дешевизну, был дорог, так как был малоэффективен (ниже по производительности в 2–3 раза вольнонаемного). Кроме того, он требовал больших расходов на стражу, строительство острогов и казарм. Сначала от услуг каторжников отказалось судостроение[25], затем были распущены военнорабочие команды, сократилось употребление каторжного труда в солеварении.

В конце 20-х – начале 30-х гг. буквально рухнуло основанное на каторжных порядках казенное винокурение. Были ликвидированы почти все казенные винокуренные заводы. Л. Потехин писал, что в 1829 г. «по неудобству мест и дороговизне хлеба, проданы были с публичного торга заводы: Бриловский, Никольский, Сидоровский, Чернореченский, Ваштранский. Затем в 1830 г., по той же причине были упразднены заводы Петровский и Боровлянский, и выкурка вина сосредоточе-

на на Успенском и Екатерининском заводах; в 1831 г. – Николаевский, в 1840 г., по скудости воды и лесу – Краснореченский, в 1849 – Ялтинский, в 1851 – Каменский, 1853 – Падунский и Боготольский, и, наконец, в 1856 г. был закрыт Керевский завод, вследствие постоянных убытков, а также из экономии не строить новую винницу, сгоревшую в 1855 г.»[26] До реформы 1861 г., дожили три завода – Успенский, Екатерининский в Тобольской губернии и Александровский – в Иркутской, сосредоточившие все казенное производство вина

Таблица 1

Структура занятости в промышленности и на транспорте Сибири в 1820-е гг.*

Отрасли производства, и промышленные районы	Предприятий	Работников	
		Подневольных	Наемных
Алтайский горный окр	60	16540	–
Нерчинский горный окр	24	5291	–
Солеварение	7	761	–
Ирбинский железоделательный завод	1	–	240
Казенное винокурение	13	3600	–
Суконные фабрики казны и ремесленные дома	7(5)	1356	–
Военно-строительная рабочая команда	–	1150	–
Частная обрабатывающая промышленность	271	755	1400
В т.ч. мануфактурная	30	755	566
Рыбная промышленность	–	–	3000-3500
Судостроение	–	–	2000
Водный транспорт	428 судов	–	10000–11000
Итого	–	28788	17140-18140

*Источники подсчета по Алтайскому, Нерчинскому горным округам, солеваренным заводам сведения на 1819–1820 гг. по материалам отчета М.М. Сперанского (РГИА. Ф. 1264. Оп.1. Д. 2. Л. 188, 197, 482, 493, 315, 317, 314, 354, 357). По Ирбинскому заводу – 1824 г., (Рабочее движение в Сибири. Томск, 1988. Т. I. С. 129). По винокуренным заводам: Красноярский, Каменский – 1820 г. (ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1131. Л. 2–4),

Успенский – 1823 г. (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 100. Л. 6), Екатерининский и Илгинский – 1840 г. (ГАОО. Ф. 367. Оп. 1. Д. 766. Л. 19, 60), Александровский – 1833 г., (Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1900. Т. I. С. 183), по остальным заводам (в т.ч. 6 частным) дано расчетное число 11 работников на 10 тыс. ведер вина (Карцов В.Г. Декабрист г.С. Батеньков. Новосибирск, 1965. С. 214; Потехин Л. Винокурение в Сибири // Промышленность, мануфактура и торговля. СПб., 1862. Т.IV, № 10. С. 484–485). По казенным заведениям: Тельминская фабрика – 1812 г., (Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827. С. 185, 244, 263–264), Омская суконная фабрика – 1826 г. (РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 54. Л. 12), Верхнеудинский ремесленный дом – 1831 г. (ЦГА РБ. Ф. 11. Оп. 3. Д. 557. Л. 1–2). Нет сведений по Томскому ремесленному дому и Тобольской суконной фабрике. Военнорабочая команда Х округа путей сообщения – 1825 г. (ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 320. Л. 43). По частной обрабатывающей промышленности: Тобольская губ. – 1824–1826 гг. (ГАТО. ТФ. Ф. 329. Оп. 545. Д. 31. Л. 107–231; Д. 45. Л. 13–244), Забайкальская обл. – 1826 г. (ЦГА РБ. Ф. 108. Оп. 1. Д. 18. Л. 5–25). Томская и Иркутская губ. – 1820 г. – 195 предприятий с 4 рабочих в среднем (Карцов З.Г. Декабрист г. С. Батеньков. С. 70–71). По рыбной промышленности: низовье Оби – 1100–1500 чел. (РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 150. Л. 68; ГАТО. ТФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16. Л. 1–39), Нарым – 18 песков в 1834 г. по 20 рабочих – 360 чел. минимум (РГИА. Ф. 383. Оп. 30. Д. 33. Л. 54), Байкал – 70 судов по 20 чел. – 1,4 тыс. чел. минимум (Пежемский П. Рыбная производительность озера Байкала // Вестник ИРГО. СПб., 1853. Кн. 8. С. 13), Селенга – 300 чел. (ЦГА РБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3788. Л. 13–14 – подсчет). Данные о числе судов взяты из ведомостей на 1820 г. по отчету М.М. Сперанского (ЦГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 4. Л. 346–358. Учтены суда по Иркутской, Томской, Енисейской, Тобольской, Подчувашской и Тюменской пристаням: 1046 плотов (по 2,4 чел. на плот), 661 лодка (по 2 чел.), 84 барки в Западной Сибири (по 11 чел.), 144 судна в Западной Сибири (по 28 чел.), 200 судов в Восточной Сибири (по 5 чел.), 5 (по 60 чел.), 5 (по 40 чел.) и 7 (по 30 чел.) судов, возведенных на Енисее и на Лене. Среднее число судорабочих на одном судне взято по ведомости о судоходстве в Томской губернии за данный год (ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 14. Л. 7–150). По судостроению учтены только строители 200 судов (барок и паузков) в Восточной Сибири (по 5 чел.) и 80 судов (барок и паузков) в Западной Сибири (10–15 чел.). (Копылов Д.И. Судостроение в Западной Сибири... С. 81–86).

При внешнем благополучии нарастали кризисные явления в кабинетском хозяйстве. Падение естественной производительности руд возмещалось ростом числа занятых рабочих. Тысяча пудов серебра выплавлялась в 1770 г. силами 4 тыс. мастеровых и 25 тыс. крестьян, в 1819 г. – 17 тыс. мастеровых и 96,7 тыс. крестьян, а в 1860 г. – 20 890 мастеровых и 134 029 приписных крестьян[27]. М.М. Сперанский констатировал в своем «Отчете об обозрении Сибири»: «Можно решительно утверждать, что ни в какой стране на свете не будут обраба-

тывать серебро, добывая 2 золотника из пуда. Сие могло бы быть только там, где нужно бы было истребить леса и чем-нибудь занять совершенно излишние и ни к чему другому не способные руки»[28]. Еще более уничтожающей критике он подверг хозяйство Нерчинского округа Кабинета, которое держалось за счет почти дарового труда приписных крестьян, мастеровых и каторжных, принудительного скупа хлеба за бесценок, а также за счет бесплатного пользования природными ресурсами обширного края. Кабинетское хозяйство оставалось выгодным делом для императора, пока обменный курс серебряных денег составлял 1 рубль к 4 ассигнационным. Финансовые операции с серебром превращали миллионные убытки в 4 млн. руб. прибыли ежегодно[29]. Кабинет также беззастенчиво забирался в государственный карман, модернизируя заводы, управляя и охраняя свои владения за счет государственных средств, государственными специалистами и полицией. При всем этом, серебросвинцовое производство на Алтае переживало застой, а в Нерчинском округе – упадок. Наиболее прибыльной частью кабинетских владений с 30-х гг. XIX в. стали золотые прииски, давшие на Алтае в 1830–1860 гг. 961,5 пуд, а в Забайкалье – 1183 пуда золота[30]. Золотой допинг отсрочил падение горного хозяйства Кабинета на долгие годы, подобно тому, как в 70–80-е гг. нашего века большая сибирская нефть отсрочила падение советской хозяйственной системы.

Нельзя было отнести к разряду процветающих и те частные мануфактуры в Сибири первой половины XIX в., которые пользовались принудительным трудом. Рос только Тальцинский промышленный комплекс близ Иркутска, стекольное производство на нем возникло в 1784 г., суконное – в 1827 г., фаянсовое – в 1829 г., фарфоровое и лесопильное – в 1850 г. Заводы эти занимали в 1784 г. 20 работников, в 1814 г.– 40, в 1832 г. – 80, в 1862 г. – 134 обязанных работника[31].

Посессионные мануфактуры Тобольской губернии переживали трудности. Несла убытки стекольная фабрика Корнильевых, на вольнонаемный труд все больше переходили бумажные фабрики Дьяконова и Панасевых. Из 184 работников на них в 1831 г. лишь 39 остались приписными[12].

Частная обрабатывающая промышленность, основанная на вольном труде, наоборот, выросла. Если в 1820-х гг. насчитывалось около 260 относительно крупных заведений с числом рабочих до 1400, то в 1851 г. – 255 с 1750 работниками и 1200 тыс. руб. суммы производства[33], а в 1860 г. – 747 предприятий с 3864 работниками и 3,2 млн. руб. суммы производства[34]. Точность цифр относительна, однако тенденция увеличения чис-

ла занятых работников и рост суммы производства видны отчетливо Можно согласиться с мнением авторов «Истории рабочих Сибири», что во второй четверти XIX в обрабатывавшая промышленность Сибири вступила в мануфактурный период своего развития, что в ряде отраслей промышленности капиталистические мануфактуры заняли господствующее положение[35]. Действительно, в бумажном, кожевенном, мыловаренном, стекольном производствах мануфактуры заняли ведущие позиции Но, на мой взгляд, рискованно утверждать, что капиталистическая мануфактура в Сибири в конце 1850-х гг. стала основной формой производства в обрабатывающей промышленности региона[36]. Ведь некоторые отрасли остались в руках феодальных предпринимателей – винокурение, сукноделие, солеварение, а их производство составляло до 2 млн. - руб. в год без акциза Да и мелкое товарное и домашнее производства, размеры которых невозможно установить с точностью, судя по отдельным примерам, превосходили порой во много раз мануфактурное по объему выпуска продукции Крестьяне только Тюменской округи выделывали в три раза больше сукна и в десятки раз больше холста, чем мануфактуры Сибири[37]. В мукомольной промышленности крупные мельницы считались единицами, а мелкие крестьянские - тысячами. Ремесленное производство по числу работников еще значительно превышало цензовую промышленность В Тюмени в 1860 г. насчитывалось 330 наемных рабочих в промышленных заведениях и 1690 в ремесленных, в Томске соответственно – 359 и 921 на 1850 г., в Тобольске – 140 и 503 на 1850 г.[38] «Фабричная промышленность в детстве и способы ее до того первобытны, что она с одинаковою выгодою производится и в крестьянской избе, и в городском помещении», – заключил анализ промышленности Сибири Ю Гагемейстер[39]. Таким образом, нельзя отрицать, что в обрабатывающей промышленности Сибири ко второй четверти XIX в. сформировался и рос капиталистический уклад, но в дореформенное время он так и не стал господствующим.

Зато в другой отрасли хозяйства – золотодобыче –капиталистическое предпринимательство сразу заняло ведущую позицию. В 1812 г. было разрешено русским подданным разрабатывать серебряные и золотые руды на Урале, а затем и в Западной Сибири развернулись поиски золотоносных месторождений. Первым обнаружил золото в Тюменском округе на реке Ивановой в июне 1824 г. екатеринбургский мещанин Еким Швецов, которому в разработке было отказано за неимением у него гильдейского свидетельства. В 1826 г. получили право поиска золота в Тобольской губернии купцы Е. Рязанов, Баландин, Черепанов, Верходанов Получил такое же право 9 февраля 1827 г.

верхотурский купец Андрей Яковлевич Попов, с именем которого и связано открытие промышленного золота в Сибири. В 1828 г. вели поиск золота уже 9 предпринимателей, и было сделано 180 заявок. Но первые по-настоящему удачные заявки на 11 приисков по притокам реки Кии – Кундату, Берикулю, Закроме, Сухому Берикулю, были сделаны 11 августа 1828 г. компаньоном и племянником А.Я. Попова Федотом Ивановичем Поповым[40]. Их затраты на разведку составили гигантскую по тем временам сумму – 330 тыс. руб.[41] Открытие золота в Сибири было, таким образом, не игрой случая, как порой пишут историки, а результатом упорного труда сотен людей, больших затрат капитала и энергии.

Поисковые партии, снаряженные частными лицами, Казной, Кабинетом в 30-е гг. нашли золото на Алтае, в Енисейской губернии, в Забайкалье. В 40-е гг. начались поиски его в бассейне Лены, а в 50-е гг. – на Амуре. За два десятилетия среднегодовая добыча золота выросла с 45 пудов в 1831–1835 гг. до 1296 пудов в 1846–1860 гг. В 1856–1860 гг. она несколько снизилась – до 1048 пудов в год, но составила 4/5 общероссийской добычи. В 40-е гг. XIX в. Сибирь была крупнейшим в мире поставщиком золота, она давала 39 % мировой добычи этого металла. В 30-се гг. основным районом золотодобычи была Мариинская тайга, а в 40–50-е гг. – Енисейская тайга[42].

Золотопромышленность дореформенной Сибири была сферой предпринимательства дворян и гильдейского купечества. На их долю падали 91,3 % добытого в Сибири в 1829–1860 гг. золота (21462 пуда на 284 млн. руб.). По объему производства частная золотопромышленность превышала все остальные отрасли производства промышленных товаров вместе взятые, составив в 1860 г. 13,6 млн. руб.[43]

В техническом отношении новая для Сибири отрасль горного дела покоилась на мускульном труде тысяч людей и животных. Добыча шла с применением самых примитивных орудий – лопат, кайл, балд. Порода перевозилась тачками или в двухколесных телегах – таратайках. Совершенствовалась преимущественно одна операция – промывка золотоносного песка. От вашгердов и бутар с производительностью в несколько десятков и сотен пудов приискатели перешли к чашечным и бочечным машинам с производительностью в несколько тысяч пудов промытой породы в сутки. Машина стала цементирующим звеном, сердцем централизованных мануфактур, какими были сибирские прииски XIX в.

Создание промывальных машин, работавших на конной или водяной тяге, было несомненным достижением русской технической мыс-

ли, ускорило развитие золотопромышленности, но не могло революционизировать все стороны золотого дела, поскольку другие основные операции – добыча и транспортировка песка, остались на мускульном уровне и тормозили производительность труда. Частичная замена ручного труда простыми механизмами и животными давала меньший эффект, чем рационализация в использовании живого труда рабочих. Введение золотопромывальных машин в 30–40-е гг. дало прирост производительности труда в целом по приискам на 6–8 %, поскольку возросшая производительность при промывке пород тут же снижалась увеличением объема ручного труда при добыче и перевозке песка. Замена ручной откатки песков конной и в вагонетках дало 25–33 % прибавки производительности, а интенсификация труда забойщиков и возчиков увеличила ее в три раза с 1830-х по 1890-е гг.[44] Гидромониторы, драги, механические буры, взрывчатые вещества, паровая и электрическая техника увеличивали производительность работы в десятки раз. Внедрение этого оборудования, двигателей и составило суть технического переворота в отрасли в конце XIX – начале XX вв.

Примитивность техники золотодобычи требовала массы рабочих рук, поэтому армия работников в отрасли увеличивалась исключительно быстро. Золотые прииски стали важнейшим центром притяжения наемных рабочих Сибири. Если в 1830 г. в Томской губернии на частных приисках находились 800 работников, то в 1834 г. – около 6 тыс., а в 1837 г., вместе с Енисейской губернией, – 10 тыс. В 1845 г. на частных приисках Сибири было 30 тыс. рабочих, в 1850 г. – 27,7 тыс., в 1860 г. – 28,3 тыс.[45]

Кроме золотых приисков, крупной сферой капиталистического предпринимательства в первой половине XIX в. оставалась рыбодобыча, особенно на Байкале, низовьях Оби, в Нарыме, Барабинских озерах.

Капиталистический характер все более приобретал транспорт. Речные перевозки стремительно росли. В 1820 г. насчитывалось 428 судов разного типа, в 1850 г. – 1009, а в 1861 г. – 2891, число работников возросло соответственно с 10–11 тыс. до 22,5 тыс. и до 32,7 тыс.[46] При всей условности данных губернской статистики, отмеченные темпы роста исключительно высоки. Казенные перевозки хлеба, вина, соли, свинца осуществлялись по подрядам контрагентами из крестьян, мещан, купечества. Здесь сколачивались крупные капиталы[47]. Часть судовладельцев специализировалась на транзитных перевозках чаев и мануфактуры между Томском и Тюменью. В 1801 г. в Томске числилось 10 торговых фирм, занимавшихся такими перевозками на 15 судах, в т.ч. Ф. Серебренни-

ков. Ф. Закревский. Конкуренция между ними заставила Томскую городскую думу регулировать порядок контрактации судов и цену фрахта[48]. В 1810–1850-х гг. перевозками занимались крупные предприниматели – М.Б. и А.М. Серебренниковы, Е. Серебренников, Д.И. Тецков, М.М. Карпов, П.Ф. Закревский и др.[49] Обозначилась устойчивость сферы предпринимательства и преемственность в ведении дел.

Объектом частного предпринимательства в 1820–1830-е гг. стали гужевые перевозки, доставка почт. С этого времени начали формироваться капиталы «доставщиков» Шешуковых, Пушниковых, Кухтериных, Ботошковых[50].

Можно с уверенностью сказать в итоге, что с 30-х гг. XIX в. капиталистический уклад стал определять тенденцию индустриального развития Сибири. Капиталистическое предпринимательство с этого времени в золотопромышленности, а еще ранее – в речном транспорте, рыбопромышленности, извозе, стало главным. Феодальное предпринимательство еще сохраняло прочные позиции в горнометаллургическом производстве, солеварении, винокурении, сукноделии вплоть до реформы 1861 г. Эти же отрасли были в руках дворян и Казны и в Европейской России. В ряде отраслей обрабатывающей промышленности капиталистические мануфактуры конкурировали не с феодальными предприятиями, а с мелкими товаропроизводителями. При слабой насыщенности рынка, его постоянном расширении за счет переселений, в Сибири эта конкуренция была слабой, все формы товарного производства имели перспективы для развития.

Реформа 1861 г. имела существенное значение для индустриализации Сибири, уничтожив обязательный труд на предприятиях Кабинета, на посессионных и помещичьих фабриках, в казенных заведениях. Промышленное развитие Сибири, как и всей страны, ускорилось. Положение края определило особенности процесса экономического развития: его отставание от центра страны и неравномерность по географическим районам и отраслям экономики.

Темпы и масштабы капиталистических преобразований в Сибири все более зависели от прочности связи ее с промышленными районами страны, т.е. от состояния транспорта. Последний играл в освоении Сибири, вследствие ее громадной протяженности, исключительно важную роль. От быстроты доставки и пропускной способности транспорта зависели темпы аграрной и промышленной колонизации, технического перевооружения промышленности, скорость и формы товарообмена, условия и объем капиталовложений.

Таблица 2

Структура занятости в промышленности и на транспорте Сибири в 1850 г.*

Отрасли производства, и промышленные районы	Предприятий	Работников	
		Подневольных	Наемных
Алтайский горный окр.	59	20510	-
Нерчинский горный окр.	45	10331	-
Солеварение	4	1718	-
Винокурение казенное	6	3371	-
Казенные суконные фабрики	5(4)	96	223
Частная обрабатывающая промышленность	255	100	1747
Золотопромышленность частная	226	-	27435
Рыбопромышленность	-	-	3000- 3500
Судостроение	-	-	2000
Водный транспорт	1009	-	22500
Итого		36995	57405

*Источники подсчета. по Алтайскому горному округу – отчет за 1851 г. (РГИА. Ф.468. Оп.19. Д. 383. Л. 8–20), по Нерчинскому горному округу – отчет за 1851 г. (Там же Д. 394. Л. 14- 22), по солеваренным заводам – 1853 г. (Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири ..СПб., 1854 Т. 2. С. 465), по винокуренным заводам – Екатерининскому, Успенскому, Керевскому за 1851 г., Александровскому, Илгинскому, Каменскому за 1849 г. (Гагемейстер Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 474, 488), по казенным суконным фабрикам: Тельминской, Омской, Иркутской, Иркутскому ремесленному дому 1840-е гг. (Гагемейстер Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 178, 179 498–499; РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 1247. Л. 52; Рутц М.Г. Промышленность городов Западной Сибири в первой половине XIX в. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 73), по частной обрабатывающей промышленности – ведомости о фабриках и заводах в 1850 г. (РГИА. Ф. 1265. Оп. 1 Д. 211. Л. 2), плюс 3 винокуренных частных завода Западной Сибири примерно с 200 рабочих и 3 мельницы в Алтайском крае (ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 191. Л. 7–107), по золотой промышленности за 1850 г. (Гагемейстер Ю. Указ. соч. Ч. 1., С. 358), по рыбопромышленности и судостроению сведения взяты из табл. 1, по речному транспорту учтены сведения для Иркутского генерал-губернаторства за 1851 г. (РГИА. Ф. 1281. Оп. 5. Д. 130. Л. 170–171), для Западной Сибири учтены сведения о судах (495 дощаниках и барках) и 3088 плотах (Копылов Д.И. Судостроение Западной Сибири... С. 88). Среднее число работников на одном судне взято 25, на одном плоту – 2.

До начала строительства железных дорог в Сибири основным транспортом был гужевой. Основные центры Сибири связывали 37 трактов. Московский тракт шел через крупнейшие города Сибири: Тюмень – Омск – Томск – Красноярск – Иркутск – Читу. Зимой и летом по нему тянулись тысячи возов. При этом грузооборот быстро нарастал. Если в 1840 г. Томская таможня зарегистрировала около 21 тыс. возов (18,7 тыс. т), то в 1866 г. – 35,6 тыс. возов (28,5 тыс. т), а в конце 80-х гг. – 70 тыс. возов (56 тыс. т)[51]. Привоз кладей в крупные города достигал сотен тысяч возов, например, в 1888 г. в Иркутск пришли 178,9 тыс. возов[52]. Основные перевозки были организованы капиталистически, их захватили крупные транспортные фирмы Хаминова, Каменских, Кочешевых (60-е гг.), позднее – Кухтериных, Королевых, Корнилова, Пушникова, Малых, Т-ва «Надежда». Извоз привлекал до 100 тыс. чел. в год. Крестьяне притрактовых сел говорили, что «кормятся бичиком»[53].

Гужевой транспорт уже не мог удовлетворять нужды экономики края в оптовых и транзитных перевозках. Их механизация в Сибири началась с водного транспорта, который летом, даже при мускульном труде сотен бурлаков, значительно удешевлял доставку товаров по сравнению с колесными трактами. В 1844 г. совершил первый рейс между Тюменью и Томском пароход «Основа», появился первый пароход на Байкале[54]. В 1860 г. по рекам Западной Сибири плавали 10 пароходов, в 1880 г. – 37, в 1894 г. – 105 пароходов и 200 барж[55]. В 1856 г. появился пароход на Лене, в 1863 г. – на Селенге и Енисее. В 1895 г. на реках Восточной Сибири плавали 38 пароходов и 50 барж. В 1896 г. на всех реках Сибири насчитывалось 172 парохода мощностью в 10 575 сил и 827 грузовых судов общей грузоподъемностью в 50 тыс. т. Объем перевозок быстро возрос с 16 тыс. т в 60-е гг. до 40 тыс. т в 70-е гг. и до 320 тыс. т в 1892 г. только по Западной Сибири[56]. Водный транспорт стал первой отраслью экономики края, где произошел технический переворот[57].

Таким образом, если в центре России, как и в классическом английском варианте, промышленный переворот последовательно охватывал легкую промышленность, затем – Тяжелую индустрию, транспорт, связь, сельское хозяйство, то на окраинах Российской империи промышленный переворот начинался с транспорта, в сибирском варианте – с водного транспорта, а затем – с железной дороги, которые и создавали условия для промышленной революции в других отраслях.

В промышленности Сибири в 60–90-е гг. XIX в. этот процесс только начинался. В 1865 г. из 1547 предприятий с 49,6 тыс. рабочих, учтенных в Сибири официальной статистикой, лишь 8 (0,5 %) были фабричными, и они занимали 0,8 тыс. рабочих (1,6 % от общего числа).

В 1895 г. на 12071 предприятие с 65,6 тыс. рабочих приходилось 99 (0,8 %) фабричных с 9,5 тыс. рабочих (14,4 %)[58].

Если в России в целом промышленная революция победила к 90-м гг. XIX в., то в Сибири она делала лишь первые шаги. Фабричные предприятия с применением машин и паровых двигателей давали основную продукцию лишь в главных отраслях обрабатывающей промышленности – винокурении, мукомольной, черной металлургии. Больше всего фабрик было в Тобольской и Томской губерниях.

В горнодобывающих отраслях заметным явлением внедрение машин стало с 80-х гг., когда появились первые гидромониторы, золотоизвлекательные фабрики на паровой тяге, нашли широкое применение паровые машины на вспомогательных операциях, стали испытываться первые драги. Однако энерговооруженность труда в сибирской промышленности осталась низкой. В 1895 г., в горной промышленности края насчитывалось 154 механических двигателя в 2579 л.с., из которых только 75 в 1,6 тыс. л.с. были паровыми и турбинными[59]. В обрабатывающей промышленности на всех предприятиях было 97 паровых машин[60].

Основную часть товарной продукции промышленности Сибири давали мануфактуры централизованного типа. В 1865 г. 400 мануфактур (26 % всех предприятий) имели 43,2 тыс. рабочих (87,2 % общего числа), а в 1895 г. – 800 мануфактур (6,7 % предприятий) занимали 37,2 тыс. рабочих, или 56,7 % их общего числа. Однако численно в Сибири преобладали мелкие заведения домануфактурного типа. В 1865 г. их было учтено 1140 (73,7 % общего числа). Они занимали 6,6 тыс. (11,2 %) рабочих. В 1896 г. 11,2 тыс. заведений такого типа (92,5 %) занимали 18,9 тыс. (28,8 %) рабочих[61]. Кроме того, в начале 90-х гг. в Сибири насчитывалось около 60 тыс. ремесленников[62]. Если же учесть, что официальная статистика не полностью регистрировала мелкие заведения ремесленников, крестьян, то положение мануфактур и фабрик в Сибири можно уподобить островам в море мелких и мельчайших заведений.

Отраслевая структура сибирской промышленности была характерна для отсталых в промышленном отношении областей. Обрабатывающие производства долгое время уступали добывающим по объему производства и числу занятых рабочих. Преобладали заведения по обработке сельскохозяйственной продукции. Сложные производства – спичечное, стекольное, ткацкое, фарфоровое, бумажное, металлообрабатывающее, были представлены единичными заведениями из-за недостатка оборудования, нехватки сырья, квалифицированных кадров, узости рынка сбыта. Неустойчивые вследствие узости рынков сбыта и сырья, постоянного дефицита оборотных средств предприя-

тия строились комплексными для более рационального использования сырья и маневрирования капиталами.

Из добывающих отраслей по-прежнему наибольшее значение имела добыча и выплавка драгоценных металлов. Сибирь давала почти все серебро и более половины золота империи. Золотопромышленность развивалась хотя и медленно, но в целом поступательно. В 1861 г. добыча золота составила 18,7 т, в 1870 г. – 25,9 т, в 1880 г. – 27 т, в 1890 г. – 21,9 т[63]. Падение кабинетской золотопромышленности с лихвой компенсировалось частным предпринимательством, открытием новых месторождений золота. Вместе с выработкой наиболее богатых месторождений, основной район золотодобычи перемещался на восток. В первое пореформенное десятилетие он находился в Енисейской губернии, с семидесятых годов – в Якутской области, куда до 1898 г. входили Ленские промыслы. Государство шло на значительные уступки частным промышленникам. В 1862–1863 гг. была разрешена добыча золота на землях Кабинета. Вышедший в 1870 г. новый Устав о золотопромышленности разрешал занятие добычей золота лицам всех сословий, с 1891 г. Государственному банку разрешено кредитование крупных золотопромышленных компаний. Золотодобывающая отрасль на протяжении 60–90-х гг. XIX в. сохранила свой сезонный характер, техническую отсталость, опору на мускульный труд, что привело ее в конце XIX в. к серьезному кризису.

Основа дореформенной промышленности – цветная металлургия – в Алтайском и Нерчинском горных округах Кабинета с отменой обязательного труда оказалась неспособной перестроиться на капиталистические рельсы и находилась во второй половине XIX в. в состоянии глубокого кризиса. С 1861 г. по 1895 г. производство серебра сократилось с 15,5 до 6,4 т, свинца с 0,8 тыс. т до 0,2 тыс. т, меди – с 0,48 тыс. т до 0,25 тыс. т. Владелец основных разведанных полиметаллических месторождений в Сибири – Кабинет предпочитал не вкладывать в разработку рудников средства, а получать феодальную ренту со своих земель. В конце 80-х – начале 90-х гг. закрылись многие рудники на Алтае и в Забайкалье, почти все заводы. Технически отсталое производство стало совершенно убыточным в связи с понижением цен на серебро в мире и переходом России на золотой паритет.

В черной металлургии Сибири также шел процесс укрепления частного предпринимательства. Кабинетские заводы – Гурьевский на Алтае и Петровский в Забайкалье – сокращали производство, в то время как частные – Абаканский и Николаевский – его наращивали. В итоге выплавка чугуна увеличилась с 2,8 тыс. т в 1861 г. до 9,4 тыс. т в 1895 г.

Из других отраслей горного дела в Сибири серьезное значение имели соледобыча, увеличившая производство в пореформенное время почти в пять раз, добыча строительных материалов и графита.

Размещение промышленности в Сибири было неравномерным, зависящим от расположения источников сырья и месторождений полезных ископаемых. В связи с этим основные районы горной промышленности находились в Восточной Сибири, а большая часть предприятий обрабатывающей промышленности – в сельскохозяйственной Западной Сибири.

Неразвитость транспортной сети, дороговизна доставки и кредита делали весьма трудной посредническую и связующую роль торговли. Формы ее были архаичны, наряду с товарно-денежной сохранялась меновая. Ведущую роль в распределении товаров играли временные формы обмена – ярмарки, торжки, базары. Через Ирбитскую (до 50 млн. руб. оборота) и Нижегородскую ярмарки шла большая часть товаров из Сибири в Европу и, наоборот, на них купцы-оптовики закупали промышленные товары для Сибири, сбывали взамен пушнину, рыбу, ковки, чай, разное сырье. Затем товары развозились по Сибири и распродавались на мелких ярмарках, базарах и лавках. Число ярмарок в Сибири во второй половине XIX в. значительно возросло. В 60-е гг. в крае было 184 ярмарки, в 1892 г. – 668 с оборотом в 93 млн. руб. В основном они находились в самой населенной Тобольской губернии, где в 1862 г. действовало 165 ярмарок с 5,4 млн. руб. оборота, а в 1890 г. – 567 с 10,3 млн. руб. оборота[64]. С удалением на восток и север все большее значение приобретала торговля купцов-оптовиков, которые монополизировали товарообмен в целых районах края. Как правило, кроме торговли, такие монополисты имели промышленные заведения, транспортные средства, занимались ростовщичеством, были крупными домовладельцами. Однако основой их торгово-промышленной деятельности всегда была торговля [65].

Новый этап в индустриальном развитии Сибири начался с сооружения в 80–90 гг. XIX в. железных дорог. На средства казны в 1883–1885 гг. была построена Екатеринбург-Тюменская железная дорога, соединившая Обь-Иртышский бассейн с Волго-Камским, что сразу сказалось на темпах перевооружения промышленности в городах Западной Сибири, особенно в Тобольской губернии, на увеличении объема перевозок через Урал[66]. Строительство же Транссибирской магистрали стало крупнейшим событием промышленной революции в Сибири и одним из наиболее грандиозных событий в процессе индустриализации мировой экономики. Можно согласиться с пафосом авторов «Истории Сибири», которые писали: «Сибирская желез-

ная дорога –монументальное техническое и инженерное сооружение конца XIX – начала XX в. В ней воедино слились и воплотились передовая русская техническая мысль и труд десятков тысяч рабочих и крестьян России»[67]. Стоит лишь добавить, что и подрядчики не только воровали, но и организовали это грандиозное строительство. За 14 лет (1891–1904 гг.) было построено 8180 верст основного пути. Железная дорога явилась промышленно-транспортным гигантом. Только на участке Челябинск–Иннокентьевская действовали 16 мастерских, 26 депо, 400 станций и разъездов, т.е. 444 предприятия. Подвижной состав включал 1200 паровозов и 26 тыс. вагонов[68]. В 1904 г. Сибирская и Забайкальская железные дороги нанимали постоянно и временно 88 450 человек[69].

Транссибирская магистраль, связав основные центры Сибири с европейским и мировым рынками, стала той нитью, ухватившись за которую сибирская экономика стала быстро подтягиваться к общероссийскому уровню. Сравнительно дешевая и надежная доставка оборудования облегчила вооружение промышленности паровыми и электрическими двигателями, новейшими механизмами. Крупные предприятия строились уже как фабричные, старые мануфактуры меняли технику и кадры. Современники отмечали: «Промышленная жизнь развивается и перескакивает от домашнего производства к высшим (технически) формам капиталистического, рабочий контингент растет»[70]. К 1908 г. фабрики преобладали в капиталистическом (фабрично-заводском) производстве: 252 фабрики (55,5 % общего числа предприятий) давали на 57,7 млн. руб. продукции (90 %), занимали 14 376 рабочих (78,2 %). Есть основания полагать, что фабричные заведения к этому времени давали больше половины суммы производства всех предприятий обрабатывающей промышленности Сибири, поскольку губернская статистика на 1907 г. оценила объем производства более чем 20 тыс. промышленных предприятий Сибири в 50 млн. руб., т.е. в сумму меньшую, чем производительность одних фабрик[71].

Противоречивым было влияние железной дороги на горнозаводское производство. Металлургические заводы, выполняя заказы железной дороги, первоначально увеличили производительность до максимальной в своей истории, но затем – зачахли, не имея возможности конкурировать с более дешевым уральским металлом. Лучший из сибирских металлургических заводов – Николаевский стал жертвой краха промышленной империи Мамонтова, в состав которой он был включен[72].

Горнодобывающая промышленность продолжала сокращать производство. Добыча золота снизилась до 21,9 т в 1895 г. и до 14,9 т в

1905 г. Точно также падала выплавка серебра, свинца, меди. Кабинет свертывал свое металлургическое дело дальше, отдавая в аренду последние действующие предприятия. Росла лишь каменноугольная промышленность, получившая постоянный и быстро растущий рынок сбыта в виде железной дороги, пароходства, действующих паром предприятий. Каменный уголь стал входить в обычай и у городских жителей для отопления"[3]

Если основной причиной краха цветной металлургии Сибири на рубеже XIX – XX вв. стало полное банкротство феодального предпринимательства, то главной бедой золотого промысла явилась запоздалая его перестройка после выработки наиболее богатых россыпей. На разработку глубоколежащих пластов, золотоносных жил, механизацию добычи золота из бедных россыпей требовались значительные капиталовложения. Большинство золотопромышленников их не имело, и вынуждено было либо продавать прииски, либо сдавать промыслы в аренду артелям золотничников. Выход золотодобычи из кризиса происходил разными путями.

Механизированная добыча россыпного золота драгами и гидромониторами, разработка рудных жил стала основной в Томской горной области – Мариинской, Енисейской тайге, Ачинско-Минусинском горном округе. В 1900 г. в области действовали 3 драги, а в 1905 г. – 19 драг[74].

В Иркутской горной области подъем золотодобычи был связан с затратой миллионов рублей на разработку россыпей шахтным способом. Кредит от Государственного банка помог в этот период выстоять и будущему гиганту – Ленскому золотопромышленному товариществу. Здесь также шло интенсивное внедрение техники на части операций – откачке воды, вентиляции, транспортировке пород, обогащении песков. Была построена железная дорога, гидроэлектростанции. Вместе с тем одна из ключевых операций – отбойка песков продолжала оставаться ручной, и это тормозило рост всего производства[75].

Районами преобладания золотничных работ стали Забайкалье, Ленский, Ангарский, Зейский горные округа. Сравнительно богатые и легкодоступные россыпи наряду с практически неиссякаемым источником рабочей силы в лице корейских и китайских сезонников сделали кустарные золотничные работы здесь наиболее желательными для предпринимателей. Такого рода рационализация обходилась дешевле внедрения механизмов. Механизация горной промышленности Сибири завершилась только в 1930-е гг., а в начале XX в. она находилась в переходном состоянии, механизация внедрялась там, где не было более дешевой альтернативы.

Энерговооруженность золотопромышленного рабочего с 1895 г. по 1905/6 г. выросла почти в 7 раз, но при том осталась на низком уровне – 0,2 л.с.[76] Полумеханизированные предприятия давали в 1906 г. 60 % всего сибирского золота, занимая 7 тыс. из 19,6 тыс. приисковых рабочих[77].

В начале XX в. произошли структурные изменения в промышленности Сибири. Горнодобывающие отрасли, ранее доминировавшие, стали уступать ведущие позиции обрабатывающим отраслям промышленности. В 1900 г. горные производства выпускали еще 65 % стоимости всей продукции цензовой промышленности Сибири и Дальнего Востока, причем в Западной Сибири уже преобладала обрабатывающая промышленность. В 1915 г. 65 % суммы производства дали в Сибири и на Дальнем Востоке обрабатывающие отрасли. Аграрные, а не ископаемые ресурсы стали основным сырьем для промышленности края. Но доля обрабатывающей промышленности в общем производстве страны была ничтожной – 1,4 %, доля же горного производства – 13 % от общероссийского[78].

Железная дорога не составила конкуренции водному транспорту, которым осуществлялись в основном меридиональные перевозки. Водные и железнодорожные пути росли параллельно. Количество самоходных и буксируемых судов с 1896 г. по 1908 г. в Сибири увеличилось с 514 до 777. Кроме того, действовало ежегодно до 1000 сплавных судов[79].

Пароходство способствовало развитию товарной рыбодобычи в низовьях Оби, Енисея, Лены, на Байкале. Крупнейшим центром товарной рыбопромышленности стали Барабинские озера, чему способствовали населенность места и близость железной дороги. Добыча рыбы на капиталистически организованных промыслах в начале XX в. составила около 2 млн. пудов, при 10,4 тыс. работников, по сравнению с 0,6 млн. пудов, при 3 тыс. рабочих в первой половине XIX в.[80]

Возросшая потребность в строительных материалах и топливе вызвала усиленные лесозаготовки в районе железных дорог, городов, промышленных предприятий, пароходных пристаней. Наиболее широко лесозаготовки велись Казной, Кабинетом, частными подрядчиками для железной дороги, крестьянами в Туринском, Тарском округах Тобольской губернии, Каинском, Томском, Мариинском округах Томской губернии, Красноярском, Ачинском округах Енисейской губернии, Нижнеудинском округе Иркутской губернии. Лесные работы занимали тысячи сезонных рабочих[81].

С проведением железной дороги начался строительный бум. Сооружение зданий, промышленных и транспортных объектов осуще-

ствлялось в основном подрядным способом наемными артелями. Небольшие стройки, ремонтные работы брали на себя строители-ремесленники или самостоятельные артели без подрядчика. Появились и постоянные строительные фирмы, которые не имели еще специализации и занимались любыми строительными заказами[82].

С конца XIX в. в Сибири все больше стала проявляться характерная для периода промышленной революции тенденция концентрации экономической активности в городах. Крупными для своего времени промышленными и транспортными узлами стали к 1907/8 г. Томск (2900 рабочих), Омск (3800), Красноярск (3300), Тюмень (3200), Иркутск (1200), Чита (2000)[83]. Они являлись и торговыми центрами, центрами связи и профессиональной подготовки. Надежная и постоянная связь с российским рынком привела к изменениям в структуре торговли. Пала роль сезонных торгов-ярмарок и купцов-оптовиков. Стационарная – магазинная и лавочная торговля к 1902 г. более чем в 10 раз превысила обороты ярмарок[84].

Все названные изменения в экономике резко увеличили армию наемного труда, потребовали повышения ее квалификации и грамотности. Таким образом, в Сибири на рубеже XIX – XX вв. обнаруживаются все признаки промышленной революции, которая в основном завершилась в 30-е гг. XX в. после механизации горнодобывающей и сельскохозяйственных отраслей экономики. Однако решающий шаг в механизации промышленности и транспорта региона был сделан в последние годы XIX – первые годы XX вв., что позволяет считать этот исторический момент концом мануфактурной эпохи в Сибири.

В целом история индустриализации Сибири разделяется, судя по изученным материалам, на следующие этапы: 1) XVII – первая четверть XVIII в. – начало частного раннекапиталистического предпринимательства в весьма скромных масштабах; 2) вторая четверть XVIII в. – первая четверть XIX в. – рост, а затем господство феодального предпринимательства Казны, Кабинета, дворянства в мануфактурной промышленности; 3) вторая четверть XIX в. – 1861 г. – кризис феодальной промышленности, рост и победа частного капиталистического предпринимательства в транспорте, промышленности, господство капиталистической мануфактуры в золотодобыче, начало промышленного переворота в водном транспорте; 4) 1861 г. – первая половина XIX 90-х гг. XIX в. – крах феодального предпринимательства, господство капиталистической мануфактуры во всей промышленности, начало промышленного переворота в ней, утверждение пароходства, начало железнодорожного строительства; 5) вторая половина 90-х гг.

XIX в. – 1930-е гг. – промышленный переворот во всех отраслях экономики, начало индустриализации.

Степени индустриального освоения Сибири соответствовали масштабы и качество применяемой рабочей силы. На первом этапе – это немногочисленные кадры гулящих людей. На втором и третьем – феодально-зависимые работники и жертвы штрафной колонизации с нарастающей долей наемных работников, на четвертом и пятом – наемные рабочие с той или иной долей каторжнорабочих.

Эпоха капиталистической мануфактуры, таким образом, составила главное содержание третьего и четвертого из выделенных этапов и оборвалась в начале промышленной революции в первые годы нашего века, когда сказались результаты ликвидации относительной замкнутости сибирской экономики.

Таблица 3

Структура промышленности Сибири в 60–90 гг. XIX в.

Годы	Отрасли промышленности	Учтено официальной статистикой		В том числе:			
				Мелких товарных			
		Предприятий	Рабочих	Предприятий		Рабочих	
				Абс.	В %	Абс.	В %
1865	Обрабат.	1173	12782	1028	87,6	4381	34,3
	Горные	374	36840	112	29,9	1199	3,3
	Всего	1547	49622	1140	73,7	5580	11,2
1875	Обрабат.	1473	14166	1244	84,5	2622	18,5
	Горные	603	32928	140	23,2	1199	3,6
	Всего	2076	47094	1384	66,7	3821	8,1
1885	Обрабат.	6067	22331	5758	94,9	8407	37,6
	Горные	662	34129	230	34,7	2491	7,2
	Всего	6729	56460	5988	88,9	10898	19,3
1895	Обрабат.	11151	28825	10826	97.1	15410	53,5
	Горные	920	36742	343	37.3	3494	9,5
	Всего	12071	65567	11169	92.5	18904	28,8

Годы	Отрасли промышленности	В том числе							
		Мануфактурных				Фабричного типа			
		Предприятий		Рабочих		Предприятий		Рабочих	
		Абс	В %	Абс	В %	Абс	В %	Абс.	В %
1865	Обрабат.	137	11,7	7605	59,5	8	0,7	796	6,2
	Горные	262	70,1	35641	96,7	–	–	–	–
	Всего	399	25,9	43246	87,2	8	0,5	796	1,6
1875	Обрабат.	197	13,4	6462	45,6	32	2,2	5082	35,9
	Горные	463	76,8	31729	96,4	–	–	–	
	Всего	660	31,8	38191	81.1	32	1,5	5082	10,8
1885	Обрабат.	255	4,2	8134	36,4	54	0,9	5790	25,9
	Горные	430	65,0	31408	92,0	2	0,3	230	0,8
	Всего	685	10,3	39542	70,0	56	0,8	6020	10,7
1895	Обрабат.	231	2,1	5179	18,0	94	0,8	8236	28,6
	Горные	572	62,2	32026	87,2	5	0,5	1222	3,3
	Всего	803	6,7	37205	56,7	99	0,8	9458	14,4

Примечания:

Критерий выделения промышленности условен – до 16 рабочих на одно предприятие. Источники подсчета: Горнозаводская производительность России в 1885 г. СПб., 1887. С. 68–127; Ч. 2. СПб., 1888. С. 26–149; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1895 заводском году. СПб., 1897; Сборник статистических сведений по горной части на 1867 г. СПб., 1867. С. 48, 52, 176–177, таблицы к С. 185; ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп. 3. Д. 340. Л. 74; Д. 346. Л. 35–73; Д. 355, Л. 73–109; Ф. 28. Оп. 1. Д.111. Л. 632–633; ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 207. Л. 16–300; Д. 479. Л. 119, 124; Д. 563. Л. 10–12; Л. 564. Л. 32–53; Д. 262. Л. 31–37; Д. 291. Л. 38–39; РГИА. Ф.37. Оп. 40. Д. 222. Л. 6–35; Оп. 42. Д. 90. Л. 32–411; Андрющенко Б.К. Обрабатывающая промышленность ...С. 32–56.

Таблица 4

Энергетика горной промышленности Сибири в 1861–1905 гг.[1]

Годы	Отрасли	Водяные двигатели		Турбины		Паровые		Электрические	
		Число	Мощность, л.с.	Число	Мощность, л.с/	Число	Мощность, л.с.	Число	Мощность, л.с.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1861–1863	Золотодобыча	241	1205	-	-	2	14	-	-
	Металлургия черная	47	803	-	-	4	71	-	-
	Металлургия цветная	30	256	-	-	-	-	-	-
	Прочие отрасл	12	227	-	-	-	-	-	-
	Итого	330	2491	-	-	6	85	-	-
1871–1875	Золотодобыча (частная)	247	1235	-	-	14	140	-	-
	Металлургия черная	24	330	-	-	13	380	-	-
	Металлургия цветная	29	351	-	-	2	23	-	-
	Прочие отрасли	7	220	-	-	1	Св. нет	-	-
	Итого	307	2136	-	-	30	543	-	-
1895	Золотодобыча	38	360	2	226	22	246	-	-
	Металлургия черная	21	288	3	170	27	607	-	-
	Металлургия цветная	10	99	1	35	4	74	-	-
	Прочие отрасл	10	238	5	65	11	171	-	-
	Итого	79	985	11	496[2]	64	1098	-	-

Продолжение

Годы	Отрасли	Двигатели всех типов		Число рабочих	Энерговооруженность, л с
		Число	Мощность, л с		
1	2	3	4	5	6
1861 – 1863	Золотодобыча	243	1219	37842	0,03
	Металлургия черная	51	874	1216	0,72
	Металлургия цветная	30	256	4706	0,05
	Прочие отрасли	12	227	1972	0,12
	Итого	336	2576	45736	0,06
1871 – 1875	Золотодобыча (частная)	261	1375	32910	0,04
	Металлургия черная	37	710	2211	0,32
	Металлургия цветная	31	374	1466	0,26
	Прочие отрасли	8	220	3480	0,06
	Итого	337	2679	39367	0,07
1895	Золотодобыча	62	832	32690	0,03
	Металлургия черная	51	1065	2258	0,47
	Металлургия цветная	15	208	725	0,29
	Прочие отрасли	26	474	4535	0,10
	Итого	154	25	39367	0,06

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1900	Золотодобыча	155	1960	-	-	76	1047	6	106
	Угледобыча	-	-	-	-	1	5	-	-
	Металлургия черная	20	236	2	110	7	235	-	-
	Металлургия цветная	9	68			1	20		
	Солеварение и шлифовка камня	-	-	2	160	1	10	-	-
	Горнорудная и соледобыча	1	10	5	65	1	60	14	112
	Итого	185	2274	9	335	87	1377	22	218
1905 - 1906	Золотодобыча	25	123[3]	-	-[4]	162	2939[5]	34	900[6]
	Угледобыча	-	-	-	-	97	1778	-	-
	Металлургия	34	504	-	-	11	442	-	-
	Солеварение и шлифовка камня	-	-	2	160	3	28	-	-
	Горнорудная	-	-	-	-	1	20	-	-
	Итого	59	629	2	160	274	5207	34	900

1	2	3	4	5	6
1900	Золотодобыча	239	3113	27314	0,12
	Угледобыча	1	5	1102	-
	Металлургия черная	29	581	658	0,90
	Металлургия цветная	10	88	701	0,13
	Солеварение и шлифовка камня	3	170	629	0,27
	Горнорудная и соледобыча	21	247	1914	0,13
	Итого	303	4204	32318	0,13
1905-1906	Золотодобыча	221	3964	19573	0,20
	Угледобыча	97	1778	9885	0,18
	Металлургия	45	946	1168	0,81
	Солеварение и шлифовка камня	5	188	533	0,35
	Горнорудная	1	20	634	0,03
	Итого	369	6896	31793	0,22

[1] Источники подсчета. 1861–1863 гг. – по золотопромышленности взяты сведения о работавших приисках в 1861 г., в которых учтены 241 водяной двигатель (в 5 л.с. в среднем) и 2 паровика по 7 л.с. (РГИА. Ф. 37. Оп. 40. Д. 227. Л. 6–99); по остальным отраслям – 1863 г. (ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 735. Сборник статистических сведений по горной части на 1865 г. СПб., 1865. С. 51–52, 54–57, 60–61); 1871–1875 гг. – золотопромышленность (РГИА. Ф. 37. Оп. 42. Д. 65. Л. 12–168); прочие отрасли (Богословский И. Опыт горной статистики Российской империи. СПб., 1878. С. VIII; ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп. 3. Д. 346. Л. 55–73; ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 502. Л. 120, 127; ГАНО. Ф. 70, Оп. 1. Д. 499. Л. 349; Ф. 93. Оп. 1. Д. 30. Л. 20); на 1895 г. (Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1895 заводском году. СПб., 1897. Ведомости); на 1900 г. (Сборник... в 1900 заводском году. СПб., 1903. Ведомости); на 1905–1906 гг. (Сборник... в 1906 заводском году. СПб., 1909. Ведомости. Горные и золотопромышленные известия. 1908. № 7–8. С. 180.)

[2] Учтена и мощность электродвигателей.

[3] Учтены 25 колес по 5 л.с. в среднем на приисках Томской горной области.

[4] Мощность турбин учтена в графе электродвигатели.

[5] Учтены 100 двигателей в Восточной Сибири в 1979 л.с., 29 в Западной Сибири по 10 л.с. в среднем и 33 драги в 670 л.с.

[6] Ориентировочная оценка.

Таблица 5

Динамика добычи основных полезных ископаемых и выплавки металлов в Сибири (1861–1896 гг.)

Годы	Золото,т	Серебро, т	Свинец, тыс. т	Медь, тыс. т	Чугун, тыс. т	Соль, тыс. т	Каменный уголь, тыс. т
1861	18,7	15,5	0,8	0,18	2,8	10,6	3,7
1865	19,5	16,9	1,4	0,53	1,9	7,6	4,3
1870	25,9	13,4	1,2	0,56	4,5	16,1	5,6
1875	21,9	9,1	0,93	0,44	7,9	12,1	4,1
1880	27,0	8,9	1,0	0,48	4,1	11,1	7,8
1885	18,1	9,4	0,5	0,39	6,8	31,7	12,7
1890	19,9	10,4	0,86	0,31	7,0	40,2	16,8
1895	21,9	6,4	0,15	0,25	9,4	28,4	19,9
1900	18,3	1,3	0,14	0,18	5,0	46,9	141,6
1905	14,9	1,0	0,13	0,10	4,25	13,6	1250,4

Источники подсчета. золото 1861, 1865, 1870 гг. (Боголюбский И. Золото, его запасы и добыча в русской золотоносной формации. СПб., 1877. С.VI – XVI; РГИА. Ф. 37. Оп. 42. Д. 90. Л. 32–411; Горнозаводская производительность России в 1875 году. СПб., 1897. С. 25–27.) За 1880 г. (Горнозаводская производительность России в 1880 г. СПб., 1882. С. 42.) За 1885 г. (Горнозаводская производительность России в 1885 г. СПб., 1897. С. 50–125); за 1890 г. (Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1890 году. СПб., 1892. С. 54–121). За 1895 г. (Сборник... на 1895 год. СПб., 1897. С. IV). Серебро, свинец, медь, каменный уголь 1861–1880 гг. (Кеппен А. Горная и соляная промышленность // Историко-статистический обзор промышленности России. Т.I. С. IV–XV). 1885–1895 гг. (Сборники статистических сведений о горнозаводской промышленности России за соответствующие годы). Чугун (Гливиц И. Железная промышленность России. СПб., 1911. Таблицы. Л. 7–8). Соль 1861 г. (ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 1715. Л. 14. Д. 735. Л. 19, 25, 37, 90; Михельсон О. Очерк истории разработки соляных озер Алтайского округа // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1902. Кн. 29. С. 8–10). 1865 г. (ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 735. Л. 11, 27, 44, 92; Михельсон О. Указ. соч. С. 8–10). 1870 г. (ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 735. Л. 8, 12, 27–28, 46–48; Михельсон О. Указ. соч. С. 8–10). 1875 г. (ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 875. Л. 11, 20; Михельсон О. Указ. соч. С. 8–10). 1880 г. (Горнозаводская производительность России в 1880 году. СПб.,) 1882, 1880, 1885, 1890 г. (Мухин А.А. Промышленность Сибири во второй половине XIX века // Труды / Иркутский университет. 1968. Т. 55. Вып. 1. Сер. историч. С. 90). 1895 г. (Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1895 г. СПб., 1897. С. XXXVIII – XXXIX). 1900 г. (Сборник статистических сведений... в 1900 г. СПб., 1903. С. LXII – LXXV). 1905 г.. (Сборник статистических сведений... в 1905 г. СПб., 1908. С. CII–CVI).

Примечания:

1 Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 101.

2 Родин Ф.Н. Бурлачество в России. М., 1975. С. 80.

3 Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 28–32; Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск, 1990. С. 294–315.

4 История Сибири. Т. 2. С. 230–232.

5 РГИА. Ф. 37. Оп. 13. Д. 52. Л. 9.

6 Там же. Л. 2–15.

7 Черский А. Очерк геологии, минеральных богатств и горного промысла Забайкалья. СПб., 1867. С. 41–46.

8. Сибирская советская энциклопедия. Т. 4. С. 950. Краткое начертание о солях в России находящихся // Санкт-Петербургский журнал. 1807. № 6. С. 96.

9 Рабочий класс Сибири... С. 40.

10 В подсчет вошли 5 указанных мануфактур на 1775 г. – Тельминская суконная фабрика А. и М. Сибиряковых, стекольная фабрика И.Г. Савельева в Иркутске, бумажная фабрика И.В. Медведева и стекольный завод А. Корнильева в Тобольском уезде с общим числом покупных и вечноотданных рабочих в 207 чел. (Индова Е.Н. О российских мануфактурах второй половины XVIII в. // Историческая география России XVII – начала XX в. М., 1975. С. 319, 323); 4 металлургических завода. Ирбинский И.Г. Савельева – 300 рекрутов из ссыльных, Ключевоскресенский медеплавильный его же – 40 ссыльных, Езагашский А. Власьевского в Енисейском уезде (23 рабочих) на 1774 г. // (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 53. Д. 50. Л. 259–260; Кн. 1371. Д. 47. Л. 406; Кн. 2122. Д. 32. Л. 851; Кн. 2143. Д. 2. Л. 12); Воздвиженский завод М.А. Сибирякова с Михайловским и Килгинским рудниками – 350 работников; 5 нерчинских заводов с рудниками по ведомости 1772 г. – 969 работников (История рабочего класса Восточного Забайкалья. Иркутск, 1961. С. 39–41); 5 алтайских заводов с рудниками в 1773 г. – 3744 чел. (Рабочий класс Сибири... С. 46). Екатерининский, Петровский, Уковский (100–150 работников), Успенский (552 души), Каменский, Краснореченский, Илгинский, Александровский винокуренные заводы, всего 1000–1200 работников из крепостных, ссыльных и наемных (Рабочий класс Сибири... С. 40; Варлаков г. О постройке Успенского винокуренного завода и в нем церкви // Тобольские губернские ведомости. 1859. № 50.Отдел. П. С. 374); 4 солеваренных завода – Троицкий, Иркутский, Усть-Кутский, Селенгинский – около 400 рабочих и Боргинское озеро не менее 20 работников из приписных крестьян и ссыльных (Краткое начертание о солях... № 3. С. 134; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 2. Л. 354–359).

11 ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 364. Л. 1, 19.

12 Там же. Д. 2768. Л. 1, 11.

13. Рафиенко Л.С. Функции и деятельность сибирских магистратов в 40–70-х гг. XVIII в. // Бахрушинские чтения 1966 года. Вып. 2. Сибирь периода феодализма и капитализма. Новосибирск, 1968. С. 42–43.

14. Копылов Д.И. Судостроение Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Новосибирск, 1978. С. 78.

15. Там же. С. 71, 79.

16. Подсчитано по: Большаков В.Н. О судоходстве Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX вв. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 5–14.

17. ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1462. Л. 35–37.

18. На одно судно ставилось 18–25 работников на сплаве (ГА ТюмО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 370. Л. 110; ГАТО. ТФ. Ф. 329. Оп. 541. Д. 51. Л. 18) и 50–70 работников при взводе (ГАТО. ТФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16. Л. 1–43; РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. 6. Л. 1, 2). За основу взяты минимальные показатели.

19. Копылов Д.И. Судостроение ... С. 80–81.

20. Среднее число занятых на одном судне определено по ведомостям о судоходстве первой половины XIX в.

21. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 608. Л. 23; Ф. 50. Оп. 1. Д. 1433. Л. 1–6; Егоров А.С., Клименченко М. Д. Очерк истории рыболовства на Байкале и прилегающих к нему водоемах // Известия Биолого-географический НИИ при Иркутском госуниверситете, 1971. Т. 24. С. 199–200.

22. Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827. С. 219–264; Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири ... Спб., 1854. Ч. 1. С. 498–499; Любомиров П. Первые 10 лет существования Иркутской казенной суконной фабрики // Труд в России. Л., 1925. Кн. I. С. 55–70.

23. Труд ссыльных в Сибири // Архив истории труда в России. Пг., 1921. Кн. 5. С. 32.

24. Копылов Д.И. Судостроение ... С. 82.

25. Там же. С. 82–83.

26. Потехин Л. Винокурение в Сибири // Промышленность, мануфактура и торговля. СПб., 1862. Т. VI. № 10. С. 484–485.

27. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 2. Л. 108–189; Памятная книжка для русских горных людей на 1863 год. СПб., 1863. С. 30–34.

28. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 2. Л. 175.

29. Там же. Л. 176, 209.

30. Боголюбский И. Золото, его запасы и добыча в русской золотоносной формации. СПб., 1877. С. 81, XIII–XIV.

31. ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. Д. 2. Л. 46–49.

32. ГАТО. ТФ. Ф. 329. Оп. 545. Д. 88. Л. 7–30, 33–34, 147–148.

33. См.: табл. 1, 2.

34. Рабочий класс Сибири ... С. 41.

35. Там же. С. 42, 43.

36. Там же. С. 43, 51.

37. Крестьяне округи выделывали сукон на 300 тыс. руб. и 2 млн. аршин полотна, мануфактуры – на 100 тыс. руб. сукон и около 20 тыс. аршин полотна (Гагемейстер Ю. Указ. соч. Ч. 1. С. 472, 475, 498, 499; РГИА. Ф. 1281. Оп. 5. Д. 130. Л. 120–126).

38. Рутц М.Г. Промышленность городов Западной Сибири в первой половине XIX в. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 71, 77. Гагемейстер Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 468, 488. Ильин В. Краткие статистические описания окружных городов Тобольской губернии // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. Тобольск, 1864. С. 82.

39. Гагемейстер Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 121.

40. ГАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17609. Л. 5–111.

41. Открытие золотых приисков в Томской губернии // Томские губернские ведомости, 1858. 14 февр.

42. Хроленок С.Ф. Развитие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Очерки истории Сибири. Иркутск, 1970. Т. I. С. 28–35.

43. Рассели Ф. Доклад о государственном доходе с золотых промыслов. СПб., 1863. С. 13–35. Оценка добытого золота произведена по средней стоимости одного пуда золота, добытого на кабинетских промыслах в 1831–1860 гг. – 13 231 руб.

44. Михалевский Ф.И. Золото как денежный товар. М., 1937. С. 66. Зиновьев В.П. Методы капиталистической эксплуатации рабочих в золотопромышленности России // Из истории буржуазии в России. Томск, 1982. С. 72–73.

Исследователи по-разному оценивают роль золотопромывальных машин в техническое перевооружении отрасли. В.И. Данилевский считает их признаком победы фабричного производства (Данилевский В.И. Русское золото. М., 1957. С. 254). С.Ф. Хроленок называет внедрение промывальных машин первым этапом промышленного переворота в золотодобыче, вторым – внедрение паровых машин. Большинство исследователей (Ф.И. Михалевский, А.С. Нагаев, З.Г. Карпенко, А.А. Мухин, Н.Д. Овсянникова, Г.Х. Рабинович, А.Г. Патронова и др.) считают, что промывальные машины не изменили в целом мануфактурного строя сибирской золотопромышленности. Начало перехода отрасли к фабричной стадии относится ими к 80–90-м гг. XIX в. и связывается с применением паровой техники, драг, гидравлики, силы взрывов. (Рабочий класс Сибири... С. 93–95). Мухин А.А. Начало перехода от мануфактуры к фабрике в промышленности Сибири пореформенного периода (1861–1895 гг.) // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Новосибирск, 1978. С. 89–102; Орлов М.Н., Хроленок С.Ф. Советская историография промышленного переворота в горной промышленности Сибири // Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск, 1986. Вып. 1. С. 106–110; Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917). Иркутск, 1990. С. 13–178; Скубневский В.А. Промышленный переворот в Сибири: некоторые итоги и задачи изучения // История и общество в панораме веков. Иркутск, 1990. Ч. 1. С. 82–85).

45. Рабочий класс Сибири... С. 50.

46. См.: табл. 1, 2, а также: РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 81. Л. 58; Д. 107. Л. 57; Д. 83. Л. 158; Д. 105. Л. 58; Д. 97. Л. 181–182.

47. Разгон В.Н. Купечество и кабинетское хозяйство на Алтае во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 32–49.

48. ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 136. Л. 1–6.

49. См.: Контракты о перевозках и найме работников на суда в маклерских книгах. (ГАТО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 5158. Л. 2, 16–96; Д. 5209. Л. 10–11, 19–20; Ф. 220. Оп. 1. Д. 10. Л. 25, 86–87 и др.).

50. Катионов О.Н. Некоторые итоги изучения роли извозного промысла в капиталистическом развитии Сибири // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма. Историография проблемы. Новосибирск, 1988. С. 112–119.

51. ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 421. Л. 11; Д. 606. Л. 18–60; Рабочий класс Сибири... С. 96; История дорожного дела в Томской области. Томск, 1999. С. 12–13.

52. Восточное обозрение. 1888. 28 авг.

53. История Сибири. Т. 3. С. 63.

54. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 727. Л. 10.

55. Сибирский вестник. 1894. 19 авг.

56. Рабочий класс Сибири...С. 97–98.

57. Большаков З.Н. Техническое перевооружение на речном транспорте Сибири в XIX в. // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 70–82.

58. См.: табл. 3.

59. См.: табл. 4.

60. Андрющенко Б.К. Фабричное производство в обрабатывающей промышленности Сибири (1861–1895 гг.) // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX вв. Томск, 1980. С. 39.

61. См.: табл. 3.

62. История Сибири. Т. 3. С. 50.

63. Здесь и далее данные по динамике горных производств приводятся по табл. 5.

64. Бородавкин А.П., Говорков А.А. К истории торговли и торгово-ростовщического капитала в Сибири (1861–1891 гг.) // Труды / Томский гос. ун-т. 1965. Т. 158. Сер. историч. С. 39; История Сибири. Т. 3. С. 57.

65. Рабинович г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. С. 220.

66. Об устройстве Екатеринбург-Тюменской железной дороги // ГАТО ТФ. Ф. 152. Оп. 42. Д. 712. Л. 83, 146–151; Скубневский В.А. Структура обрабатывающей промышленности Тобольской губернии и численность занятых в ней рабочих в период империализма // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1974. С. 42.

67. История Сибири. Т. 3. С. 179.

68. Рабочий класс Сибири... С. 174.

69. Земеров Б.И. Динамика численности и профессиональной структуры железнодорожников Сибири в период империализма // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1974. С. 37.

70. Сибирские очерки // Восточное обозрение. 1899. 2 мая.

71. Скубневский В. А. Обрабатывающая промышленность и рабочие Сибири по материалам переписи 1908 г. // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8. С. 46.

72. Мухин А.А. Влияние сибирской железной дороги на социально-экономическое развитие Восточной Сибири (1897–1917 гг.) // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 114.

73. См.: табл. 5.

74. Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1905 заводском году. СПб., 1908. С. 101, 138–151.

75. Хроленок С.Ф. Развитие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Очерки истории Сибири. Иркутск, 1970. Т. 1. С. 89–90.

76. См.: табл. 4.

77. Зиновьев В.П. Горная промышленность Сибири и формирование горнорабочих // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 17.

78. Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием за 50 лет. Л., 1929. Т. 1. Ч. 1. С. 98, 99; 1930. Ч. 3. С. 182; Рабочий класс Сибири... С. 176–177.

79. Большаков В.Н. К вопросу о формировании и численности речников в Сибири // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1976. С. 126–128.

80. Галажинский Э.В., Зиновьев В.П. Формирование капиталистических отношений в рыбопромышленности Сибири XIX – начала XX вв. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 127.

81. Зиновьев В.П. Лесоторговля // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири в четырех томах. Новосибирск, 1996. Т.3. Кн. 1. С. 29–31.

82. Коновалов П.С. Строительная промышленность Сибири второй половины XIX – начала XX вв. // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 87–88.

83. Дмитриенко Н.М. Промышленность Томска в эпоху капитализма // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983. С. 83; Земеров Б.И. Динамика численности и профессиональной структуры железнодорожников Сибири в период империализма. // Рабочие Сибири в период империализма. Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 14. С. 40.

84. Рабинович г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. С. 225–227.

ВСЕРОССИЙСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПЕРЕПИСЬ 1916 г. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО СТРОЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НАЧАЛА XX в.

П.Ф. Никулин

Современную ситуацию в отечественной историографии характеризует комплексный целостно-системный подход к осмыслению и решению актуальных научно-исторических проблем. Не обошла эта тенденция и область аграрных исследований, оформившуюся ныне в крестьяноведение – особую отрасль отечественной исторической науки. В связи с этим все более возрастает значение массовых статистических источников, системно отражающих развитие крестьянского хозяйства России в начале XX в. Особое место среди них занимают материалы всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. Они полны в территориальном отношении, учитывают все категории крестьянских хозяйств и охватывают практически все стороны хозяйственно-культурной жизни деревни.

Для исследователя хозяйственного строя сибирской деревни более важны материалы обследования 1916 г. Их гораздо больше, и к тому же сохранился громадный массив подворных карточек переписи по Томской губернии. Материалы эти уже использовались для изучения общего состояния сельского хозяйства края и процесса классового разложения западносибирского крестьянства и даже получили источниковедческое освещение[1]. Однако в источниковедческих исследованиях, среди которых выделяются статьи И.В. Островского, слабо прорисованы методологические основы и целевые установки программных положений переписи и не показаны возможности переписи в плане актуального ныне изучения внутреннего строя крестьянского хозяйства региона. Все это, как, впрочем, и новый взгляд на организацию, ход и итоги переписи, является предметом настоящей работы.

Необходимость проведения всероссийской сельскохозяйственной переписи, обусловленная все более усложняющейся экономической жизнью России и несовершенством текущей государственной статистики, была осознана земскими статистиками еще накануне первой мировой войны. Однако осуществлена она была только во время войны в связи с необходимостью точного учета продовольственных ресурсов во время нарастающего экономического кризиса.

Решающую роль в разработке программы, проведении первой всероссийской сельскохозяйственной переписи сыграли представители земской статистической науки и земские статистические отделы[2]. Общее руководство подготовкой и производством переписи 1916 г. осуществляло Управление делами Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу[3].

Начата была перепись постановлением министра земледелия от 3 апреля 1916 г. и осуществлялась летом 1916 г. на территории всей империи за исключением Финляндии, труднодоступных районов и оккупированных противником земель на западе страны. В Сибири, за отсутствием земств, перепись проводили статистические отделы управлений переселенческих районов[4].

Главной целью переписи был учет продовольственных, кормовых и сырьевых ресурсов для последующей погубернской разверстки обязательных поставок и реквизиций скота, хлеба и фуража. Ее задачи сводились к регистрации "рабочих сил, сельского населения, скота, посевных площадей и запасов главнейших продовольственных и фуражных продуктов"[5]. Таким образом, обследование было направлено на изучение сельскохозяйственного производства и имело утилитарный характер. Прагматизм вносило Особое совещание по продовольствию. Тем не менее, по настоянию земских статистиков, утилитарные по природе задачи решались не регистрацией отдельных изолированных сторон сельскохозяйственного производства, что было проще выполнить органам государственной статистики, а путем целостного статистического обследования каждого земледельческого хозяйства во взаимосвязи всех его главных сторон[6].

В основу методологии переписи была положена господствовавшая среди земских статистиков "теория трех факторов". Согласно ей, в процессе товарного производства и образования стоимости участвуют и взаимодействуют три основных и равных фактора: труд, капитал и земля. В зависимости от того, какой элемент (труд или капитал) в соединении с землей преобладал, земледельческие предприятия делились на трудовые и капиталистические. Трудовое хозяйство велось с потребительской целью и силами семейных работников. Применение наемного труда при этом не исключалось. Капиталистическое хозяйство велось с целью прибыли и основывалось исключительно на наемной рабочей силе[7]. В эту схему легко укладывалось, как трудовое крестьянское хозяйство, так и капиталистическое частновладельческое предприятие. К последним были отнесены помещичьи и крупные крестьянские хозяйства с количеством земли не менее 50 десятин[8].

Выделенные типы земледельческих хозяйств стали двумя главными объектами статистического обследования.

Применительно к предприятию крестьянского типа единицей учета стало домохозяйство или хозяйство. Главным его признаком служило единство потребительского и производственного бюджета[9].

Программа сельскохозяйственной переписи 1916 г. была сравнительно узкой. Это обусловливалось практической природой ее целей и необходимостью быстрого ее проведения. Установки программы были реализованы в системе основных (подворных) и вспомогательных формуляров.

В форму № 1 заносились результаты сплошного обследования крестьянских хозяйств. В ней фиксировались население, рабочая сила, скот, пашня и посевы[10].

Отдел "население" был введен для выявления размеров потребления сельского населения и регистрации общих рабочих ресурсов крестьянского двора. В связи с этим отмечались только наличные и отсутствующие не более одного месяца члены семьи, а сроковые наемные работники (нанявшиеся на месячный срок и более) включались в общее число душ и в одну графу с семейными рабочими без разделения с последними. Переписью фиксировались только полные работники, определявшиеся субъективно. К ним относили лиц, которых считали полноценными работниками[11]. Учитываемое население и работники разделялись по половому признаку.

Основным элементом учета, как того требовали задачи переписи, был скот. Это предопределило обширность и подробность данного раздела программы[12]. В нем отмечались лошади рабочего возраста (до 4-х лет, 4-х лет и старше) и молодняк (от года до рабочего возраста и жеребята до года). Наиболее детально учитывался продуктивный скот. Так, крупнорогатый скот подразделялся по полу, возрасту и хозяйственному назначению. Выделялся молочный скот (коровы и нетели), скот продовольственный и тягловый (волы и быки) и молодняк по трем возрастам (продовольственного и ремонтного значения). Не менее подробно учитывался и мелкий скот: овцы, козы и свиньи.

Важное значение придавалось и регистрации посевных площадей[13]. В этом отделе фиксировались посевы под отдельные культуры и их общий итог. При этом учитывался характер землепользования (надельные, арендованные, купчие земли).

Отделу посевов в программе сплошного обследования хозяйств крестьянского типа предшествовало описание землепользования. Эта рубрика имела контрольное значение[14]. Она служила проверкой достовер-

ности показаний по посевам и скоту. Заполнение ее не было обязательным. Графа "пашня" имела исключительно губернское значение.

По карточке № 1 переписывалось 95 % крестьянских хозяйств. Остальные дворы обследовались по двум более подробным программам выборочной переписи. Форма № 2 охватывала 3 % дворов. В нее включались все пункты первого формуляра, более детально разрабатывался отдел населения (все члены семьи и наемные работники переписывались с указанием возраста и родства к домохозяину) и предполагалось отметить скот, имевшийся в хозяйстве в 1915 г. В формуляре № 3 дублировались все отделы предшествовавшего бланка. Кроме того, должны быть записаны сведения о расходе и приходе продовольствия и корма[15]. По третьему бланку переписывались 2 % дворов.

Формуляр № 1 не улавливал временной формы сельскохозяйственного предприятия, каковым являлся выпас скота гуртовщиками-прасолами. Поэтому основная карточка дополнялась бланком № 8 для сплошной переписи скота, принадлежавшего гуртовщикам[16].

К основным формулярам относилась и карточка № 4. Она предназначалась для сплошной переписи хозяйств частновладельческого типа[17].

Остальные формуляры имели вспомогательный характер. Они служили организации самого процесса статистического наблюдения. К такого рода документам принадлежали поселенный бланк (форма № 5), список домохозяев (форма № 6), список населенных мест и владений (форма № 7) и, наконец, итоговая ведомость для предварительного подсчета населения и скота (формуляр № 9).

В Западной Сибири сельскохозяйственной переписью было охвачено подавляющее большинство крестьянских хозяйств. Обследование не коснулось лишь малонаселенных Березовского и Сургутского уездов Тобольской губернии, а также труднодоступных горных районов Кузнецкого Алатау и Алтая в Томской губернии. В Акмолинской области хозяйства кочевых инородцев обследовались выборочно (10 %)[18].

Программа обследования крестьянского хозяйства в Сибири в целом совпадала с общероссийской. Однако организаторами первой сельскохозяйственной переписи принимались во внимание и местные особенности, чем достигался более полный и достоверный учет всех элементов крестьянского хозяйства. Приспособление программы переписи к сибирским условиям было осуществлено общесибирским съездом статистиков Переселенческого управления, состоявшимся 13–21 мая в Иркутске. В результате его работы были конкретизированы объект наблюдения и совокупность подлежащих регистрации сторон крестьянского хозяйства региона[19].

Прежде всего необходимо отметить, что крестьянское хозяйство как объект статистического наблюдения трактовался сибирскими статистиками более широко. К предприятиям крестьянского типа были отнесены все без исключения крестьянские хозяйства независимо от размеров их землевладения и землепользования[20]

Главная особенность сибирской программы была связана с наличием в регионе переселенческих хозяйств. Для их фиксации в карточках сплошной и выборочных переписей (формы 1, 2, 3) был введен раздел о принадлежности опрашиваемого домохозяина к старожилам или переселенцам[21]. В данном разделе отмечались, кроме того, год прихода новосела в Сибирь и губерния выхода, год водворения или образования самостоятельного хозяйства для выделившихся дворов[22]. Год поселения показывался и в карточках "прочего населения", к которому относили посторонних и ссыльнопоселенцев. При описании дворов, выделившихся из семей поселенцев, в графе "год поселения" ставилось время водворения коренной семьи[23].

Другой особенностью сибирских формуляров № 1–3 была более экономная разработка отделов посевов и землепользования. Посевы под отдельными культурами записывались без разделения по категориям земель, на которых они находились. Подразделение их на посевы, расположенные на своих и арендованных землях, производились только в общем итоге[24]. Отделу "землепользование" было придано обязательное и самостоятельное значение. В нем регистрировалась своя, сданная и арендованная пашня с разделением на посевы и пары.

В отделе "имеется в пользовании" в числе единиц надела отмечались доли с лесными наделами[25].

В бланке № 1 в левом углу лицевой стороны ставилась отметка об участии хозяйства в различных формах коммерции[26]. В поселенной ведомости учитывались все кооперативы, имеющиеся в селении. Там же должна была приводиться система их условных обозначений[27].

Регистрация скота, имевшегося в хозяйстве в 1915 г. (форма № 2, 3) сибирской программой не предусматривалась. Учет прихода-расхода продуктов в карточке № 3 в Западной Сибири производился в Акмолинской области и Тобольской губернии[28]. В Томской губернии учитывался лишь остаток хлеба и муки.

Существенной особенностью сибирской программы было разделение семейных и наемных работников. Записывались они в графе "свои и наемные работники" дробью: в числителе свои, в знаменателе – наемные. По программе первого формуляра в Сибири обследовались все 100 % крестьянских дворов[29].

Итак, несмотря на то, что перепись 1916 г. не фиксировала некоторые элементы (промыслы, постройки, мертвый инвентарь), она вполне адекватно отражала основные части и компоненты внутреннего строя крестьянского хозяйства: производственно-техническую базу (тягловый и продуктивный скот, посевы), рабочие ресурсы (семейные и наемные работники) и население. Огромная заслуга в этом принадлежала представителям земской статистической науки, положившим в основу программы переписи важное в методологическом отношении требование изучать крестьянское хозяйство как единую целостную систему во взаимосвязи всех наиболее важных его сторон.

Вместе с тем, социально-экономические аспекты структуры хозяйства программа переписи отражала неполно и искаженно: наемные рабочие оказались слиты с семейными, не учитывались поденные и сдельные формы найма. Это было результатом прагматических целей обследования. Немаловажную роль сыграла также лежавшая в основе взглядов земских статистиков трудовая теория крестьянского хозяйства.

Крестьянское хозяйство Западной Сибири отображалось материалами первой сельскохозяйственной переписи более полно. Лучше было представлено зажиточное хозяйство. Более точно учтено землепользование. Достаточно объективно отражены и социально-экономические черты внутреннего строя, что связано с выделением сроковых и годовых наемных работников в отдельную категорию рабочих ресурсов.

Приведенная характеристика качественных аспектов представительности переписи 1916 г. относится, прежде всего, к ее первичным, подворным материалам. Далее необходимо проанализировать опубликованные данные.

Опубликованные материалы обследования представлены общероссийскими и местными изданиями. Основная общая публикация[30] представляет собой крупномасштабную территориальную (на уровне уезда, губернии и региона) сводку разработанных на местах первичных данных о населении, скоте и посевах. В ней, сравнительно с первичными материалами, исключены сведения о рабочей силе и аренде. Какого-либо рода группировки дворов по хозяйственной мощности отсутствуют. Все это однозначно свидетельствует о том, что сведения центральной публикации не могут быть использованы для изучения внутренней структуры крестьянского хозяйства Западной Сибири. В крайнем случае, они могут служить лишь для характеристики его общего состояния.

Этот вывод относится и к другим центральным публикациям, поскольку все они были построены на более или менее полной передаче сведений основного издания[31].

К изданиям общероссийских итогов примыкает по своему характеру и ряд местных, томских публикаций[32]. Их отличие лишь в более широком учете элементов крестьянского хозяйства губернии. В одной из них даже дополнительно приводятся сведения о числе зарегистрированных обследованием кооперативных организаций, инвентаре и беженцах[33].

Среди местных западносибирских публикаций (по Акмолинской области и Томской губернии) есть издания не только поуездных, но и поволостных данных[34]. Это очень существенное их достоинство. Кроме того, в них представлено большинство учтенных обследованием элементов крестьянского хозяйства. Так в томской публикации помещены сведения практически по всем показателям сплошного обследования, включая данные о семейных и наемных рабочих. Сверх того, там приведены сведения о количестве инвентаря и имевшихся в крестьянских хозяйствах пасеках, мельницах и маслодельных заводах[35]. Томскую публикацию также отмечает разработка материала по природно-географическим зонам и наиболее полный охват крестьянских хозяйств Томской губернии (681 298). Набор сведений, содержащийся в акмолинской публикации, в целом идентичен программе основного центрального издания, но в ней крестьянские хозяйства были отграничены от казацких.

Таким образом, поволостные публикации итогов переписи можно использовать для анализа структуры крестьянского хозяйства региона в целом[36].

Исследование надежности содержащихся в статистическом источнике сведений должно включать в себя выяснение их количественной репрезентативности, достоверности и точности. Для определения достоверности и точности переписи необходимо рассмотреть организацию, принципы, методику и технику сбора сведений.

Обследование 1916 г. проводилось хорошо зарекомендовавшим себя в земских переписях экспедиционным способом с участием специально обученного персонала регистраторов и инструкторов. Опрос домохозяев проводился на сходах группы соседей, что обеспечивало их взаимный контроль. Кроме того, сообщаемые крестьянами сведения сверялись с данными окладных книг и со сведениями сельской администрации и пастухов. В отдельных случаях проводилась проверка хлебных запасов, скота, инвентаря и осуществлялся промер посевных площадей. Иногда участковые инструкторы проводили повторные выборочные опросы[37]. В борьбе за качество собираемой информации организаторы переписи использовали и меры социально-политичес-

кого характера: публиковались воззвания и обращения к населению с разъяснением необходимости, целей и задач обследования[38], проводились устные беседы. Опрашиваемые предупреждались об уголовной ответственности за дачу ложных сведений.

В результате были получены достаточно надежные сведения. Об этом свидетельствуют результаты повторных выборочных переписей в ряде губерний, проведенных с целью проверки качества собранных данных. Контрольные обследования показали, что наиболее полно были учтены население и скот, менее точно – посевы[39]. По Томской губернии, где повторно было обследовано 19 647 хозяйств, результаты были аналогичными (табл. 1).

Таблица 1

Итоги контрольного обследования крестьянских хозяйств Томской губернии (результаты сплошной переписи 1916 г. взяты за 100 %)[40]

№ п/п	Показатели	Точность, %
1.	Души обоего пола	99,5
2.	Свои рабочие	99,5
3.	Наемные работники	103,5
4.	Лошади	99,1
5.	Крупный рогатый скот	97,9
6	Мелкий скот	99,3
7.	Весь посев	98,0

О надежности сибирских материалов переписи свидетельствует и их сравнение с данными волостной статистики. В частности, перепись дала более полный охват крестьянских хозяйств (на 4,1 %) и более точный учет его основных элементов (в расчете на один двор) по рабочему скоту на 5,8 %, по крупнорогатому скоту – на 25,3 % и по посеву – на 0,8 %[41].

Сведения обследования 1916 г. сопоставимы только с данными всероссийской поземельной и сельскохозяйственной переписи 1917 г. В программном отношении последняя была преемницей и, одновременно, развитием первой всероссийской переписи. Так, от программы 1916 г. ею были унаследованы разделы о скоте и посевах. С другой стороны, программой обследования 1917 г. предусматривался учет промыслов и сельскохозяйственного инвентаря, а также землевладения и землепользования.

В отличие от первой переписи, обследованием 1917 г. учитывались и хозяйства отсутствующих крестьян. В Западной Сибири таковых было около 24 тыс.[42] Отдел населения и рабочей силы во второй переписи был разработан более детально. Работники определялись по объективному возрастному критерию[43]. Программой второй переписи предполагался и отдельный учет всех наемных работников – годовых, срочных, поденных, сдельных. По охвату крестьянских хозяйств обследование 1917 г. в Западной Сибири было менее полным. По сравнению с первой переписью было зафиксировано на 3,2 % дворов меньше. По Томской губернии – менее на 1,6 %[44].

Итак, материалы переписей оказались вполне сопоставимы по населению, скоту и посевам. По семейным и наемным работникам их сведения несопоставимы. Данные табл. 2 ярко это демонстрируют.

Таблица 2

Крестьянское хозяйство в Западной Сибири по данным сельскохозяйственных переписей 1916–1917 гг.(в расчете на наличное хозяйство)[45]

Губернии	Население		Работники		Лошади		Коровы		Посев, дес.	
	1916 г.	1917 г.	1916 г.	1917 г.	1916 г.	1917 г.	1916 г.	1917 г.	1916 г.	1917 г.
Томская	5,5	5,4	2,4	1,8	3,1	3,0	2,7	2,6	5,1	5,8
Тобольская	5,3	5,1	-	-	2,5	2,5	3,2	2,9	5,0	5,8
Акмолинская	5,6	5,5	-	-	1,9	2,0	1,9	2,0	9,2	9,8

Различия по сопоставимым показателям объясняются происшедшими до августа 1917 г. событиями, мобилизациями мужчин, реквизициями и поставками скота в армию, расширением посевных площадей[46]. Если же иметь в виду исследование внутреннего строя крестьянского хозяйства региона, когда важны не абсолютные значения, а соотношения величин, то можно считать сопоставимыми сведения переписей и по семейным работникам[47].

В заключение источниковедческой характеристики сведений переписи 1916 г. по Западной Сибири необходимо остановиться на представительности комплекса ее первичных материалов, сохранившихся лишь по Томской губернии.

Первичные карточки всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии находятся в фонде Томского переселенческого района Государственного архива Томской области[48]. Они сгруппированы по уездам, волостям и селениям. Волостные материалы (бланки сплошного и выборочных обследований, вспомогательные формуляры, карточки контрольной переписи сосредоточены в отдельном деле (иногда в 2–3 делах) и являются своеобразным неделимым первоэлементом сохранившейся совокупности материалов. Сохранились первичные материалы по 204 волостям из 386 (53 %). По уездам и естественно-географическим зонам они распределены равномерно. Сохранность подворных карточек формы № 1 по волостям варьирует очень сильно: от 20 до 100 %. Общий объем находящихся на хранении подворных бланков сплошного обследования огромен: примерно 250–350 тыс., что составляет 35–50 % от генеральной совокупности в 681 221 хозяйство. Все это с учетом того, что сохранившийся массив подворных карточек формировался случайными факторами, свидетельствует о бесспорной репрезентативности первичных материалов переписи по Томской губернии.

Таким образом, сведения первой всероссийской сельскохозяйственной переписи отражают основные стороны крестьянского хозяйства России и Западной Сибири вполне адекватно. Они полны в территориальном отношении, единовременны, достоверны, точны и сопоставимы по основным показателям с данными всероссийской поземельной и сельскохозяйственной переписи 1917 г. Данные переписи 1916 г. представлены опубликованными сводно-территориальными и первичными архивными данными. Конкретно по Западной Сибири имеются репрезентативные сведения подворного, поволостного, поуездного, погубернского и природно-географического уровня. Этот единый по своему содержанию многоуровневый и многоаспектный комплекс материалов сельскохозяйственной переписи 1916 г., несмотря на относительную узость содержащейся в нем информации, вполне позволяет осуществить комплексный целостно-системный подход к исследованию крестьянского хозяйства региона, изучить внутренний строй в различных его социальных типах в целом и определить направление его эволюции. Реализуется такой подход на основе статистико-математических методов.

Примечания:

1. Баулал А.М. и др. Материалы переписи 1916 г. по Томской губернии. Новосибирск, 1969. С. 5–64; Слепцов Е.Я. Материалы всероссийской сельскохозяйственной

переписи 1916 года как источник по изучению классового расслоения сибирского крестьянства накануне Октября 1917 года и методика их исследования // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1976. С. 115–136; Островский И.В. из истории организации всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Сибири // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972. Ч. 2. С. 98-110. Он же. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. – источник для изучения сельского хозяйства и аграрных отношений накануне Октябрьской революции / Источниковедение отечественной истории. М., 1981. С. 72-99.

2. Труды 1-го Всероссийского сельскохозяйственного съезда в Киеве 1-10 сентября 1913 г. Киев, 1913-1914. Вып. I. С. 10-11; Вып. III. С. 55–62, 273–278; Труды Совещания земских и городских статистиков 21-23 ноября 1915 г. в Москве. М., 1915. Вып. 1. С. 14–17; Постановления съезда статистиков, созванного Главными комитетами Всероссийских Земского и Городского Союзов 15–18 апреля 1916 года. М., 1916 и др.

3. О функциях и деятельности Особого совещания по продовольствию в связи с организацией переписи см.: Обзор деятельности Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу 17 августа 1915 г. 17 февраля 1916 г. Пг., 1916 и др.

4. Инструкция по производству Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг., 1916. С. 1–4.

5. Там же. С. 1.

6. Резолюции съезда статистиков, созванного Главными комитетами Земского и Городского Союзов 5–7 марта 1917 г. М., 1916. С. 1.

7. О теоретико-методологических основах программы обследования см.: Анцыферов А. Н. Сельскохозяйственная статистика и сельскохозяйственные переписи // Курсы по подготовке инструкторов Всероссийской сельскохозяйственной переписи при Харьковских Высших Коммерческих курсах 15-19 мая 1916 г. Харьков, 1916. С. 7-14.

8. Инструкция... С. 1-4.

9. Дополнения к инструкции по производству сельскохозяйственной переписи 1916 года для регистраторов по Томской губернии. Тверь, 1916. С. 1 и др.

10. Инструкция ... С. 13–16.

11. Там же. С. 14.

12. Там же. С. 14–15.

13. Там же. С. 15-16.

14. Там же. С. 14.

15. Отдел "скот в 1915 году" формы 2 и раздел "учет прихода и расхода основных продуктов и фуража" формы 3 (за исключением пунктов о запасе хлеба и кормов) были признаны факультативными. См.: Деятельность Особого Совещания по продовольственному делу и его комиссий. Приложение. Пг., 1916. С. 90.

16. Инструкция... С. 20.

17. Там же. С. 9–13, 20.

18. Предварительные итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг., 1917. Вып. 3. С. III.

19. Протоколы Сибирского областного совещания статистиков Переселенческого управления, состоявшегося 13–21 мая 1916 г. в г. Иркутске. Томск, 1916.

20. Протоколы ... С. 7., Техническая инструкция по производству сельскохозяйственной переписи в Томской губернии. Томск, 1916. С. 2.

21. Протоколы ... С. 12, 27.

22. Год прихода в Сибирь отмечался только для выходцев из Европейской России. В рубрике "губерния выхода" показывалась губерния первого выхода и губерния последнего выхода коренной семьи.

23.Там же.

24. Там же. С. 13–14, 28–29.

25. Там же. С. 10–11, 25–26. Раздел о купчих землях был исключен.

26. Там же. С. 14, 29.

27. Там же. С. 10, 25, 29.

28. Предварительные итоги ... Вып. III. С. 11.

29. Протоколы ... С. 7, 23.

30. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями). Пг., 1917. Вып. I: Европейская Россия. Поуездные, погубернские и порайонные итоги; Вып. II: Кавказ. Поуездные, погубернские и порайонные итоги; Вып. III: Степной край, Сибирь и Дальний Восток. Поуездные, погубернские и порайонные итоги.

31. Статистический справочник по аграрному вопросу. М., 1917. Вып. II: Сельское хозяйство. Ч. I: Сельскохозяйственная перепись 1916 г.; Статистический ежегодник России за 1916 год. Пг., 1917; Статистический ежегодник за 1913–1917 гг. Вып. I: Сельское хозяйство России в XX веке. М., 1923; Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР 1916 и 1923–1927 гг. М., 1930.

32. Филиппов И. Т. Сельскохозяйственная перепись в Томской губернии. Приложение I: Таблицы итогов сельскохозяйственной переписи в Томской губернии // Статистико-экономические бюллетени. Томск, 1917. № 6; Томская губерния: Статистический очерк. Томск, 1917.

33. Томская губерния. Томск, 1917.

34. Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 года в Акмолинской области. Омск, 1917; Алтайско-Томская часть Сибири по данным с.-х. Переписи 1916 года: Материалы с. х. Переписи 1916 года, собранные и разработанные под руководством и ред. В.Я. Нагнибеды. Томск, 1927.

35. Сведения об инвентаре и промышленных заведениях собирались путем их общего, поселенного подсчета.

36. О методике изучения внутреннего строя крестьянского хозяйства по территориальным сводкам см.: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. С. 296–306.

37. О методике и технике проведения переписи 1916 г. в Западной Сибири см.: Протоколы ... Приложение № 2. Инструкционные указания для регистраторов, инструкторов и заведующих переписными округами; Технический план организации сельскохозяйственной переписи в Томской губернии. Томск, 1916; Филиппов И.Т. Указ. соч. С. 23–24; ГАТО. Ф. 239. Оп. 13. Д. 5. Отчеты районных инструкторов по Томской губернии.

38. Обращение к населению Томской губернии по поводу всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. // Сибирское сельское хозяйство. 1916. № 9–10. С. 182–183 и др.

39. Предварительные итоги ... Вып. I. С. XII–XIII; Вып. II. С. IV–VI; Вып. III. С. IV.

40. Таблица составлена на основе следующих данных: Предварительные итоги ... Вып. III. С. IV; Филиппов И.Т. Указ. соч. Приложение III; Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. Сравнительная таблица результатов первого (основного) и второго (контрольного) опросов.

41. Сравниваются сведения в расчете на одно хозяйство по 488 318 дворам волостной статистики и по 681 221 двору переписи 1916 г. по Томской губернии. См. также: Сельскохозяйственный обзор Акмолинской области за лето и осень 1913 г. Омск, 1914. Приложение I. С. 13; Статистический ежегодник России 1916 г. М., 1918. Вып. I. С. 110–111; Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 года в Акмолинской области. Омск, 1917. С. 18; Алтайско-Томская часть ... С. 184–205; Предварительные итоги ... Вып. III. С. 78, 96; ГАТО. Ф. 239. Оп. 13. Д. 4. Л. 77; ТФ ГАТО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 985. Л. 21.

42. Труды ЦСУ. М., 1921. Т. V. Вып. I: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. С. 64–65, 76–77.

43. Инструкция по производству Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной и Всероссийской городской переписей 1917 г. Пг., 1917. С. 11.

44. Алтайско-Томская часть ... С. 196; Предварительные итоги ... Вып. III. С. 78, 96; Погубернские итоги ... С. 64–65, 76–77. Подсчет.

45. Таблица составлена по: Алтайско-Томская часть ... С. 196–205; Предварительные итоги ... Вып. III. С. 78–87, 96–105; Погубернские итоги ... С. 64–73, 76–85.

46. Пронин В.И. Уровень экономического развития сибирской деревни накануне социалистической революции // Из истории крестьянства Сибири. Томск, 1982. С. 105, 106, 109.

47. Имеются в виду материалы переписей по Томской губернии, где в 1916 г. был произведен раздельный учет семейных и наемных работников.

48. ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 1–211.

2. ЛОКАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЛОКАЛЬНЫЙ МЕТОД И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ИСТОРИИ СИБИРИ

Н.М. Дмитриенко

Местная, или локальная, история стала складываться в России во второй половине XVIII в., когда появились первые труды В.В. Крестинина об Архангельске, а М.В. Ломоносов разработал анкету для составления Российского Атласа и разослал ее на места. Как особое направление исторической науки локальная история заявила о себе в середине XIX в. Зарождение и развитие ее обусловлено во многом факторами социально-экономического характера, возрастанием значимости провинциальной жизни в связи с формированием капиталистических отношений, складыванием рынка. Не менее важная роль принадлежала поискам в самой исторической науке, отысканию способов и средств для более адекватного отражения исторической действительности.

Первое обоснование значения и роли местной, или областной истории, наметки локального метода сделали в России известные историки Н.И. Костомаров и А.П. Щапов. В ноябре 1860 г. во вступительной лекции в Казанском университете А.П. Щапов сказал: «У нас доселе господствовала в изложении русской истории идея централизации, развивалось даже какое-то чрезмерное стремление к обобщению, к систематизации разнообразной областной истории, все разнообразные особенности, направления и факты провинциальной исторической жизни подводились под одну идею государственной жизни... С эпохи утверждения московской централизации все общее и общее говорится о внутреннем быте различных провинций; нисколько не раскрываются разнообразные историко-этнографические, бытовые и экономические особенности областей, не изображаются моральные, политические и физико-географические условия их внутреннего развития и быта; местное саморазвитие, внутренняя жизнь областей остаются в стороне»[1].

Утверждение А.П. Щапова о том, что "русская история в самой основе есть по преимуществу история различных областных масс

народа...» стало важнейшим для обоснования и усиленной разработки нового направления изучения российской истории, в котором сам А.П. Щапов, к сожалению, участия не принял. Но к нему, как отправному пункту, не раз обращались впоследствии сторонники локальных исследований в Сибири.

В трудах Н.И. Костомарова находим те же мотивы, например, такой: «Русское государство складывалось из частей, которые прежде жили собственною независимою жизнью, и долго после того жизнь частей высказывалась отличными стремлениями в общем государственном устройстве». Исходя из сказанного, Н.И. Костомаров сформулировал как важнейшую задачу изучение «народной жизни во всех ее частных проявлениях...» Он же и определил суть нового, отличного от общеисторического метода: «Найти и уловить эти особенности народной жизни частей русского государства...»[2].

Мысли Н.И. Костомарова и А.П. Щапова перекликаются с высказываниями немецкого историка Георга фон Белова, который стоял у истоков формирования локального метода в западноевропейской историографии. Фон Белов, в частности, заявлял, что необходимо «в своеобразии явлений искать тайники исторических законов»[3].

Российский историк Н.П. Оттокар утверждал, что реальные условия и мотивы «в данной исторической действительности» бесконечно многообразны, и они каждую данную ситуацию превращают в неповторимую и единственную: «Историческая действительность подобна расплавленной массе: в ней нет затвердевших материализованных явлений или тенденций, она жива и подвижна, каждый миг создает в ней новые сочетания, новые неповторимые осуществления»[4].

Таким образом, формулировалась первая составляющая локального метода – выявление частного, особенного, неповторимого, характерного только для данной местности, данной области. Обращаясь к местной, или, по-щаповски, областной истории, локальному, или областному методу (последний термин использовал томский историк Н.Н. Бакай, когда анализировал труды по сибирской истории), сторонники этого направления указывали на такой важный момент, как территориальная ограниченность объекта изучения. А.П. Щапов говорил об области, Н.И. Костомаров – о части русского государства, фон Белов и Н.П. Оттокар не выходили за стены средневекового города, современные американские историки рассматривают конкретное городское или сельское сообщество.

Такое ограничение не случайно: локализация исследования, сознательное сужение территориальных рамок означает укрупнение масш-

таба, обеспечивает иные результаты. Этот момент отмечал В.О. Ключевский: «В историческом изучении с помощью усиленного наблюдения, сосредоточенного на ограниченном пространстве, можно яснее разглядеть наблюдаемый предмет»[5]. Английский историк Х.П. Финберг, сравнивая локального историка с человеком, твердо стоящим на земле, говорил, что тот получает более ясное и правдивое представление о ландшафте, простирающемся перед ним до горизонта, чем исследователь национальной истории, обозревающий широкие просторы из своей высокой башни[6]

Сосредоточение внимания на небольшом пространстве дает исследователю серьезные преимущества и в части точного удостоверения фактов, или, как настаивал фон Белов, использования «непосредственных известий» и «надежную интерпретацию источников». Усиленное внимание к фактам, к источникам стало характерной чертой локальных исследований. Наряду с традиционными письменными источниками локальные историки использовали устные свидетельства, что имело место в России до революции и в 1920-х гг.[7] и получило широкое распространение в локальной истории США последних десятилетий. Устные источники привлекаются в дополнение к письменным, а в ряде случаев – как основная информация для изучения тех сюжетов и исторических периодов, которые недостаточно обеспечены архивными или опубликованными материалами[8].

Еще одну составляющую локального метода А.П. Щапов формулировал так: анализировать прошедшую народную историю как организм. В последующих работах Н.П. Оттокара, М.Я. Феноменова, С.И. Архангельского и др. этот принцип получил новое обозначение – целокупность, еще позже – комплексность, совокупность фактов[9]. И.М. Гревс призывал исследователей истории городов рассматривать объект своего изучения как «особое одушевленное целое»[10]. Основатель английской школы локальной истории В.Г. Хоскинс выдвигал комплексность в качестве главного требования – выявить зарождение, рост и разложение локального образования, местной общины[11].

Н.П. Оттокар писал по этому поводу: «Разложение исторической действительности на ряды «институтов» или «явлений» есть не более, как бессильная человеческая попытка оторвать и зафиксировать частичные аспекты текучей исторической массы, неразрывно связанные с этой массой и только в ней понятные и живые. Я отнюдь не склонен отрицать самую возможность исторического синтеза. Я думаю только, что обобщающее построение на такой фиктивной основе не может не быть призрачным и бесплодным»[12].

Это заявление интересно еще и потому, что историк подводит нас к очень серьезному и ответственному моменту в изучении местной истории – ее взаимоотношениям с региональной, российской и мировой. Размышляя над этими соотношениями, сибирский историк А.В. Оксенов писал в начале 1890-х гг.: «Многие вопросы по общей русской истории могут остаться для исследователя темными, если он не ознакомится ближайшим образом с фактами местной истории, археологии, географии и этнографии»[13]. Как бы продолжая эту мысль, московский историк П.М. Головачев говорил, что издания по истории отдельных городов «послужат теми мозаичными камнями, из которых возможно наконец создать полную, цельную и правдивую картину исторической жизни Сибири»[14]. Почти те же слова использовал современный американский историк Джозеф Брэдли, заявляя, что локальные исследования – это строительные блоки в изучении социальной истории России, а его коллеги добавляли, историческое прошлое одного локального образования – маленького города или крупного делового центра – позволяет понять прошлое целой нации благодаря большей точности и проницательности в их изучении[15].

Вместе с тем изучение локальной истории возможно только в контексте общей истории. Баярд Стилл, один из основоположников изучения городской истории США, полагал необходимым исследовать неповторимость местного, не теряя из вида более широкие модели и процессы, помещая городскую историю как бы внутрь национального исторического опыта[16]. Современный вятский исследователь С.А. Гомаюнов предлагает рассматривать положение локальной истории в общеисторическом процессе через категорию «целое – часть»: «Целое не есть механическая совокупность частей, поскольку обладает собственными характеристиками, закономерностями развития, которые не складываются из характеристик составляющих его частей. Но также и часть не проще целого, она обладает специфическими характеристиками и закономерностями развития, содержит в себе целое в снятом виде»[17].

Разработка и использование локального метода с середины прошлого и до 20-х гг. нынешнего столетия происходили с переменным успехом в лекциях и статьях крупных ученых, в работах местных, в том числе сибирских и томских, исследователей. Первым из них был, несомненно, П.А. Словцов, который отказался от идеи централизации и обратился к изучению географических, экономических и бытовых особенностей, «микроскопических подробностей» Сибири[18]. Он опробовал новые подходы к истории Сибири еще в конце 1820-х – нача-

ле 1830-х гг. в «Письмах из Сибири 1826 года» и «Прогулках вокруг Тобольска в 1830 году» – использовал принцип крупного масштаба, делал упор на подробностях, своеобразии бытовых черт, внешнего облика городов края.

Ученики П.А. Словцова и А.П. Щапова – Н.А. Абрамов, Н.И. Виноградский и Д.Л. Кузнецов, а также А.А. Мисюрев, И.Я. Словцов, В.И. Вагин, Н.А. Костров, А.В. Оксенов, Д.Н. Беликов, Х.М. Лопарев, К.М. Голодников, А.В. Адрианов и другие исследователи Сибири второй половины XIX – начала XX вв. – профессиональные историки и любители – на практике осуществили идеи локальной истории. Труды их чаще всего представлены в виде небольших статей о церквях, монастырях, учебных заведениях, выдающихся сибирских деятелях, иногда это публикации старинных документов с необходимыми комментариями. Лишь немногие авторы – Д.Н. Беликов, К.Н. Евтропов, Х.М. Лопарев, А.А. Мисюрев, В.И. Вагин – подготовили и издали монографии.

Но и в крупных работах, и в небольших статьях названных авторов легко обнаруживаются элементы локального метода, разумеется, не у всех в равной степени. Наиболее удачными в данном случае стали книги Д.Н. Беликова, К.Н. Евтропова, Х.М. Лопарева[19]. Трепетное, без преувеличения, отношение к факту и его толкованию, опора по преимуществу на архивные документы – это, скорее всего, самая главная черта исследований рассматриваемых авторов. Поиску документов в заброшенных и полузаброшенных архивах, их коллекционированию, публикации много времени уделяли Д.Л. Кузнецов, В.В. Гурьев, И.И. Тыжнов, Н.А. Костров, Д.Н. Беликов, П.А. Пушкарев, московские историки П.М. Головачев и Н.Н. Оглоблин, профессор Томского университета Г.Г. Тельберг. Многие старинные документы сохранились только благодаря их подвижнической деятельности, публикациям в периодических изданиях, в частности, в «Томских губернских ведомостях», или в книгах.

Велико было внимание и интерес местных исследователей к источниковедческим аспектам их работы, забота о правдивости, достоверности сообщаемых сведений. Например, чтобы сделать то или иное утверждение, Д.Н. Беликов сопоставлял несколько документов, приводил мнения других авторов, подвергал фактические данные логической экспертизе.

Испытывая недостаток источников по местной истории, некоторые исследователи обращались к устным свидетельствам, к воспоминаниям очевидцев. Н.И. Виноградский, печатавшийся в «Томских губернских ведомостях» в конце 1850-х гг. под псевдонимом «За-Ангарский

Сибиряк», писал: «...здесь трудно находить предметов исторических, которые бы сохранялись в архивах и могли служить главными и достоверными источниками Известно, что наши архивы снабжали целыми столбцами и кипами бумаг историографов Миллера, Фишера и др., многие утратили от времени, недостатка внимания или истребились огнем, истлели от сырости, сделались пищею мышей... Поневоле обратишься к живым памятникам – томским старожилам, и на их рассказах, весьма недостаточных и полученных также от дедов и отцов, иногда нужно основывать какой-нибудь очерк. Но и эти живые памятники старины исчезают ...»[20] Устные источники использовали А.А. Мисюрев, Х.М. Лопарев, А.В. Адрианов, К.Н. Евтропов. В изучении истории Сибири эпохи Ермака А.В Оксенов активно использовал данные фольклора, что позволило ему характеризовать русскую колонизацию региона как народное движение[21].

В трудах местных исследователей Сибири и Томска ясно виден и другой важный момент – комплексность подхода к изучаемым объектам, целостность их изображения. В работах Х.М. Лопарева, К.Н. Евтропова, Д.Н. Беликова присутствует сама атмосфера времени, показано многообразие людей, населявших Самарово (в работе Лопарева) или Томск (в трудах Беликова и Евтропова), их интересы, взаимоотношения, симпатии и антипатии.

Немаловажным фактором локальных исследований служили эмоциональность, чувство любви и уважения к жившим в прошлые времена, к описываемым событиям. О роли эмоционального, чувственного восприятия места исторического события, которое помогает "восстановлению целостного образа изучаемого явления", интересно писал в 1920-х гг. петербургский историк Н.П. Анциферов: «Город – для изучения самый конкретный культурно-исторический организм. Душа его может легко раскрыться нам. . Это поможет ощутить прошлое живым, конкретным, а потому и доступным пониманию, вызывающим любовь. Прошлое всего человечества будет воспринято тогда как жизнь единого целого»[22]. Недаром в литературе существует утверждение, что изучение местного края – есть дело его уроженцев.

Начатые в XIX в. локальные исторические исследования в Сибири, да и в России в целом, не сложились все-таки в сильное научное направление. В 1920-е гг. его какое-то время продолжали историки центра страны – И.М. Гревс, М.М. Богословский, Н.П. Анциферов, Ю.В. Готье. В 1921 г. на Первой всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края М.М. Богословский представил программу изучения областной истории России, еще раз подчеркнул

значимость локальных исследований: "Наши выводы должны строиться, если они претендуют на научное основание, на этих предварительных, частных и местных наблюдениях, и только при наличности этих местных наблюдений общее построение наше будет верно и правильно"[23].

Однако в конце 1920-х гг. локальные исторические исследования в России практически прекратились; названные краеведческими, они превратились в любительские, не требовавшие ни научных методов, ни документальных источников. В то же время в странах Западной Европы они развивались по восходящей, в середине XX в. локальная история стала предметом изучения профессиональных историков в США и в 1970-1980-х гг. превратилась в ведущее направление американской историографии[24].

В послевоенные десятилетия к проблемам локальной истории СССР, в том числе – Сибири, также стали обращаться профессиональные историки, однако зачастую они использовали факты местной истории только для установления закономерностей общественного развития, в поисках типичного, в ущерб показу всего своеобразного, неповторимого конкретного города или села. Противопоказанная локальной истории идея централизации пронизывала работы сибирских историков, их внимания удостаивались лишь те участники исторического процесса, те факты и явления, которые укладывались в русло централизма.

Возрастание интереса к историческому краеведению, наблюдаемое в стране с конца 80-х – начала 90-х гг., требует профессиональной разработки проблемы, выработки методологических и методических подходов к изучению локальной истории, только тогда она станет серьезным научным направлением и сможет обеспечить интересными результатами и выводами отечественную историю.

Примечания:

1. Цит. по: Лучинский Г.А. Афанасий Прокопьевич Щапов. Биографический очерк // Щапов А.П. Сочинения в 3 томах. СПб., 1908. Т. 3. С. XXXI.

2. Цит. по: Костомаров Н. Энциклопедический словарь: Издатели Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1895. Т. XVI. С. 403.

3. Цит. по: Архангельский С. Локальный метод в исторической науке // Краеведение. 1927. Т.4. С. 188.

4. Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века. Пермь, 1919. С. 58.

5. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М., 1987. Т. I. С. 389.

6. Finberg H.P.R. and Skipp V.H.T. Local History. Objective and Pursuit. Newton Abbot, 1967. P. 29.

7. См.: Шмидт С.О. "Устная история" в системе источниковедения исторических знаний // Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 105.

8. Allen B., Montell W.L. From Memory to History: Using Oral Sources in Local Historical Research. Nashville, Tennessee, 1981. P. 7, 8, 15.

9. См.: Феноменов М.Я. Задачи губернского общества изучения местного края в деле плановой организации краеведной работы // Краеведение. 1926. Т. 3. № 2. С. 154; Архангельский С. Указ. соч. С. 194.

10. Гревс И.М. История и краеведение // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1991. С. 13.

11. Hoskins W.G. Local history in England. London and New-York,1984. 3-rd edition. P. 14.

12. Оттокар Н.П. Указ. соч. С. 244.

13. Оксенов А. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032–1882 гг.). Составил И.В. Щеглов. Иркутск, 1883. Рецензия. Б.м., б.г. С. 161.

14. Головачев П.М. Ближайшие задачи исторического изучения Сибири // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1902. Часть 343. Сентябрь. С. 68.

15. Bradley J. Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia. Berkeley, Los Angeles, London, 1985. P. 3; Allen B., Montell W.L. From Memory... P. 6.

16. См.: Mohl R.A. Bayrd Still: Pioneer Urban Historian, 1906-1992 // Journal of Urban History. 1992. Vol. 19. № 3. P. 3.

17. Гомаюнов С.А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 160.

18. См.: Бакай Н.Н. Памяти П.А. Словцова как историка Сибири. Красноярск, 1918. С. 8, 13–14; Мирзоев В.Г. Историография Сибири. Домарксистский период. М., 1970. С. 173.

19. Лопарев Х.М. Самарово. Село Тобольской губернии и округа. СПб., 1896. Беликов Д.Н. Старинные монастыри Томского края. Томск, 1898. Евтропов К.Н. История Троицкого кафедрального собора в Томске (Постройка его с характеристикой времени и деятелей). Томск, 1904.

20. За-Ангарский Сибиряк. Статейка для немногих // Томские губернские ведомости. 1858. 4 апр.

21. См.: Мирзоев В.Г. Указ. соч. С. 346–348. Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (Конец XIX – начало XX вв.). Красноярск, 1973. С. 254.

22. Анциферов Н.П. Душа Петербурга // Анциферов Н.П. "Непостижимый город..." СПб., 1991. С. 29, 46.

23. Богословский М.М. Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи // Вопросы краеведения. [Нижний Новгород], 1923. С. 119.

24. Higham J. History: Professional Scholarship in America. Baltimore, Maryland, 1983. P. 260-261; Russo D.J. Families and Communities. A new View of American History. Nashville, Tennessee, 1974. P. 1; Tilly C. What Good Is Urban History? // Journal of Urban History. 1996. Vol. 22. № 6. P. 702-703.

ФАМИЛИЯ ЗИНОВЬЕВЫХ В ИСТОРИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СИБИРИ XVII в.

Д.Я. Резун

В истории присоединения Сибири есть немало громких фамилий, таких как Хабаровы, Дежневы, Поярковы, которые вошли во все учебники и книги по истории. Однако основная масса сибирских землепроходцев пока еще обезличена, хотя они своей жизнью и деятельностью внесли немалый вклад в дело освоения Сибири. В настоящей статье я попытаюсь восстановить биографии некоторых стрельцов и казаков, носивших фамилию «Зиновьевы» по своей генеральной картотеке сибирских служилых людей XVII в. Первым сибирским городом в XVII в. был Верхотурье, где в 1602 г. отмечен стрелец Аника Зиновьев, который 23 февраля привез царскую грамоту с Москвы. Он был свояком верхотурского стрельца Семена Родионова и оказался замешанным в семейном имущественном конфликте Семена с его братом Федором Вискуновым. Семен должен был Федору за долги отдать часть своего имущества («пожитков»), но, чтобы не отдавать долг, он эти пожитки передал Анике, который отказался отдать их Федору Вискунову[1].

Среди Зиновьевых были и «иноземцы». Первый из них, Тимофей, служил в 1635 г. в Нижнем Новгороде в «литовском» списке и был назначен переводом в конную службу в Тобольск. Получив подъемные 2 рубля, он с семьей уже 25 мая прибыл в Тобольск[2]. Другой иноземец, Лукьян, по профессии замочный кузнец, также служил в Нижнем Новгороде, также получил указ о переводе в Тобольск и даже получил 2 руб. подъемных. Но в отличие от Тимофея, он «не похотел» в Сибирь и сбежал со своей семьей в поместье иноземца Ю. Кнапина, где хоронился в деревне Резанцы несколько недель от сыщиков. То ли ему в деревне жилось скучно, то ли решил, что о нем власти забыли, но он вернулся обратно в Нижний Новгород, где и был арестован и

отправлен уже в качестве ссыльного в Тобольск. При этом он лишился подъемных, и более того, в процессе следствия из него подьячие «вымучили» 10 рублей[3]. В Тобольске проживали в то время среди Зиновьевых и потомки первых ермаковских казаков. Так, согласно рассказам тобольского рейтара Семена Карпова, его дед Сергей Зиновьев пришел в Сибирь с воеводой Чулковым и строил Тобольск, пленил хана Сейдяка, участвовал в походе на Белогорье, где русские пленили кучумовского царевича Маметкула. В этом сражении Сергей и был убит[4].

Жизнь служилых людей тогда часто подвергалась смертельной угрозе, и любое служебное поручение могло стоит жизни, что чуть и не произошло с тобольским казачьим сыном Михаилом. В 1676 г. он с другими служилыми людьми А. Сыромятниковым, г. Скитиным, С. Гавриловым и С. Щипицыным был послан к калмыцкому тайше Очире. Ничто не предвещало опасности, тайша Очир уже давно выразил готовность служить «белому царю» и они везли ему государево жалованье и подарки. Поездка должна даже была быть прибыльной, ибо таких посланцев всегда сам тайша и его приближенные одаривали пушниной или скотом. Но пока тобольские люди были в пути, на тайшу Очиру 27 февраля напал другой тайша – Кеген, который разбил своего соперника и взял русских посланцев в плен. Несколько месяцев тобольчане были в плену и кочевали по разным стойбищам вместе с тайшой Кегеном. Несколько раз им казалось, что наступил их последний день: или убьют, или продадут в рабство в Среднюю Азию. Но все же тайша сменил гнев на милость и отпустил их. И 21 октября служилые люди уже были в Томске[5].

В Томске также служило несколько Зиновьевых. Один из них, Василий, «иноземец» во втором поколении, служил в сынах боярских. Судя по тому, что его родным племянником был польский шляхтич сын боярский Матвей Ржицкий, он, наверное, и сам был из поляков[6]. Другой Зиновьев, Прокофий, в 1676 г. служил пятидесятником пеших казаков с денежным окладом 5 руб. с четью[7]. Его карьера во многом показательна для того времени, когда сословные рамки сибирского общества еще не затвердели. Начинал он свою службу сначала простым рядовым пешим казаком, затем стал десятником, а 1665 г. был поверстан в рядовые конные казаки, где также дослужился до десятника и в 1675 г. был переведен уже в пятидесятники пеших казаков[8].

Томск вообще сыграл выдающуюся роль в истории присоединения Сибири: он долгое время был центром обширного Томского разряда, куда входили в разное время Кузнецк, Енисейск и Красноярск, из него посылались экспедиции по проведыванию Мангазеи, Якутии,

Забайкалья и даже берегов Тихого океана. Поэтому служилые с фамилией Зиновьев встречаются и в других городах. Так, в Кузнецком остроге в 1673 г. служил конный казак Иван с денежным окладом в 7 руб. с четью[9].

В дальних экспедициях рядовых служилых людей опасности подстерегали не только от «немирных иноземцев», но и порой от своих начальников. Енисейский служивый человек Федот Зиновьев был послан в Братский острог в «посылку», которая превратилась в постоянное местожительство. Приказчиком Братского острога в 1658 г. был И. Похабов, человек властный, корыстолюбивый и жестокий. Федот чем-то не угодил Похабову, который грозился бить его кнутом и отсечь правую руку за то, что Федот, якобы, писал на него челобитную в Енисейск. Правдолюбец Федот был вынужден покинуть свое жилище, жену и детей, и несколько недель жил, «укрываясь в лесу»[10].

Несколько Зиновьевых проживало в Красноярске. Основателем этого красноярского клана, по всей видимости, был конный казак Калина, имя которого первый раз упоминается в окладной книге 1636 г.[11] В 1638 г. он отмечен уже как женатый конный казак и к его денежному окладу в 7 руб. с четью было добавлено уже 6 четвертей муки, по чети круп и толокна и 2 чети овса[12]. С тем же окладом он отмечен и в 1662 г.[13]. В дозорной книге Красноярска 1671 г. указано, что конный казак Калина проживает в с. Ясаулово, и у него сын Алексей 18 лет еще не верстан в казачью службу[14].

Другой Зиновьев, пеший казак Максим сотни Е. Тюменцева, первый раз также отмечен под 1636 г. Он был еще холост и его оклад равнялся 5 руб., 5 четям ржи, по чети крупы и толокна и 2 четям соли[15]. В 1642 г. он упоминается уже как женатый казак[16]. Последний раз мы встречаем его имя в 1689 г. как пешего женатого казака сотни А. Тюменцева[17]. Таковы некоторые биографии простых сибиряков XVII в., которые своими трудом и воинскими успехами осваивали Сибирь, искали правду и достаток в своей жизни.

Примечания:

1. Верхотурские грамоты конца 16 – начала 17 века. М., 1981. С. 131, 134, № 79, 82.
2. РГАДА. Ф. Сибирского приказа. Стлб. 61. Л. 261, 417.
3. Там же. Л. 261–262.
4. Преображенский А.А. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 380.

5. ДАИ. СПб., 1859. Т. 7. С. 158. № 24

6. РГАДА. Ф. Сибирского приказа. Стлб. 460. Л. 428; Люцидарская А.А. Старожилы Сибири, историко-этнографические очерки XVII – начала XVIII в. Новосибирск, 1992. С. 77.

7. РГАДА. Ф. Сибирского приказа. Кн. 622. Л. 81.

8. Там же. Кн. 479. Л.112, 124; Кн. 566. Л. 566.

9. Там же. Кн. 590. Л. 548.

10. Сборник документов по истории Бурятии. 17 век. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 216. № 64.

11. РГАДА. Ф. Сибирского приказа. Кн. 70. Л. 122.

12. Там же. Л. 202.

13. Там же. Кн. 438. Л. 314.

14. Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1959. Т. 4. С. 220.

15. РГАДА. Ф. Сибирского приказа. Кн. 70. Л. 131.

16. Там же. Кн. 189. Л. 61.

17. Там же. Кн. 902. Л. 226.

КОНФЕТНО-ШОКОЛАДНАЯ ФАБРИКА Б.В. БОРОДЗИЧА

Б.К. Андрющенко

Конец XIX в. для Томска ознаменовался существенными изменениями в его социально-экономической и общественной жизни. Транссибирская железнодорожная магистраль, обойдя губернский город, лишила его возможности, как и прежде, занимать важнейшее место в системе хозяйственно-экономических отношений и торгово-промышленных связей всей Сибири. В то же время Томск оставался самым большим городом Сибири по численности населения. По данным Первой российской переписи, в нем проживало 52 430 человек. Имея сбыт своих товаров, динамично развивалась в городе и торгово-промышленная сфера, прежде всего, пищевые производства. Предметом изучения в данной статье является кофетно-шоколадная фабрика Бородзича.

Сведения из архивных и опубликованных материалов о фабрике очень скудны и фрагментарны, несмотря на то, что проделан большой объем работы по их поиску *(просмотрено 64 описи 15 фондов Томского областного государственного архива; обработано 177 единиц хранения)*. Отчасти, это связано с небольшим периодом действия предприятия в дореволюционное время, с его небольшими масштабами производства. Фабрика Бородзича также не принадлежала к отраслям,

которые особенно тщательно курировались государством (акцизное, горнозаводское, золотодобывающее производства, железнодорожный и речной транспорт и т.п.) и поэтому оставили после себя большой массив делопроизводственной документации. Возможно, свою роль в этом сыграл и сам владелец фабрики, не оставивший никакого следа в общественно-политической жизни Томска.

Потребность в товарах повседневного и повышенного спроса, в услугах была достаточно высокой. В город стекались многие люди, желавшие заработать на жизнь, основать свое дело или просто получить у судьбы свой шанс. В этом нескончаемом потоке были переселенцы, ссыльные, авантюристы и просто предприимчивые люди. Среди последних оказался и Бронислав Вильгельмович Бородзич, варшавский мещанин. К сожалению, история сохранила немного сведений об этой, по-своему незаурядной, личности, которая оказалась у истоков одного из старейших промышленных предприятий Томска, существующего и поныне. Впервые имя Бронислава Бородзича появилось в официальных документах в связи с его собственноручным заявлением от 7 августа 1899 г. *(здесь и далее старый стиль)* за № 143 в Томскую ремесленную управу. В нем будущий владелец конфетно-шоколадной фабрики просил разрешения открыть в Томске кондитерское заведение. При этом были представлены документы, свидетельствовавшие о профессиональной подготовке и прошлых занятиях заявителя, – аттестат, выданный кондитером Ляффертом, и расчетная книжка Ростовской ремесленной управы. Среди поручителей, удостоверявших профессиональные качества Бородзича, был Иван Георгиевич (Егорович) Тихонов, томский купец, имевший в числе прочей недвижимости и конфетную фабрику. Вторым поручителем был томский кондитер, купец второй гильдии Константин Федорович Дюрихен.

Местом жительства Бородзича в это время был дом Ульянова на улице Магистратской (*ныне ул. Розы Люксембург*) под № 12. Свидетельство на право заниматься кондитерским промыслом Бронислав Бородзич получил 9 августа 1899 г., что подтверждается соответствующей записью в книге выдачи ремесленных свидетельств Томской ремесленной управы[1]. Очевидно, этим днем можно начать отсчет времени существования томской кондитерской фабрики «Профинтерн», слившейся в 1962 г. в одно предприятие с фабрикой «Красная Звезда». Современное предприятие Акционерное общество «Красная Звезда», таким образом, является правопреемником и наследником дела Б.В. Бородзича. Основателем существующего столетнего уже предприятия по праву является Бронислав Вильгельмович Бородзич, варшавский мещанин по месту рождения и социальному происхождению, ставший сибиряком.

Кондитерское производство того времени, на поприще которого нашел себя Бородзич, в широком смысле слова означало изготовление разного рода печений, консервирование плодов и ягод в сахарном сиропе, приготовление разных лакомств. Главной составной частью изделий (конфеты, шоколад, мороженое, крем) был сахар. Со временем из подобного рода предприятий со смешанным ассортиментом продукции вырастали специализированные, хорошо технически оснащенные конфетно-шоколадные фабрики

В Томске кондитерское производство было известно издавна. Так, по данным цеха Томского ремесленного общества на 1874 г., в городе действовали два кондитерских заведения, владельцами которых являлись швейцарский подданный и крестьянин Калужской губернии[2]. К концу XIX в. наиболее известными в Томске были кондитерские поселянина Саратовской губернии Иоанна Билля на Московском тракте, № 14 (сумма годового оборота 1200 руб., с двумя пекарями и одним приказчиком), каинского мещанина Леонида Мельникова на Почтамтской (*ныне проспект Ленина*) улице, № 28 (годовой оборот 10000 руб., 3 пекаря, 1 малолетний рабочий), двинского мещанина Карла Грениха на ул. Магистратской, № 19 (годовой оборот 5000 руб., 2 рабочих)[3].

Подобными же промыслами, согласно книге о выдаче свидетельств Томской ремесленной управы, занимались мещанин Могилевской губернии Арон Меклер, тюкалинский мещанин Петр Лопатин, жена московского цехового Анна Валькова, крестьянин Московской губернии Я. Горелкин, варшавский дворянин С. Экеркунст, поселянин Саратовской губернии Я. Линд и другие[4]. Все они, как правило, были выходцами из губерний европейской части России, где и получили знания и практические навыки своей профессии. Имея небольшой капитал, предпринимательскую жилку, каждый из них надеялся упрочить и расширить свое дело. Нас не должна удивлять большая доля выходцев из Германии и Польши среди томских кондитеров. Именно оттуда пришло в Россию в XVIII в. кондитерское ремесло.

Среди кондитерских заведений Томска этого времени выделялась специализированная конфетная фабрика купца И. Г. Тихонова, которая размещалась на Обрубной (*Обруб*) улице, № 8. Здесь производился традиционный ассортимент продукции: конфеты (*«конфекты» по правописанию начала века*), шоколад, карамель, варенье. Всего около 7 тыс. пудов. Годовая сумма производства в денежном выражении составляла 40 тыс. руб. На фабрике было занято 20 рабочих, число которых с сентября по апрель увеличивалось на 5 человек[5].

Первоначально кондитерское заведение Бронислава Бородзича располагалось в доме наследников купца С.В. Батурина на Магистратской улице, № 4 (*ныне ул. Розы Люксембург*). Эта улица находилась рядом с центром города и была «местом жительства, торговли и отдыха состоятельных горожан"[6]. Здесь были сосредоточены торговые лавки, магазины, модные мастерские, фотосалоны, несколько учебных заведений, церковь, синагога.

Во всех отношениях выгодное расположение Магистратской улицы давало возможность владельцам многих обширных усадеб и солидных особняков зарабатывать на сдаче в аренду своих помещений мелким предпринимателям. В том же доме наследников купца Батурина, кроме кондитерского предприятия Бородзича, находились и другие заведения: аптека провизора П.С. Ковнацкого, слесарно-водопроводная мастерская петербургского мещанина И.Ф. Никифорова, городской ломбард Томского городского общественного правления, два склада и ссудная касса под залог недвижимого имущества Томского ремесленного общества[7].

Все предприятие Бронислава Бородзича состояло из кондитерской мастерской и булочной и размещалось в четырех покоях (помещениях). Три помещения занимала непосредственно сама кондитерская, которая начала работать сразу же по получении свидетельства на право производства в августе 1899 г. Несколько позднее была открыта булочная. Плата за арендованную площадь составляла внушительную для того времени сумму – 900 руб. в год[8].

По данным журнала генеральной поверки торгово-промышленных заведений за 1900 год, на предприятии Бородзича было выработано 350 пудов кондитерских изделий. Все они были проданы в течение этого же года. Производством было занято 5 взрослых и 1 малолетний рабочий. На их заработную плату и жалованье приказчиков, содержание рабочих в 1900 г. было израсходовано в общей сложности 876 руб.[9]

В делопроизводственных документах Томской ремесленной управы сохранились имена первых рабочих кондитерского предприятия Бронислава Бородзича. Ими были крестьянин Ояшинской волости Томского округа Никифор Забелин, крестьянин Левашевской волости Спасского уезда (очевидно, какой-то другой губернии) Дмитрий Сахаров и сын чиновника Леонид Иванович Арбузов. Позднее в списках рабочих появились имена ирбитского мещанина Александра Васильевича Богомолова и крестьянина Курелинской волости Винницкого уезда (неизвестно какой губернии) Павла Ивановича Солохина[10]. Соответственно времени и финансовым возможностям начинавшего свое дело

предпринимателя, на предприятии Бородзича использовалось простейшее оборудование и несложные технологии производства продукции. Из оборудования были печь для выпечки кондитерских изделий, чаны, ручные машинки. Патока, сахар, всевозможные эссенции приобретались в европейской части России. Сбыт продукции осуществлялся непосредственно в Томске.

Процесс экономического подъема первого десятилетия XX в. захватил все отрасли пищевкусового производства Сибири, в том числе и кондитерское дело. Увеличением числа кондитерских предприятий, объема и ассортимента их производства, был напрямую связан с ростом населения сибирских городов, возможностями более качественного и разнообразного питания. Дореволюционная статистика не проводила четкой грани между конкретными производствами в пищевкусовой промышленности. Тем не менее, тенденция роста кондитерского производства прослеживается достаточно заметно.

Так, в 1904 г. в Томске насчитывалось 30 кондитерских предприятий (сумма производства 111 200 руб., 119 рабочих), 2 конфетных и пряничных производства (61 000 руб., 61 рабочий). В 1912 г. в городе действовали 32 кондитерских и хлебных предприятия (300 786 руб., 74 рабочих) и 16 крендельных, пряничных, конфетных производств (89 400 руб., 88 рабочих)[11]. Некоторое сокращение численности рабочих связано непосредственно с механизацией кондитерского и других производств, применением более производительного технического оборудования, паровых и иных двигателей.

На фоне общего экономического подъема также успешно складывались дела Бронислава Вильгельмовича Бородзича. В списках лиц, имевших право участвовать в выборах в Государственную думу (1906 г.) по городскому избирательному собранию в Томске, он уже проходил по двум разрядам: как лицо, владевшее «в пределах города не менее года торгово-промышленным предприятием, требующим выборки промыслового свидетельства», и как лицо, уплачивавшее «в пределах города, не менее года, государственный квартирный налог»[12]. Это свидетельствовало о его достаточно благополучном материальном и социальном положении и вводило в класс состоятельных, во всех отношениях, горожан.

Заметные изменения происходили и на кондитерском производстве. В июне 1905 г. Бородзич подал прошение в Томское губернское управление. В нем говорилось: «Желая в особом помещении при моей кондитерской, находящейся по Магистратский улице в доме № 4, принадлежащем наследникам Батуриным, поставить паровой котел и

двигатель для кондитерского производства, предъявляю при сем проект в 2-х экземплярах помещения машинного отделения и удостоверение Томской городской управы от 16 сего июня за № 2713 о неимении со стороны ее препятствий на установку котла»[13].

В удостоверении Томской городской управы, упомянутом в прошении Бородзича и предназначенном для представления в строительное отделение Томского губернского управления, отмечалось, что управа не возражает против установки парового котла и машины при кондитерской Бородзича. Выдвигалось лишь три условия: чтобы внутренняя стена, отделявшая мастерскую от помещения, где предполагалось поставить котел, была толщиной в пять четвертей аршина; чтобы дверь открывалась наружу и под трубой парового котла должен быть поставлен искротушитель.

Проект установки парового котла и машины в кондитерском заведении Бородзича был найден в строительном отделении удовлетворительным и «подлежащим разрешению». Решение об этом было выдано Бородзичу под расписку через городское полицейское управление в начале июля 1905 г. При этом ставилось непременное условие обязательного освидетельствования помещения и самого оборудования губернским инженером на предмет его исправного состояния[14].

Следует отметить, что с установкой парового котла и паровой машины предприятие Бородзича если не в полной мере, то частично уже начинало переходить в разряд «фабрик и заводов». Согласно Уставу о промышленности фабричной и заводской, мануфактуры, фабрики и заводы отличались от ремесленных заведений тем, что имели «в большом виде заведения, у ремесленников же нет их, кроме ручных машин и инструментов»[15].

Новым этапом в развитии кондитерского производства для Брониславa Бородзича стал 1911 год. В этом году на Первой Западно-Сибирской выставке в Омске кондитерские изделия его предприятия за высокое качество были отмечены Большой золотой медалью. Примерно в это же время Бородзич взялся осуществлять задуманный ранее проект паровой конфетно-шоколадной фабрики в Томске. С этой целью им был приобретен в собственность участок земли общей площадью в 1009,63 кв. саж. в Татарском переулке (*ныне ул. Трифонова*).

Данный участок был удачным приобретением со всех точек зрения. Он находился на оживленном месте и имел выход к центральной части города. Поблизости пролегали четыре крупные улицы Заисточья. Здесь же находились постоялые дворы, кузнечно-слесарные и механические мастерские М.А. Стефаняка, артель экипажных мастеров и ковка лошадей В. Татарвина, ряд татарских учебных заведений[16].

Прошение с ходатайством о строительстве каменной паровой конфетно-шоколадной фабрики было подано Бородзичем 28 апреля 1911 г. Все необходимые документы – удостоверение Томской городской управы о разрешении строительства, подписка архитектора Оржешко о принятии ответственного наблюдения за сооружением фабрики и чертеж с описанием парового водотрубного котла – прилагались к прошению[17]. Строительное отделение Томского губернского управления, рассмотрев проект и найдя его удовлетворительным, одобрило строительство фабрики. Разрешительное свидетельство на право ее содержания было предписано выдать после завершения сооружения фабрики и ее «законного освидетельствования» комиссией. Это решение было утверждено вице-губернатором 5 мая 1911 г. Довольно сложно определить точное время окончания строительства фабрики Бородзича и начала ее полноценной работы. Судя по делам строительного отделения, решение об ее открытии постоянно откладывалось и переносилось, как правило, на следующий год: с 1911 г. на 1912 г., с 1912 г. – на 1913 г., с 1913 г. – на 1914 г. Основным препятствием для окончательного решения по делу о паровой конфетно-шоколадной фабрике Бородзича было отсутствие заявления последнего об освидетельствовании здания[19].

Скорее всего, если судить по косвенным источникам, строительство здания фабрики было закончено в 1913 г. В статистическом сборнике «Вся Россия. 1912 г.» (столб. 997) адресной привязкой фабрики служит еще Магистратская улица. Также в прошении Бородзича в строительное отделение Томского губернского управления от 7 февраля 1912 г. говорится только о проекте устройства «электрического освещения при фабрике»[20]. В то же время, в очередном прошении от 26 октября 1912 г. Бородзич просил строительное отделение «сделать распоряжение об осмотре электрической установки в принадлежащем мне доме по Татарскому пер. под № 18, и выдать мне копию акта для представления таковой в товарищество «Технико-промышленное Бюро»[21].

В акте освидетельствования от 6 ноября 1912 г. говорилось только об электрическом освещении в деревянном флигеле и верхнем этаже каменного дома Бородзича по Татарскому переулку, № 18[22]. Очевидно, производственные помещения фабрики строились позже. Тем более что кондитерское производство продолжало функционировать по прежнему адресу на Магистратской улице. Однако уже в оценочной описи недвижимости Бородзича от 16 апреля 1914 г., размещенной в Татарском переулке, говорится не только о каменном доме, деревянном флигеле, но и о шоколадно-кондитерской фабрике и машинном отделении[23].

После завершения строительства помещения фабрики и установки соответствующего оборудования был, собственно, создан единый производственно-жилой комплекс. В его производственную часть входили: 1. Одноэтажное каменное здание шоколадной фабрики с подвалом, крытое железом, пол и потолок деревянные, в подвале пол и свод цементные, длина здания 11,86 сажени, ширина 5,10 сажени, высота 3,0 сажени, кубатура 181,30 саженей; 2. Каменная пристройка, крытая железом, деревянный пол и потолок; 3. Пристройка (кладовая) из досок в два ряда, крытая тесом, с деревянным полом и потолком; 4. Каменное одноэтажное здание машинного отделения, крытое железом, с цементным полом; 5. Каменное одноэтажное здание конфетной фабрики, крытое железом; 6. Каменная пристройка (кладовая), крытая железом; 7. Пристройка из досок (кладовая); 8. Деревянный тесовый сарай, крытый железом; 9. Навес на столбах, крытый железом[24].

В жилую часть комплекса входил двухэтажный каменный, крытый железом дом. На его втором этаже находились спальня, детская, столовая, кухня, кабинет, зал, а также некоторые производственные помещения – контора, булочная, склад образцов. В деревянном флигеле (на каменном фундаменте, крытом железом, с подвалом) внутри усадьбы размещались кухня, столовая, две спальни (одна из них для булочников), зал, кабинет, проходная. Все это недвижимое имущество оценивалось в 65 855 руб. (в ценах на 1917 г.). Кроме производственно-жилых помещений в Татарском переулке, у фирмы «Бронислав» были три отделения на Почтамтской, Спасской (*ныне Советская ул.*) и Магистратской улицах. На Бульварной улице (*пр. Кирова*) находился магазин Бородзича, на Магистратской, № 32 – булочная и кондитерская. Судя по финансовым документам, торговлей в одном из этих заведений занимался брат Бронислава – Эдуард Вильгельмович. Фабрика Бородзича производила конфеты, шоколад, карамель, монпансье и другую кондитерскую продукцию. Технология производства была традиционной для всех предприятий этой отрасли. Основной продукцией были различные виды конфет. Главной составной их частью был сахар, который пропитывался и окрашивался соком различных фруктов. Иногда конфеты представляли собой плоды и ягоды, консервированные в сахаре. В состав других сортов конфет входили мука, молоко, яйца и прочие ингредиенты. Также применялись различные пряности: ваниль, гвоздика, корица, мятное масло и т.п. Лучшие сорта конфет изготавливались из чистого рафинада или из очищенного сахарного песка (как правило, тростникового). На более дешевые сорта конфет употреблялся недостаточно очищенный сахарный песок или даже си-

ропы, которые образовывались при производстве и очистке сахарного песка и рафинада (патока) В производстве конфет использовался бесцветный постный сахар, бледно-розовый, ярко-розовый, коричневый, лимонно-желтый[27]

В кондитерском производстве того времени существовали разные технологии изготовления конфет Наиболее простой способ заключался в том, что на гладкую доску, слегка смазанную прованским или миндальным маслом, посредством специальной разливательной ложки выливалась каплями приготовленная масса. Для придания конфетам разного вида использовались различные формы, деревянные и металлические, состоявшие из двух складывающихся половинок. Карамели-леденцы готовились из колотого сахара, который кипятился в небольшом количестве воды Затем в загустевшую массу добавлялись лимонный, апельсиновый, вишневый и другие соки (или соответствующие эссенции). Вся эта масса сливалась на доску и после недолгого остывания разрезалась на квадратики или ромбы. Точно так же изготавливался, только отличался формой, сорт конфет, известный в России как монпансье.

Для приготовления помадок толченый сахар с определенным количеством воды и ванили уваривался на сильном огне Затем готовая масса размешивалась на доске лопаткой, добавлялось небольшое количество густого молока и окрашивающие, ароматические вещества. Полученная масса нагревалась на слабом огне, отливалась в формы и обсахаривалась.

Мягкие конфеты делались в основном из мякоти различных фруктов. Их способ приготовления был тот же, что и помадок. Только сахар варился вместе с фруктовой мякотью, промятой через сито. Для конфет драже смесь из порошка белого траганта и мелко истолченного сахара, смоченная в воде, растиралась в ступке до образования сильно тягучего теста. К нему добавлялись крахмальная мука, какой-либо краситель и пахучая эссенция Затем вся эта масса тщательно растиралась. Производилось два сорта драже. Первое готовилось из того же теста в форме розеток, цветов или мелких зернышек, продавливаемых через отверстия железного решета. Второе, так называемое фруктовое драже, начинялось различными конфетными составами, ликерами и т п.[28]

Конфетно-шоколадная фабрика Бронислава Бородзича была оснащена современным оборудованием, соответствовавшим технологиям кондитерского производства, принятым в этой отрасли. Здесь были установлены, меланжер для шоколада с регулятором фабрики Лемана и механическим приводом, машина для вымешивания шоколада с меха-

ническим приводом той же фабрики, вальцовка для пряничного теста с механическим приводом в два вальца; вальцовка для чистки миндаля с вентилятором для автоматического удаления шелухи (механический привод фабрики Лемана); вальцовка для шоколада с механическим приводом той же фабрики в три вальца, вальцовка для миндаля с двумя вальцами; ручная мельница для какао с вентилятором и механическим приводом той же фабрики; орехо-шинковочная машина с механическим приводом, стол для разбивки шоколада с механическим приводом; механическое сито для сахарной пудры с механическим приводом; какао-терка с механическим приводом фабрики Лемана; мельница для размола сахарной пудры с вертикальным жерновом, вальцовка для английских бисквитов в два вальца с ручным приводом, паровой стол для разогревания шоколада; ручной станок для монпансье с 8 парами валиков; ручной станок для монпансье, три чугунных вала с раковинами; 4 чугунных пресса для карамели; станок для карамели с тремя медными и одним стальным валиками, станок для резки теста; ножницы для резки картона; точильный ножной станок; 9 мраморных прилавочных плит разных размеров; печь с барабаном для жарки какао; ножницы для резки бумаги на деревянном столе; ручной пресс фабрики Рейхе для шоколадной пастилы; машина для стрижки бумаги; жернов для сахарной пудры с деревянным станком; 12 запасных ножей к трехвальцовой вальцовке; медный паровой котел для кипячения сиропа; 4 ручных машинки для шинковки миндаля, 7 машинок для чистки яблок; штамп для репейков; резка для карамели; станок для обивания теста; различные скребки, шприцы, тазы, формы, резцы[29]. Все оборудование с механическим приводом работало от силовой установки. В котельном отделении при фабрике был установлен паровой котел с площадью нагрева 436 кв. фут. Согласно п. 3 приложения к статье 76 Устава промышленного, с владельцев паровых котлов взимался котельный сбор в пользу казны. Для фабрики Бородзича он составил в 1917 г. 42 руб.[30]

В десятые годы XX в. достаточно четко определился круг основных производителей в кондитерском производстве Томска. Здесь сыграли свою роль многие факторы, связанные с конъюнктурой рынка, способностью предпринимателей выстоять в конкурентной борьбе со своими соперниками, вовремя и безошибочно принять необходимые решения. Наиболее заметными в городе были конфетное и пряничное заведения Ф.И. Деева на Благовещенском переулке (*ныне пер. Батенькова*), кондитерское заведение С.С. Зазвонова, пряничное и конфетное заведение П.В. Иванова по ул. Миллионной, № 48 (*ныне пр. Ленина*); уже упоминавшаяся конфетная фабрика И.Г. Тихонова (*Обруб*)[31].

В отличие от названных предприятий конфетно-шоколадная фабрика Бронислава Бородзича имела заметные преимущества. Выстроенные в начале десятых годов XX в. производственные помещения были оснащены современным оборудованием, имелась паровая машина, которая приводила в действие многие станки и механизмы. Была отлажена собственная сеть сбыта кондитерской продукции, булочные, кондитерские, магазины. Многие рабочие имели хорошие профессиональные навыки и практический опыт работы на предприятии со времени его основания. Годовой оборот фабрики в это время составлял в среднем около 85 тыс. руб. На производстве было занято 40 рабочих. В последующие годы их число доходило до 70 человек. Более высокие показатели были, пожалуй, только на конфетной фабрике купца Тихонова (130 тыс. руб. годового оборота, 55 рабочих), старейшем кондитерском предприятии Томска[32]. На фабрике и в магазинах Бородзича работало довольно много поляков. Таким образом он мог поддержать соплеменников. Так, разносчиком тортов работал у Бородзича, по словам профессора В.А. Скубневского, его дед Игнатий Игнатьевич. Непроданные торты оставались разносчикам.

В целом предпринимательская деятельность Бронислава Вильгельмовича в Томске была достаточно успешной. За довольно короткий период он сумел пройти путь от ремесленника до владельца торгово-промышленных предприятий, учредителя торгового дома «Б.В. Бородзич и К». Поставленное на солидную основу коммерческое дело Бородзича требовало дальнейшего развития. С целью создания новых торговых площадей в июле 1915 г. был заключен договор между торговым домом «Б.В. Бородзич и К» и мещанской управой на аренду принадлежавшего управе верхнего помещения флигеля, расположенного на Магистратской улице между зданием самой мещанской управы и домом наследников купца Батурина.

По условиям договора управа должна была провести ремонт помещения за свой счет в срок до 1 октября 1915 г. Собственно, с этого времени и начиналось действие договора. Со своей стороны арендатор был обязан содержать помещение в порядке и чистоте, не открывать в нем пивных, трактиров и т.п. Аренда заключалась на пять лет с ежегодной платой согласно договору по 1200 руб. в год[33].

Являясь владельцем торгово-промышленных предприятий и учредителем торгового дома, Бронислав Бородзич активно занимался финансово-банковскими операциями, что было естественным делом для каждого предпринимателя, тем более в специфических условиях сибирской коммерции, при постоянной нехватке оборотных капиталов, так необходимых для развития промышленного производства.

Для Бородзича эта проблема была чрезвычайно насущной. Средства, вложенные в строительство новых производственных помещений и жилых домов на собственной земле в Татарском переулке, не могли быстро окупиться. Требовался заемный оборотный капитал. Наиболее доступным способом получения кредитов был залог недвижимого имущества в банк. Бородзич успешно использовал такую возможность каждый раз, когда нуждался в деньгах.

Подобная процедура, в общем-то, была обычной для того времени. Для нас она интересна тем, что, отложившись в архивных документах, дает материал, на основании которого можно судить о финансовой и материальной стороне предпринимательского дела Бородзича. Для залога имущества составлялась по просьбе соответствующего банка опись. Она составлялась, как правило, томским городским архитектором и присяжными оценщиками. Правильность ее составления удостоверялась городским головой. Очередная необходимость в дополнительных средствах у Бородзича возникла в начале 1914 г. Согласно оценочной описи, стоимость недвижимого имущества (каменный дом, шоколадно-кондитерская фабрика, каменное машинное отделение, деревянный флигель) была определена в 50 166 руб., а по приносимому чистому доходу – в 3537 руб. 64 коп., исчисленному по шестилетней сложности в 21 225 руб. 84 коп. Согласно постановлению городской думы 17 января 1884 г. за № 8, сумма стоимости материалов и подоходной оценки (71 391 руб. 84 коп.) разделена пополам, и к полученному числу 35 695 руб. 92 коп. прибавлена стоимость земли по 15 руб. за кв. саж. (за 1009,63 кв. саж. – 15 144 руб. 45 коп.). Таким образом, стоимость имущества для залога в банк определялась в 50 840 руб. 37 коп. Срок действия оценки был рассчитан на три года[34].

Данная оценочная опись интересна еще и тем, что она была составлена по просьбе Бронислава Бородзича в связи с его желанием перезаложить свое недвижимое имущество на новый срок. Видимо, в этот период времени ему были очень нужны оборотные средства. Конкретно, в своем так называемом «объявлении», Бородзич писал: «По выданной Общественным банком (*Общественный Сибирский банк Поповых в г. Томске*) ссуде под залог принадлежащего мне недвижимого имения, находящегося в г. Томске, в пятой части, по Татарскому переулку, под № 18, я состою должником банку 28 440 руб. Желая перезложить это имение на новый срок, прошу правление сделать надлежащие распоряжения к принятию вновь означенного имения в залог»[35].

С учетом свидетельства старшего нотариуса и оценочной описи, утвержденной Томской городской управой, правление Общественно-

го Сибирского банка посчитало возможным выдать Брониславу Бородзичу ссуду в размере 30 500 руб., при исправном платеже процентов и расходов на страхование строений сроком на 3 года. При этом удерживалась необходимая сумма денег, идущая на погашение прежней ссуды[36].

Следует отметить, что недвижимое имущество Бронислава Бородзича было застраховано в Санкт-Петербургском страховом обществе. В 1914 г. сумма страховой платы составляла 56 руб. 85 коп., сумма страховой премии – 6000 руб. В 1918 г. имущество Бородзича было перестраховано в обществе «Россия», соответственно, плата составила 93 руб. 37 коп., премия – 9000 руб.[37]

Кроме финансово-денежных затруднений у Бородзича, как у владельца предприятий пищевкусовой промышленности, случались неприятности с городскими санитарными службами. Так, в 1914 г. на него полицейско-санитарной комиссией был составлен протокол. Скупые строки «Врачебно-санитарной хроники г. Томска» не сообщали конкретной причины такого наказания. Однако в перечислении санкций за нарушение врачебно-санитарных предписаний составление протокола было последним серьезным предупреждением[38].

В конце 1916 г. Бронислав Бородзич начал оформлять документы на продажу своего недвижимого имущества, находившегося в Татарском переулке, торговому дому «Б.В. Бородзич и К». Другой стороной в этой сделке выступал распорядитель торгового дома Иосиф Быстрицкий[39]. Трудно однозначно сказать, что стояло за данным решением Бородзича: финансовые проблемы, усугубленные войной, или желание расширить производство. Также не известно, состоялась ли сама сделка по продаже недвижимого имущества Бронислава Бородзича.

Тем временем осложнились и дела на самой фабрике. Продолжавшаяся уже несколько лет война прервала многие торгово-промышленные, хозяйственные связи. Были потеряны поставщики сырья для кондитерского производства. Не поступали многие компоненты, так необходимые в производстве конфет. Износилось оборудование. Падало качество продукции, сокращались ее объемы. И, самое главное, не хватало сахара, основного составляющего продукта в кондитерском производстве. В городе назревали сахарные и хлебные бунты. В связи с последним обстоятельством 10 мая 1917 г. в Томской городской думе решался вопрос о закрытии конфетных фабрик и некоторых других предприятий. Через 10 дней там же рассматривались меры по охране «интересов рабочих конфетных фабрик, оставшихся без работы, ввиду закрытия указанных фабрик».

Таковой была дореволюционная история первой паровой конфетно-шоколадной фабрики в Сибири и Томске. Созданное варшавским мещанином Брониславом Бородзичем, кондитерское предприятие развивается и в новейшее время. Вся история этой фабрики является ярким примером предпринимательской инициативы, коммерческого успеха в условиях рыночной экономики.

Примечания:

1. ГАТО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 557. Л. 120.
2. ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 571. Л. 3–20.
3. ГАТО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 764. Л. 228–229, 261–262, 345–346.
4. ГАТО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 552. Л. 154; Д. 564. Л. 120–122.
5. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д.1325. Л. 4.
6. История названия томских улиц. Томск, 1998. С. 148.
7. ГАТО. Ф. 196. Оп. 4. Д. 34. Л. 55.
8. Там же. Л. 55–56.
9. Там же.
10. ГАТО. Ф. 129. Оп.1. Д. 562. Л. 107; Д.564. Л. 121–122.
11. Обзор Томской губернии за 1904 год. Томск, 1905. Ведомость № 2; Обзор Томской губернии за 1912 год. Томск, 1914. Ведомость о фабриках и заводах.
12. ГАТО. Ф. 323. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.
13. ГАТО. Ф. 3. Оп. 41. Д.752. Л. 1.
14. Там же. С. 6–7.
15. РГИА. Ф. 20. Оп. 3. Д. 2092. Л. 5.
16. История названий. С. 256.
17. ГАТО. Ф. 3. Оп. 41. Д. 1139. Л. 106.
18. Там же.
19. ГАТО. Ф. 3. Оп. 41. Д. 1148. Л. 86–87; Д. 1380. Л. 15–16.
20. ГАТО. Ф. 3. Оп. 41. Д. 1148. Л. 198.
21. Там же. Д. 1318. Л. 113.
22. Там же. Л. 114.
23. ГАТО. Ф. 233. Оп.1. Д. 226. Л. 187.
24. ГАТО. Ф. Р-199. Оп. 1. Д. 437. Л. 1–2.
25. ГАТО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 994. Л. 65–66.
26. ГАТО. Ф. 3. Оп. 42. Д. 2185. Л. 304. Ф. 233. Оп. 1. Д. 225. Л. 6–7.
27. Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1895. Т. XVI. С. 138.
28. Там же. С. 139–141.
29. ГАТО. Ф. Р-199. Оп. 1. Д. 437. Л. 4–5.

30. ГАТО. Ф. 196. Оп. 25. Д. 816. Л. 75.
31. Вся Россия. 1912. Стлб. 997.
32. Там же.
33. ГАТО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 132. Л. 6.
34. ГАТО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 226. Л. 187.
35. ГАТО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 923. Л. 80.
36. Там же.
37. ГАТО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 1139., Л. 34.
38. Врачебно-санитарная хроника г. Томска. 1914. №6. 7. С. 294.
39. ГАТО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 834. Л. 83.
40. ГАТО. Ф. 127. Оп.1. Д. 2968. Л. 214–215, 410.

3. ОБЩЕСТВЕННАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

ДЕМУЛЕН ИЗ ИРКУТСКА (Н.С. Щукин)

М.В. Шиловский

Восстанавливать фрагменты жизненного пути Николая Семеновича Щукина (1838–1870) чрезвычайно трудно. Еще при жизни его сопровождал шлейф легенд, анекдотов, домыслов. Причем их создателями и распространителями являлись друзья и единомышленники нашего героя.

Родился Николай Семенович в Иркутске в семье педагога, впоследствии директора местной гимназии, Семена Семеновича Щукина (около 1795–1868 гг.), известного краеведа, составителя одного из первых сибирских библиографических описаний. Не менее известен его дядя, Николай Семенович Щукин (1792–1883 гг.), писатель-краевед, автор книги очерков «Поездка в Якутию»(1845 г.), повестей «Посельщики»(1834 г.), «Ангарские пороги»(1835 г.).

Окончив Иркутскую гимназию, Щукин поступил в Главный педагогический институт в Петербурге, а после его закрытия продолжил обучение в столичном университете. Пребывание Щукина в Петербурге совпало с оживлением общественно-политической жизни, формированием революционно-демократического лагеря, к которому юный сибиряк сразу же примкнул. Он быстро устанавливает связи в литературных кругах, знакомится с Н.А. Добролюбовым, налаживает контакты с «Вольной русской типографией» А.И. Герцена в Лондоне, наконец, пытается организовать землячество сибиряков в Петербурге.

Колоритные зарисовки-характеристики Н.С. Щукина этого времени оставили г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев. «Это был живой, беспокойный темперамент, – вспоминал первый, – необыкновенно деятельный, всегда озабоченный хотя бы и маленьким делом. Его высокую фигуру, с выдвинутым надо лбом хохлом волос, можно было видеть бегущей по тротуару с тетрадкой в руке, листья которой шелестели в воздухе, конечно, он спешил сделать кому-нибудь одолжение, кого-нибудь снабдить книжками или достать их. . Это был неутомимый пропагандист . Это был юноша пылкий как Демулен, когда требовался подвиг, он долго не задумывался, еще не окончен рассказ, вызывающий сочувствие, как он уже схватил фуражку и бежит на помощь. Каждую минуту он был готов встать на баррикады. Несправедливость моментально превращала его в протестующего; беспрестанно он ввязывался в уличные сцены, спасал женщин от побоев пьяных мужей, читал нотации городовому, вторгался в участок и водворял там торжество правды»[1]. Как бы дополняя воспоминания Потанина, Н.М. Ядринцев замечал: «Вечно подвижный, неугомонный, впечатлительный, хватающий жадно на лету все новое, необыкновенное, и быстро усваивающий, он выражал тип любознательного и восприимчивого сибиряка. Усвоив что-либо, он делался фанатичным поклонником и апостолом новой идеи, часто не переварив ее вполне. Решительный лаконичный тон, умение обрезать противника, страстность и горячность, которую он вносил, производили впечатление человека убежденного и непреклонного»[2].

Именно с Н.С. Щукиным связано зарождение сибирского областничества как общественно-политического движения, его организационное оформление. Это высказывание вступает в противоречие с общепринятой точкой зрения, рассматривающей г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева как родоначальников областнической тенденции. Но выявленные факты позволяют настаивать на приоритете Николая Семеновича в этом вопросе. Кстати, и Потанин, и Ядринцев разделяли эту точку зрения. Так, Николай Михайлович прямо указывал на нашего героя как на «родоначальника» движения[3]. Григорий Николаевич признавался: «Я думал, что буду первым сибиряком в Петербурге, голова которого занята сибирскими общественными вопросами. Оказалось, что я ошибался. В Петербурге я встретил студента-сибиряка Щукина, который уже был заражен теми же идеями, как и моя»[4].

Примерно в 1858 г. по инициативе Н.С. Щукина в Петербурге возникает небольшое объединение сибирских студентов, которое раз в неделю собиралось у него на квартире. Кроме Николая Семеновича в

землячество вошел студент Сидоров, выходец из городовых казаков г. Кузнецка Томской губернии, учившийся вместе с ним в пединституте, а затем перешедший в университет. К ним присоединились М.И. Песков, Буланов, В.И. Перфильев, И.В. Федоров-Омулевский. Члены объединения решили посвятить себя служению Сибири[5]. В комплексе проблем, разработку которых они начали, Н.С. Щукину принадлежит приоритет в постановке вопросов об издании в Иркутске сибирского литературно-публицистического журнала и об открытии в регионе университета. Именно Щукин приобщил к землячеству г.Н. Потанина, много сделал для его ознакомления с общественно-политическим движением, ввел его в круг петербургских общественных деятелей. Николай Семенович уговорил Потанина написать разоблачительную статью о сибирских порядках в «Колокол» и при посредничестве Щукина материал был там опубликован.

Деятельность землячества на некоторое время прекратилась после отъезда Н.С. Щукина в Сибирь в 1859 г. и вновь возобновилась под руководством г. Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. Непонятны причины, заставившие Николая Семеновича подать прошение об увольнении со второго курса университета в октябре 1858 г. Маловероятно, что это произошло из-за его женитьбы и необходимости зарабатывать на содержание семьи, как пишет г.Н. Потанин[6]. Действительно, около 1858 /59 гг. наш герой женился на Любови Ефимовой, но вот первый ребенок – дочь Лидия –появился на свет не до женитьбы, а в 1860 г.[7]. Так или иначе, в октябре 1859 г. приказом министра народного просвещения Н.С. Щукин назначается учителем Ачинского уездного училища и отправляется в Сибирь.

По пути к месту службы Николай Семенович остановился и надолго «застрял» в Томске в надежде найти работу. Вплоть до осени 1860 г. он проживал здесь. «По счастливой случайности он очутился на квартире у вдовы Ядринцевой, матери публициста», – вспоминает г.Н. Потанин[8]. Молодые люди познакомились и стали друзьями.

Приезд Н.С. Щукина в Томск буквально взорвал культурную жизнь губернского центра. «...Для окружающей среды он был передовой человек-будильник. Являясь в сибирский сонный город, – отмечал Н.М. Ядринцев, – он сразу обегал всех, знакомился с гимназией, со всеми выдающимися личностями и подвергал все поголовной критике. Осмеивал ретроградов, кричал против взяточничества, говорил с жаром о «прогрессе» и увлекал юношество. Он проповедовал ему о новой жизни, внушал уважение к науке и литературе, рекрутировал и обязывал всех ехать в университет, поощрял проблески любознатель-

ности, открывал литературные призвания, устраивал дебаты ... и т.д. Ему обязана была в Томске масса гимназистов своим просвещением и воодушевлением к получению высшего образования ... В Томске он устраивал литературные вечера и объединял всех, кто интересовался литературой. Здесь встречались юноша и старик, приказчик и учитель»[9].

Благодаря Н.С. Щукину, Н.И. Наумов и Н.М. Ядринцев решили поехать в Петербург для продолжения образования, именно он (через переписку) познакомил их с г.Н. Потаниным, дал импульс к началу деятельности этих выдающихся литераторов второй половины XIX в. Таким образом, во многом благодаря Н.С. Щукину, произошло организационное оформление первой областнической организации – сибирского земляческого кружка в Петербурге, а также становление в качестве идеологов движения г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева.

Неизвестно, работал ли Н.С. Щукин в Ачинске, но с сентября 1861 г., согласно записям в его формулярном списке, он прикомандировывается к Иркутскому уездному училищу для исполнения обязанностей учителя арифметики. В июне 1864 г. он утверждается в должности учителя в этом учебном заведении с жалованием 350 рублей в год и присвоением чина губернского секретаря. Вслед за первой дочерью, в 1862 г., родилась София, в 1863 г. – Эмилия[10].

Иркутский период жизни Н.С. Щукина производит противоречивое впечатление. Если верить воспоминаниям г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева и С.С. Шашкова, то ничего выдающегося, кроме издания литературного сборника «Сибирские рассказы», он не осуществил, но зато под воздействием семейных тягот начал пить и сделался полупомешанным[11]. Но факты, непосредственно характеризующие его деятельность в Иркутске в первой половине 60-х гг., в частности, переписка с г.Н. Потаниным, Н.М. Ядринцевым и Ф.Н. Усовым, говорят о противоположном. Так, Григорий Николаевич в письме к нашему герою от 3 сентября 1861 г. заявляет: «Сказать Вам комплимент – я не знаю никого другого кто бы так смело и твердо исполнял свой долг в отношении к нашей родной трущобе, Сибири, как Вы, между тем, как и понимающих-то его нет». 30 июня 1864 г. он же обращается к Николаю Семеновичу: «Надо так или иначе приниматься за дело. Идея о сибирском университете и сибирском журнале требует, чтобы мы чаще сносились друг с другом, сообща нужно вести дело, дружно»[12]. Согласитесь, что такие заявления не будут делаться в адрес человека больного, начисто забывшего свои юношеские идеалы.

В Иркутске Щукин продолжил культурно-просветительную и пропагандистскую деятельность, интенсивно переписывался с областни-

ками. Его стараниями в 1862 г. здесь выходит первый в регионе литературный сборник «Сибирские рассказы», целиком посвященный местной проблематике, включая литературную обработку старинных преданий и легенд. Большинство авторов выступило под псевдонимами Синбад, Язон Аргонавтов, Аполлон Прикамский. Значительную часть издания занял рассказ И.В. Федорова-Омулевского «Сибирячка». В 1864 г. наш герой выступил с серией публичных лекций по истории Иркутска, доброжелательно встреченной общественностью[13].

Николай Семенович стал одним из основных фигурантов дела «сибирских сепаратистов» в 1865 г.[14] Дело в том, что при обыске у него изъяли прокламацию «Сибирским патриотам». Привезенный в Омск, Щукин начал давать противоречивые показания об ее авторах и путях приобретения. Сразу же после обыска 29 мая он объяснил, что «найденная у него прокламация «Сибирским патриотам» списана была воспитанником тамошнего военного училища Андреем Золотиным»[15]. В июне разъясняет относительно термина «списана»: оказывается, воззвание содержалось в переплетенной тетради, которую А.Е. Золотин принес и показал ему. Щукин был занят и не обратил внимание на то, что юнкер взял со стола бумагу и начал переписывать из тетради злосчастную прокламацию. Но в следующее воскресенье Золотин передал ему прокламацию с инициалами «С.С.Ш.». Действительно, на документе, изъятом у Щукина, такие инициалы имелись, но были частично обрезаны снизу, так как, по информации последнего, сделал это он сам из-за опасения в «неверности слов Золотина будто бы воззвание это написал Шашков»[16].

6 июля наш герой внезапно меняет показания и указывает на А.П. Щапова как на составителя прокламации, но 5 августа, во время очной ставки с последним, заявляет, что оговорил его. Через день, 7 августа, Щукин «сознался, что это воззвание сочинил он 25 февраля сего года на лоскутках, которые потом сжег. Золотин же действительно переписывал это воззвание по его диктовке». Что касается омского экземпляра (прокламация «Патриотам Сибири», была изъята в мае 1865 г. у воспитанников Омского кадетского корпуса), то, по свидетельству Щукина, сочинил его С.С. Шашков или г.Н. Потанин, и он знал о существовании этого экземпляра, заимствовав оттуда общие положения. 10 августа подследственный заявил о самооговоре и вернулся к первоначальной версии, согласно которой Золотин принес прокламацию к нему в переплетенной тетради и читали ее Н.В. Ушаров и П.А. Тарасенко. На очных ставках с А.Е. Золотиным и Н.В. Ушаровым 11, 12, 13 августа Щукин подтвердил и конкретизировал эти показа-

ния, сообщив, в частности, «что Золотин действительно говорил ему, что буквы «С.С Ш.», написанные в конце воззвания, означают имя автора – Серафима Серафимовича Шашкова»[17]. В письме Александру II в декабре 1865 г. и прошении на имя шефа жандармов в 1868 г. Щукин признался в хранении «безграмотной рукописи под заглавием «Сибирским патриотам», где высказана детская мысль об обращении сибирских пустынь в независимую от Империи республику» и в «недонесении на лицо, которое занесло ее ко мне в дом»[18].

Поведение Н.С. Щукина дало повод его товарищам сделать однозначный вывод о помешательстве иркутского учителя, пытавшегося оговорить своих друзей. Примерно так же объяснял случившееся в письме на имя Александра II и сам Николай Семенович: «В разлуке с женой, тремя младенцами детьми моими, родителями и домом их, я вскоре пришел в такое нравственное состояние, что не спал и не ел по семи и девяти суток и бился об стену, ища смерти. Медицинское пособие едва помогало мне, я усыпал только после приемов морфия. В этом ужасном виде я высказывал подозрения и сделал ни на чем не основанные показания на нескольких иркутских учителей»[19].

Казалось бы, мы имеем дело с классическим примером оговора и самооговора в условиях жесткого прессинга допросов и очных ставок. Тем не менее, г.Н. Потанин отметил интересную подробность: «Хотя в разговоре *(Н.С. Щукин – М.Ш.)* путался и говорил нелепости, но он послал из заключения статью в «Голос» о необходимости сибирского университета, и в ней не оказалось никаких погрешностей против логики»[20]. Опровергает вывод о помешательстве и факт написания Николаем Семеновичем во время пребывания под следствием, в промежутке между 1865–1867 гг., очерка «По Барабинской степи», найденного Н.П. Матхановой[21]. Внимательно изучая материалы следственного дела в архивах Москвы, Омска и Новосибирска, прежде всего относящиеся к Н.С. Щукину, я пришел к выводу о намеренном избрании им такой линии поведения. Следствию он так и не сообщил ни фамилии авторов, ни каким образом прокламация попала к нему. Отрицал он и наличие сепаратистских идей в своих взглядах и деятельности, о чем в «Краткой записке к следственному делу» сообщалось: "Щукин, несмотря на явные улики, что он подобно другим действовал во имя сепаратистских начал, сознания в этом преступлении не сделал, а старался доказать, что все его действия клонились к развитию образования в молодом поколении Сибири»[22]. С другой стороны, дабы как-то выйти из тупика, созданного им самим, Николай Семенович начал симулировать помешательство. Прием, в общем-то, удался, доп-

росы прекратились, но сам он оставался «под сильным подозрением» Н.С. Щукин и впоследствии расчетливо продолжил борьбу за собственное спасение.

Когда не удалось установить авторов прокламаций, против арестованных выдвинули обвинение в сепаратизме и подготовке отделения Сибири от России посредством вооруженного восстания. В принципе, в показаниях содержались необходимые признания по этому поводу, в частности, на очной ставке А.Е. Золотина и Н.В. Ушарова 16 августа 1865 г. первый уличал второго, «что он спорил с г. Щукиным об отделении Сибири от России. г. Ушаров был пьян и он говорил, что Сибирь можно отделить сейчас и явиться в Забайкальский край и сделать там бунт, посредством прочтения какого-нибудь указа, и Щукин говорил, что народ надо прежде учить, а потом приниматься за дело»[23]. Тем не менее, следственная комиссия 4 ноября 1865 г. в отношении нашего героя признала: «Сотник Потанин и мещанин Ядринцев сознались в том, что они действовали с целью распространить преступные замыслы относительно отделения Сибири от России и что в этом замысле был участник и Щукин. Но, несмотря на указание их о соучастии Щукина, несмотря на явные улики, заключающиеся в письмах Потанина и других лиц к Щукину, сей последний, по упорству, сознание не сделал»[24].

27 ноября 1865 г. следствие завершилось, и собранные материалы отправлены были в Петербург. Началось тоскливое прозябание заключенных. Н.С. Щукин же продолжил борьбу за собственное спасение. Во всеподданнейшем письме на высочайшее имя он объяснил случившееся сильным душевным волнением и просил: «Не карать меня по строгости законов наших, а наказать по чувству отеческой любви не лишением прав подданного, а удалением из той среды, из того края, где мне стыдно теперь глядеть в глаза людям, знавшим меня за другого человека»[25]. Ответа не последовало, и в начале 1866 г. Николай Семенович просит омские власти отправить его в Петербург, «так как он имеет сделать весьма необходимые дополнения и разъяснения в своих показаниях». Но по настоянию жандармского полковника В.П. Рыкачева, ведшего дело, в поездке было отказано, поскольку «настоящая просьба Щукина, есть ничто иное, как новая уловка, которая вовсе не послужит к разъяснению дела, а только вовлечет казну в излишние расходы»[26].

Два с половиной года пришлось ждать приговора. Наконец в 1868 г. вместе с другими подследственными Н.С. Щукина заочно приговаривают к лишению прав, состояния и бессрочной ссылке в Архангельс-

кую губернию. По пути (пешком по этапу от Нижнего Новгорода до Архангельска осужденные добирались четыре месяца) он тяжело заболел и, едва прибыв в отведенный для поселения город Мезень, умер в 1870 г., так и не увидев больше родной Сибири.

Примечания:

1. Потанин г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 110.

2. Ядринцев Н.М. Сибирские литературные воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4. С. 293.

3. Там же.

4. Потанин г.Н. Указ. соч. С. 90.

5. Шиловский М.В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х – 60-х годах XIX века. Новосибирск, 1989. С. 61.

6. Потанин г.Н. Указ. соч. С. 111.

7. ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 14. Л. 112–115.

8. Потанин г.Н. Указ. соч. С. 112.

9. Ядринцев Н.М. Указ. соч. С. 295–296.

10. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 14. Л. 112–115.

11. Потанин г.Н. Указ. соч. С. 112. Ядринцев Н.М. Указ. соч. С. 296. Шашков С.С. Курьезное дело // Сибирская жизнь. Новосибирск, 1993. № 3.

12. Письма г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т.1. С. 55, 66.

13. Там же. С. 74.

14. О нем см.: Шиловский М.В. Дело сибирских областников 1865 г. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1998. Вып. 6. С. 229–246.

15. ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18489. Л. 63.

16. Там же. Л. 525.

17. Там же. Л. 526, 527, 528, 529–531.

18. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 15. Л. 36. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1868. Д. 154. Л. 20.

19. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 15. Л. 36.

20. Потанин г.Н. Указ. соч. С. 217.

21. Матханова Н.П. Неопубликованный очерк Н.С. Щукина «По Барабинской степи» об условиях жизни и занятиях крестьян в середине XIX в. // Страницы истории Новосибирской области. Люди, события, культура. М., 1995. С. 32.

22. ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18485. Л. 6.

23. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 13. Л. 137.

24. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 14. Л. 76.

25. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 15. Л. 37.

26. ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18489. Л. 520.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ РОСТ, ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ И ПРОФИЛЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

И.С. Сковородина

Среднее профессиональное образование в Западной Сибири до конца XIX в. было развито слабо. Лишь продвижение Сибири по пути капитализма оказало заметное воздействие на потребность в народном образовании, в частности, на расширение сети средних учебных заведений. В их числе были и профессиональные учебные заведения, толчком для развития которых явилось проведение в конце XIX в. Транссибирской железнодорожной магистрали. Сибирская железная дорога ускорила развитие промышленности и торговли, что потребовало подготовки квалифицированных кадров. Если до середины 90-х гг. XIX в. в Западной Сибири было только 5 средних специальных заведений, то в 1910 г. их становится 10, а к 1914–1915 гг. – 18. Приведенные нами сведения существенно дополняют данные исследователя Н.Н. Кузьмина, который, ссылаясь на отчеты министерства торговли и промышленности за 1910 г., называет в Западной Сибири 4 средних профессиональных учебных заведения, в том числе: в Томской губ. – 3, в Акмолинской области – одно[1].

Среднее специальное образование в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. было представлено учительскими институтами, духовными и учительскими семинариями, коммерческими, техническими и сельскохозяйственными училищами и т.п.[2] Территориально эти учебные заведения размещалось следующим образом:

Томская губерния: г. Томск – духовная семинария (открыта в 1858 г.); женское епархиальное училище (1884 г.); коммерческое училище цесаревича Алексея (открыто в 1901 г.), в 1912 г. преобразованное в первый сибирский политехникум с землемерным, коммерческим и горным отделениями[3]; учительский институт (1902 г.); железнодорожное училище (1902 г.); акушерско-фельдшерская школа (1906 г.)[4]; г. Новониколаевск – учительская семинария (в 1911 г. переведена из с. Павловского Барнаульского у.); г. Барнаул – среднее механико-техническое училище (1915 г.).

Тобольская губерния: г. Тобольск – духовная семинария (открыта в 1704 г. как школа для духовенства, в 1748 г. преобразована в семинарию); епархиальное женское училище (основано в 1866 г. как девичья

школа при Иоанно-Введенском монастыре, в дальнейшем переросло в училище), г. Тюмень – частное коммерческое училище Колокольникова (1910 г.), г. Ялуторовск – женская учительская семинария (1912 г.).

Акмолинская область[5]: г. Омск – учительская семинария (1872 г.)[6]; коммерческое училище (1905 г.), сельскохозяйственное училище (1912 г.), епархиальное женское училище, землемерное училище (1911 г.), учительский институт (1912 г.).

Таким образом, в Западной Сибири в начале XX в., только по нашим данным, насчитывалось 18 средних профессиональных учебных заведений, что говорит о влиянии развития капитализма на количественный рост средней профессиональной школы. Сказались и такие факторы развития капитализма, как образование культурно-промышленных центров, порожденное проведением транссибирской магистрали, и сельскохозяйственное освоение территории Западной Сибири, связанное с крестьянскими переселениями из европейской части России. Следует обратить внимание и на месторасположение средних специальных учреждений, которые распределялись по губерниям следующим образом: в Томской губ. – 8, в Тобольской – 4, в Акмолинской – 6. Среднее профессиональное образование было, в основном, сосредоточено в губернских центрах: в Томске – 6, в Тобольске – 2, в Омске – 6 учебных заведений; на уездные города приходилось 4 учебных заведений. Как видим, самое большое количество заведений средней профессиональной школы приходилось на Омск и Томск, что связано с заметным ростом торгово-промышленного и культурного значения этих городов в жизни западносибирского региона.

По профилю 18 средних учебных заведений в Западной Сибири в 1916 г. распределялись следующим образом: промышленно-торговые – 4; педагогические – 8; медицинское – 1; духовные – 2; транспортное – 1; сельскохозяйственные – 2.

Как видим, в количественном отношении выделялись учебные заведения педагогического (8) и торгово-промышленного(4) профилей. Это было обусловлено потребностями западносибирского региона в квалифицированных кадрах в области народного образования и в торгово-промышленной деятельности. Медицинских и сельскохозяйственных средних учебных заведений было явно недостаточно – 1 и 2 соответственно на весь регион. Священников готовили Тобольская и Томская духовные семинарии. Подготовка кадров для железной дороги осуществлялась в Томском железнодорожном училище.

Средние специальные учебные заведения педагогического профиля были представлены в Западной Сибири учительской семинарией, женс-

ким епархиальным училищем и учительским институтом в Омске, учительским институтом и женским епархиальным училищем в Томске, Новониколаевской учительской семинарией, Ялуторовской женской учительской семинарией, Тобольским женским епархиальным училищем. Они готовили учителей для преподавания в начальной школе, при этом учительские институты готовили учителей для «повышенной народной школы» (уездные и городские училища). В 1915 г. в Томском учительском институте обучалось 79 человек, а в Омском – 52. Содержание их, при небольших субсидиях из городских управ, в основном лежало на государственном казначействе[7]. В Омской учительской семинарии курс обучения был рассчитан на 3 года, принимались молодые люди в возрасте с 15 до 18 лет. Имелся подготовительный класс, который готовил желающих к поступлению в семинарию. Обучение было бесплатное. Поступающие в первый класс семинарии сдавали экзамены: письменно – по русскому языку (диктант и сочинение) и по арифметике; устно – по закону Божьему, русскому языку, арифметике, геометрии, истории, географии, естествоведению, физике, рисованию и черчению, чистописанию, пению. Гораздо меньше предметов надо было сдать для поступления в Омское епархиальное училище, которое находилось в ведении Духовного ведомства. Для поступления в 1 класс училища требовалось обладать знаниями в объеме одноклассной церковно-приходской школы и сдать экзамены по закону Божьему, церковнославянскому языку, русскому языку (устно и «письменные пересказы»), арифметике, церковному пению[8], чистописанию. Обучение в женском епархиальном училище было платное, что существенно затрудняло поступление детей из малообеспеченных семей[9].

Педагогическое образование, помимо специальных средних учебных заведений, давали и некоторые общеобразовательные школы. Например, по окончании 7 классов Тобольской Мариинской женской гимназии (до 1913 г. именовалась Мариинской женской школой), выпускницы получали специальность учительницы начальной школы, а по окончании дополнительного педагогического 8-го класса – домашней учительницы[10].

Специалистов торгово-промышленной сферы готовили коммерческие училища в Томске и Омске, которые, наряду с общим, давали и коммерческое образование – преподавались такие специальные предметы, как товароведение, коммерческая арифметика, бухгалтерское дело, коммерческая география, законоведение, преимущественно промышленное и торговое, и др. Полный курс обучения в Омском коммерческом училище был 8 лет. К поступлению в училище готовил под-

готовительный класс. Обучение было платное. Классы формировались численностью не свыше 40 человек. В первый класс училища принимались дети 10–12 лет, от которых требовались знания закона Божьего, русского языка, немецкого языка и арифметики. Преимуществом при поступлении пользовались дети лиц торговых профессий, жителей г. Омска, Семипалатинской и Акмолинской областей[11].

По инициативе томского купечества, поддержанной Министерством финансов, 16 сентября 1901 г. было открыто Первое Сибирское коммерческое училище цесаревича Алексея в Томске. В 1905 г. при училище были открыты подготовительный и торговые классы. Осенью 1911 г. межведомственное совещание в Петербурге утвердило проект преобразования училища в средний политехникум, а в феврале 1912 г. Совет министров одобрил этот проект и внес на рассмотрение в Государственную думу. Суть преобразования заключалась в том, что добавлялись еще горное и землемерное отделения с двухгодичным курсом обучения. Окончившие горное или землемерное отделение получали соответственно звание горного техника или землемера-таксатора[12].

Коммерческое образование давало и частное коммерческое училище в Тюмени, основанное известными представителями местного купечества Колокольниковыми на их пожертвования и утвержденное Министерством торговли и промышленности в 1910 г. К торгово-промышленному профилю можно отнести и среднее механико-техническое училище в Барнауле, открытое в 1915 г., с четырехлетним сроком обучения и ремесленной школой при нем[13].

Сельскохозяйственное освоение региона было заметно ускорено переселенческим движением в Западную Сибирь и Степной край в начале XX в. Поэтому открытие учебных заведений сельскохозяйственного профиля: в 1911 г. землемерного, а в 1912 г. – сельскохозяйственного училищ в Омске и землемерного отделения в политехникуме в Томске – было вполне закономерно. Омское землемерное училище и отделение политехникума в Томске ставили целью подготовку техников для производства межевых и землемерных работ и связанных с ними таксационных исследований. Сельскохозяйственное училище в Омске имело в своем составе два отделения: сельскохозяйственное и культурно-техническое. Выпускники сельскохозяйственного отделения получали звание агронома, а культурно-технического – звание агронома-техника. В оба училища принимались выходцы из всех сословий в возрасте не моложе 14–15 лет. Срок обучения в землемерном училище составлял 4 года, в сельскохозяйственном – 6 лет на сельскохозяйственном отделении и 4 года – на культурно-техническом, на земле-

мерном отделении политехникума – 2 года. Для поступающих в землемерное и на культурно-техническое отделение сельскохозяйственного училища требовались знания в объеме программы городских училищ, а на сельскохозяйственное отделение сельскохозяйственного училища – в объеме курса двухклассных сельских училищ. На землемерное отделение политехникума могли приниматься лица, закончившие 6 классов коммерческого училища или других средних учебных заведений. Обучение в Омских землемерном и сельскохозяйственном училищах было платное, но существовали некоторые льготы. В землемерном училище лица, освобожденные от платы за обучение, получали стипендию от казны в размере 15 руб. в месяц. Число стипендий было ограничено. В сельскохозяйственном училище бесплатно содержалось 80 учеников. Из них 12 вакансий замещались по постановлению омской городской думы, 10 – лицами казачьего сословия Сибирского казачьего войска, в порядке, определяемом войсковым Наказным атаманом, по 20 вакансий – по назначению Акмолинского и Семипалатинского губернаторов, а 18 – по назначению Томского губернатора. Лица, окончившие курс землемерного училища и землемерного отделения политехникума, могли продолжить свое образование в высшем учебном заведении – межевом институте в Москве[14].

С проведением Сибирской железной дороги потребность в квалифицированных железнодорожных кадрах вызвала, в частности, открытие в 1902 г. в Томске железнодорожного училища. Это было небольшое среднее учебное заведение. Так, например, в 1912 г. в нем числилось 67 учащихся, а за 10 лет оно выпустило 90 специалистов[15]. Содержалось оно за счет Сибирской железной дороги и на казенный счет.

Средние учебные заведения медицинского профиля в Западной Сибири представлены лишь акушерско-фельдшерской школой в Томске.

Среднее специальное духовное учебное заведение для подготовки служителей религиозного культа (священников) -духовная семинария – имелось в Тобольске. В 1897 г. в семинарии обучался 191 учащийся, а к 1911 г. – уже 285[16]. Наряду с Тобольском, духовная семинария существовала и в Томске. В ней в 1897 г. обучалось 246 человек, а к 1911 г. численность учащихся уменьшилась до 160[17].

Таким образом, в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. наблюдался заметный количественный рост средних специальных учебных заведений. В основном это были вновь открытые учебные заведения, но, в некоторых случаях, преобразованные из низшего звена профессиональной школы. Большое влияние на формирование средней профессиональной школы оказало развитие капитализма в Сиби-

ри, ускоренное проведением транссибирской железнодорожной магистрали, широким переселенческим движением в Западную Сибирь и Степной край. Характерной чертой месторасположения средних специальных учебных заведений являлась их сосредоточенность в губернских центрах – Томске, Тобольске, а особенно в Омске, который в это время приобретал все большее культурное и торгово-промышленное значение. По профилю наибольшее количество средних специальных учебных заведений представлено педагогическими и торгово-промышленными учебными заведениями, но существовали сельскохозяйственные, медицинские, транспортные и духовные. И, тем не менее, средних специальных учебных заведений в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. было явно не достаточно, чтобы удовлетворить местные потребности в квалифицированных кадрах, но свой вклад в подготовку специалистов для региона они, несомненно, внесли.

Примечания:

1. Н.Н. Кузьмин не учитывает педагогические учебные заведения. К тому же, коммерческие училища он не относит к профессиональным учебным заведениям (См.: Кузьмин Н.Н. Низшее и среднее специальное образование в Сибири до Великой Октябрьской социалистической революции // Школа и педагогическая мысль Сибири. Научные труды. Новосибирск, 1974. С. 153–154.

2. Кроме этих учебных заведений в Омске существовал Сибирский кадетский корпус, который относился к Военному ведомству и в данной статье не учитывается.

3. В книге «Родной край» открытие политехникума отнесено к 1911 г. (см.: Родной край. Очерки природы, истории, хозяйства и культуры Томской области. Томск, 1974. С. 305.).

4. Исследователь Н.С. Юрцовский не относит железнодорожное училище и акушерско-фельдшерскую школу к средним специальным учебным заведениям (см.: Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923. С. 226). Тем не менее, в другой исторической книге эти учебные заведения относятся к разряду средних специальных. См., например: Родной край. С. 305.

5. Рассматривается только г. Омск, который территориально относился к Западной Сибири.

6. Исследователи Н.М. Пугачева и Н.С. Юрцовский относят учительские семинарии к низшему специальному образованию (См.: Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева М.Н. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 273; Юрцовский Н.С. Указ. соч. С. 108-109). В этой связи следует указать, что в исследовательской и справочной литературе учительские семинарии принято относить к средним специальным учебным заведениям (См. например: Большая советская энциклопедия.).

7 Юрцовский Н С Указ соч С 108

8 При сдаче экзамена по церковному пению «оказывалось снисхождение», т к в большинстве школ программа по этому предмету выполнялась не в полном объеме (см Весь Омск Справочник-указатель на 1913 год Омск, Б г С 27)

9 Весь Омск С 34-37

10 Меньшиков В Н Учреждения образования и культуры Тобольской губернии накануне и в период первой мировой войны // Образование и культура Тюменского края в XVIII – XX вв Материалы VII Тюменской областной научно-практической конференции, посвященной памяти П П Чукомина Тобольск, 1988 С 44

11 Весь Омск С 28-31, Толочко А П. Среднее специальное образование в Омске в конце XIX — начале XX вв // Музей и общество на пороге XXI века Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 120-летию Омского государственного историко-краеведческого музея Омск, 1998 С 102–103

12 Саврасова Т В Средние учебные заведения в Томске // Образование в Сибири 1995 № 1 С 122–123

13 Очерки истории Алтайского края Барнаул, 1987 С 130

14 См Весь Омск С 27–28, Саврасова Т В Указ соч С 122–123, Толочко А П Указ соч С 103

15 Родной край С 305

16 Азиатская Россия Спб , 1912 Т 2 С 263

17 Там же

4. ИСТОРИОГРАФИЯ И БИБЛИОГРАФИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ СИБИРИ в ТОМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ в конце 1980-х – 1990-е гг.

В.П. Зиновьев

Изучение истории Сибири традиционно является основной темой для историков Томского университета. Научные исследования ведутся в рамках школ, созданных на историческом факультете еще в 40-50-е гг. З.Я. Бояршиновой (Сибирь периода феодализма), А.П. Бородавкиным (Сибирь XIX в.), И.М. Разгоном (Сибирь начала XX в.), В.С. Флеровым и М.С. Кузнецовым (политическая история Сибири XX в., ис-

тория культуры и образования). Именно эти научные школы университета приняли деятельное участие в подготовке обобщающих трудов по истории Сибири в 60-х – первой половине 80-х гг., проведенной Институтом истории СО АН СССР[1]

Различными аспектами истории региона занимались в последнее десятилетие кафедры отечественной истории дооктябрьского периода (заведующие профессор А.А. Говорков и доцент А.Н. Котляров), современной отечественной истории (заведующие – профессора М.Е. Плотникова и С.Ф. Фоминых), археологии и исторического краеведения (заведующий – профессор А.Т. Топчий), истории России (заведующий – профессор Ю.В. Куперт). Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории археологии и этнографии Сибири (заведующий – старший научный сотрудник Э.И. Черняк).

Крестьянство Сибири периода феодализма осталось одним из главных предметов внимания ученых кафедры отечественной истории дооктябрьского периода, хотя кафедра преимущественно переключилась на общероссийскую историографию. А.Н. Жеравина выпустила монографию по истории приписного крестьянства Сибири и успешно защитила в 1988 г. по этой тематике докторскую диссертацию[2]. Сейчас под ее руководством ведутся исследования в области социальной психологии русского средневековья и истории православной церкви[3].

Аграрной историей Сибири XIX в. продолжает заниматься в университете профессор А.Т. Топчий, научные интересы которого делятся между прежней увлеченностью проблемами аграрных реформ в Сибири и изучением истории казачества[4]. Статистико-математическим анализом крестьянских переписей 1916 и 1917 гг. занимается ученик академика И.Д. Ковальченко и профессора Н.В. Блинова, доцент кафедры отечественной истории дооктябрьского периода П.Ф. Никулин. Он определяет уровень развития сибирской деревни начала XX в. как мелкобуржуазный даже для наиболее крупных хозяйств, которые еще не стали капиталистическими[5]. Старший научный сотрудник Проблемной лаборатории В.А. Буланова изучает рынки труда и сбыта аграрной сферы Сибири XIX – начала XX вв.[6] В целом же следует отметить, что аграрная история в Томском университете переживает определенный кризис, связанный с отъездом ведущих специалистов (А.П. Бородавкина, Н.Ф. Емельянова), с переходом на историографическую тематику профессора Л.Г. Сухотиной, с кончиной профессора З.Я. Бояршиновой.

Напротив, в настоящее время на подъеме исследования в области истории индустриальной сферы дореволюционной Сибири. Подготовлен ряд публикаций по истории предпринимательства в Сибири. Сотрудники лаборатории В.П. Зиновьев, Н.М. Дмитриенко, Б.К. Андрющенко,

доцент кафедры истории России О.Н. Разумов, доцент кафедры отечественной истории Томского педагогического университета В.П. Бойко приняли участие в работе над «Краткой энциклопедией по истории купечества и коммерции Сибири» в 4-х томах и 10 книгах (Новосибирск, 1992–1999 гг.), инициатором и главным редактором которой стал доктор исторических наук Д.Я. Резун (Институт истории СО РАН). Этим проектом институт поддержал свою координирующую роль в проведении исторических исследований в регионе. Докторант В.П. Зиновьева – В.П. Бойко опубликовал монографию по истории купечества Томска[7], О.Н. Разумов – брошюру по истории страхового дела в Томске[8]. Перечисленные историки опубликовали также ряд статей о сибирских предпринимателях в научных сборниках и научно-популярных изданиях[9].

Одной из основных тем Проблемной лаборатории является история хозяйственного освоения Сибири в XVIII – первой трети XX вв. Интересы В.П. Зиновьева направлены на изучение добывающей промышленности и промыслов[10], В.Н. Большакова – на историю водного транспорта[11], П.С. Коновалова – на историю железнодорожного транспорта[12], Б.К. Андрющенко – на историю торговли[13], Н.М. Дмитриенко – на историю городов Сибири [14].

Проблемной лабораторией издан ряд сборников, в которых опубликованы статьи по истории аграрного, промышленного, транспортного освоения Сибири, о рабочих кадрах в различных отраслях народного хозяйства, о состоянии рынка труда, о торговле и предпринимательстве[15]. В сборниках принимали участие преподаватели и научные сотрудники ведущих вузов региона и Москвы. Один из сборников посвящен памяти профессора Г.Х. Рабиновича, с именем которого связано начало исследований истории сибирского предпринимательства в Томском университете. Там же помещена последняя, более чем современная, статья профессора о российской финансовой олигархии[16].

Другим важным направлением является изучение общественного движения в Сибири. Ученые ТГУ имеют в этом плане богатые традиции и существенные достижения. Группа сотрудников университета школы профессора Н.В. Блинова, работавшая над подготовкой первого тома истории рабочего класса Сибири, накопила большое количество фактического материала о рабочем и революционном движении в регионе с XVII до начала XX в., лишь незначительная часть которого вошла в текст книги[17]. Этот материал требовал дополнения и осмысления, тем более что под руководством Института истории АН СССР была начата работа над общероссийской хроникой рабочего и социал-демократического движения, которая продолжается до сих пор. Историки лаборатории приняли самое активное участие в осуществлении

этого грандиозного проекта. Они участвовали в разработке методики составления хроники и статистики рабочего движения[18].

С 1980 г. по 1991 г. велась планомерная работа по поиску и обработке информации о рабочем и социалистическом (РСДРП и ПСР) движении в Сибири в 27 архивах и библиотеках страны. В итоге была опубликована трехтомная монография о рабочем движении в Сибири с XVII в. по февраль 1917 г.[19] Это единственное в своем роде издание в отечественной историографии, объединившее усилия двух десятков специалистов. В подготовке монографии участвовали Б.К. Андрющенко, В.Н. Большаков, В.А. Бузанова, Н.М. Дмитриенко, В.П. - Зиновьев, П.С. Коновалов, П.Ф. Никулин (Томский гос. университет), А.Л. Афанасьев, В.И. Зиновьева (Томский университет автоматических систем управления и радиоэлектроники), Н.В. Блинов (Институт национальных проблем образования, г. Москва), Л.М. Горюшкин (Институт истории СО РАН), Л.И. Давыденко (Сибирский металлургический институт, г. Новокузнецк), Д.М. Зольников (Новосибирский гос. университет), П.З. Курусканов, А.Е. Плотников, А.П. Толочко, Э.Ш. Хазиахметов (Омский гос. университет), В.А. Скубневский (Алтайский гос. университет, г. Барнаул), В.М. Самосудов (Омский гос. пед. университет). В настоящее время материалы сибирской хроники используются при составлении и публикации общероссийской хроники рабочего и социал-демократического движения, в консультировании которой принимает участие В.П. Зиновьев[20]. На основе первого тома сибирской хроники защищена его докторская диссертация[21].

Однако завершение работы над хроникой рабочего движения продемонстрировало, что знание части общественного движения мало что дает для его понимания в целом, особенно для периода конца XIX – начала XX в. В связи с этим началась работа по подготовке хроники общественного движения в Сибири 1895 – февраля 1917 гг. Проект получил поддержку РГНФ. В хронику включены все формы общественного движения: от политических партий до благотворительных обществ, от актов террора до массовых демонстраций, митингов и вооруженных восстаний, все цвета политического спектра: от государственно-монархического до анархического. Реально пришлось ограничиться городами Сибири. Выпущены два сборника материалов и хроника общественного движения в Омске[22]. В подготовке материалов для сборников приняли участие сотрудники вузов Томска, Новосибирска, Омска, Кемерово, работники архивов. В связи с отсутствием средств работа пока законсервирована, поскольку, избавив историков от идеологических шор и пут, государство фактически перестало

их финансировать. Подготовка общесибирских фундаментальных исследований без работы в архивах других городов невозможна.

Помимо лаборатории, главной задачей которой является выявление и публикация новых документов по истории Сибири, общественное движение изучается на кафедре истории России. Ряд статей и монографию о либеральном движении в Сибири опубликовала О.А. Харусь, защитившая докторскую диссертацию, социал-демократам Сибири посвятила кандидатскую диссертацию Н.В. Пашкова[23].

Итоги исследований по дооктябрьской истории Сибири в 80-е гг. нашли отражение в первом учебном пособии по истории Сибири, изданном в ТГУ под редакцией З.Я. Бояршиновой[24]. К сожалению, эта книга стала последней в ее долгом творческом пути.

Самым активным образом в Томском университете изучается история революции 1917 г. и гражданской войны в России. Традиции школы И.М. Разгона в университете поддерживает кафедра современной отечественной истории и сектор социальных революций Проблемной лаборатории, которым руководит Э.И. Черняк. К чести историков кафедры и лаборатории, их не охватил конъюнктурный бум перекрашивания и самобичевания. Естественной реакцией историков ТГУ на открытие архивов и спецхранов стало изучение и публикация новых материалов, их свободная от идеологического диктата интерпретация.

Событием в отечественной историографии революций и гражданской войны стала серия из 12 книг материалов съездов, конференций, совещаний социально-классовых, политических, национальных и конфессиональных организаций в губерниях, уездах и городах Сибири в марте 1917 – ноябре 1918 гг. под редакцией Э.И. Черняка[25].

Отличительная черта этих хроникально-документальных публикаций от предыдущих в том, что в них отсутствует тенденциозность при подборе материалов. Зато присутствует единая методика при разнообразии источников. Авторы использовали материалы 47 архивов, десятков периодических изданий, попутно издав 3 справочника по сибирским периодическим изданиям со второй половины XIX в. по 1919 гг.[26]

На данное время это наиболее полная публикация материалов о форумах общественных сил Сибири в 1917–1918 гг. В серии представлены сведения о 1143 событиях с комментариями, именными и географическими указателями. Съезды, совещания, конференции общественно-политических объединений наиболее точно отражают состояние сибирского общества в период революций и начала гражданской войны.

Источниковедческому направлению на кафедре современной отечественной истории положила начало публикация С.Ф. Фоминых моно-

графии, в которой он дал анализ американской дипломатической переписки как источника по истории интервенции и гражданской войны в Сибири. На основе этой диссертации С.Ф. Фоминых успешно защитил докторскую диссертацию[27]. Последовавшие затем публикации монографий, сборников документов, защиты докторских и кандидатских диссертаций, были посвящены характеристике различных исторических материалов по истории гражданской войны – документов делопроизводства правительственных учреждений, партийных организаций, периодической печати, мемуаров и их использования в историографии[28].

Историко-фактический аспект исследований по истории революций и гражданской войны реализовался в монографиях Н.С. Ларькова, Э.И. Черняка, в сборниках статей и материалов, в кандидатской диссертации В.А. Шуддакова[29]. Н.С. Ларьков в своей монографии и докторской диссертации раскрывает механизм ликвидации старой армии и создания на ее основе двух противоборствующих воинских сил, в поисках объяснения событий автор обращается к их социально-психологической и нравственной подоплеке[30]. Э.И. Черняк изучает причины краха в Сибири мелкобуржуазного революционаризма на примере ПСР[31].

Историографические традиции кафедры продолжили кандидатские диссертации Н.В. Кладовой и Л.Г. Гариповой[32].

Исследования по политической истории советского времени сосредоточились преимущественно на кафедре истории России (бывшие кафедры истории КПСС, затем – кафедра политической истории). Ими занимались профессора Ю.В. Куперт, В.П. Андреев и их ученики, а также аспиранты кафедры современной отечественной истории. Исследования эти касались изучения роли общественных и партийных организаций, органов советской власти в жизни Сибири в 20–90-е гг. XX в., в том числе анализа выборов в демократические органы власти, политики государства в отношении церкви[33].

Хотя конъюнктурный дух в целом не коснулся Томского университета, это не означает, что изменения в политическом климате страны прошли для него незамеченными. Стремление теоретически осмыслить происходящие перемены, использовать новые возможности для исследования и преподавания истории обсуждались на серии конференций, прошедших в ТГУ в конце 80–90-х гг. Они собирали ученых и преподавателей не только из Сибири, но и из вузов Европейской России[34]. В полной мере на этих конференциях был задействован потенциал факультетской школы методологии истории во главе с профессором Б.Г. Могильницким.

Традиционными для Томского университета являются труды в области истории культуры и образования в Сибири[35]. Исследования в последнее время вышли за рамки изучения культуры и стали более соответствовать специальности «история науки и техники». Этому способствовали юбилеи университета (120 лет со дня основания), юбилеи факультетов[36]. Заметным явлением в историографии науки стала публикация двух из четырех задуманных томов биографического словаря-справочника «Профессора Томского университета»[37]. Работу над ним ведет перспективная группа молодых преподавателей, аспирантов и студентов лаборатории «Сибирь: исторические традиции и современность» при кафедре современной отечественной истории под руководством профессора С.Ф. Фоминых.

К новым направлениям историографии Сибири, получившим развитие в Томском университете в последнее десятилетие, относится также этническая история. Исследования в этой области ведутся на кафедре истории России и кафедре современной отечественной истории. Результаты отражены в монографиях, сборниках документов, учебных пособиях, статьях[38]. Л.И. Шерстова, защитила, а Н.И. Наумова, И.В. Нам готовят по этой тематике докторские диссертации.

Новой темой для историков университета стал анализ репрессивной системы сталинского периода. Историки университета активно участвуют и руководят областным обществом «Мемориал», издают совместно с Государственным архивом Томской области сборники документов и материалов под редакцией доцента кафедры археологии и краеведения Б.П. Тренина[39]. Истории сталинских репрессий посвятили кандидатские диссертации аспиранты кафедры истории России и кафедры современной отечественной истории[40]. Большой общественный резонанс вызвала публикация списков репрессированных в Томской области в серии книг под общим названием «Боль людская» и сборника документов «Репрессии. Как это было...», составленных сотрудниками УФСБ по Томской области, выпускниками исторического факультета В.Н. Уймановым и Ю.А. Пструхиным[41].

В последнее десятилетие существенной стала доля краеведения в трудах историков университета. Это связано и с открытием кафедры археологии и исторического краеведения, и с ростом интереса томичей к прошлому своего края, своих сел и городов, предприятий. Способствует интересу к краеведению и скудость федерального финансирования фундаментальной науки. Историки-профессионалы, лишенные возможности разрабатывать общесибирские темы, занялись местными проблемами истории. Наиболее готовыми к повороту к ло-

кальным исследованиям оказались историки кафедры современной отечественной истории и сотрудники Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири

Лидером нового направления исследования локальной истории стала докторант кафедры археологии и исторического краеведения Н.М. Дмитриенко. Она стала инициатором и организатором издания книг по истории области[42], являлась редактором краеведческого приложения к газете «Томский вестник» под названием «Елань», редактирует историческую часть журнала «Сибирская старина», который издают томские краеведы. Она же автор нескольких брошюр по истории районов и десятков статей о выдающихся томичах[43]

Проблемная лаборатория издаст и готовит книги по истории предприятий и организаций Западной Сибири[44]. В настоящее время готовятся книги по истории городов Томска и Северска, начата работа над энциклопедией Томска и Томской области. Свой вклад в изучение истории Томска внесли филологи, издав книгу «История названий Томских улиц»[45].

Новым направлением сибиреведения в университете стало изучение международных связей Сибири, в том числе на региональном уровне. Проведены первые международные конференции, изданы первые сборники статей и материалов кафедрой новой и новейшей истории и международных отношений (заведующий профессор М.Я. Пелипась) и кафедрой теории международных отношений и организации внешнеполитической деятельности (заведующий доцент А.Г. Тимошенко)[46].

Таким образом, все кафедры исторического факультета университета в той или иной степени участвуют в изучении истории Сибири. Историки университета в наше непростое время не только сохранили все прежние направления исследований региона, но и открыли новые. Однако это не значит, что все обстоит благополучно. Результаты исследований, сопоставимые с прежними, достигнуты за счет мощного интеллектуального потенциала факультета, информаций накопленной ранее, прочных связей с другими научно-образовательными центрами страны. Этот запас прочности не беспределен. Уже резко сократились возможности получать информацию из архивов региона и центра, научные контакты, возможности подготовки молодых специалистов по истории. Гранты, получаемые от отечественных и зарубежных фондов, нацелены на использование имеющегося потенциала, они не способствуют воспитанию нового поколения историков вследствие своей краткосрочности и ничтожности сумм. Аспирантура осталась единственной тропинкой повышения квалификации. «Чистая наука» в час-

тности в Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири фактически вымирает без достаточного бюджетного финансирования. Идет и старение кадров факультета.

Сибиреведение в Томском университете переживает не лучшие времена, как и наука в стране в целом, но пока еще сохранены традиции, научный потенциал, что позволяет надеяться на то, что сибирских наблюдателей истории минует и эта эпоха перемен.

Примечания:

1. См.: Кузнецов М.С. Научно-исследовательская работа кафедры истории КПСС // Развитие общественных и гуманитарных наук в Томском университете. Томск, 1980. С. 8–20; Могильницкий Б.Г. Изучение истории в Томском университете // Там же. С. 52–88; Дремов В.А., Зиновьев В.П., Тимошенко А.Г. Проблемная лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири при Томском университете (итоги и перспективы исследований) // История СССР. 1883. № 4. С. 213–215; Зиновьев В.П. Исследование истории Сибири в Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири // Из истории Сибири. К 30-летию лаборатории. Томск, 1998. С. 73–80.

2. Жеравина А.Н. Очерки по истории приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири. Томск, 1985. 199 с.; Жеравина А.Н. Приписные крестьяне Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов в 1747–1861 гг. (К проблеме частнофеодального землевладения на кабинетских землях в Сибири): Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Томск, 1988. 36 с.

3. Дутчак Е.Е. Старообрядческое согласие странников (вторая половина XIX–XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1994. 17 с.; Назаренко Т.Ю. Опричники. Опыт историко-психологического исследования: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1995. 20 с.; Мауль В.Я. Социальная психология участников народных движений в России XVII–XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1996. 20 с.; Сазонова Н.И. Раскол русской православной церкви в XVII в. и исправление богослужебных книг при патриархе Никоне (на материалах «Часослова»): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. 21 с.

4. Отмена крепостного права в России. Указатель литературы (1856–1989 гг.) / Сост. А.Г. Захарова, Л.Р. Горланов, А.Т. Топчий. Томск, 1993. 166 с.; Урало-Сибирское казачество в панораме веков: Тезисы докладов научной конференции 18–21 мая 1992 г. / Ред. А.Т. Топчий. Томск, 1994. 206 с.

5. Никулин П.Ф. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 года как источник для изучения крестьянского хозяйства Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 19 с.; Никулин П.Ф. Место наемного труда в системе крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX века // Вопросы экономической истории России XVIII–XX вв. Томск, 1996. С. 136–153 и др.

6. Бузанова В.А. Наемный труд в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1991. 18 с.; Бузанова В.А. К вопросу о статистике хлебной торговли // Хозяйственное освоение Сибири: история, историография, источники. Томск, 1991. С. 229–237 и др.

7. Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII – XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996. 320 с.

8. Разумов О.Н. Страхование в старом Томске. Томск, 1996. 48 с.

9. Бойко В.П. Характерные черты деятельности томских купцов П.Ф. Шумилова и М.А. Мыльникова в конце XVIII – начале XIX вв. // Предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1994. С. 17–22; Зиновьев В.П. Обские рыбопромышленники XVIII – первой половины XIX века // Российское купечество от средних веков к новому времени. Тезисы докладов научной конференции. М., 1993. С. 96–99; Разумов О.Н. Акционерные компании в горной промышленности Сибири в период капитализма // К истории предпринимательства в Сибири. Материалы Всероссийской конференции 1995 г. Новосибирск, 1996. С. 63–67.; Зиновьев В.П., Дмитриенко Н.М. Кухтерины // Былое. 1996. № 9–10. С. 26–27 и др.

10. Зиновьев В.П. Озерное рыболовство в Сибири в XIX – начале XX вв. // Хозяйственное освоение Сибири: история, историография, источники. Томск, 1991. С. 62–81; Зиновьев В.П. Этапы индустриального освоения Сибири // Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории. Томск, 1994. С. 5–28.

11. Большаков В.Н. Очерки истории речного транспорта Сибири. XIX век. Новосибирск, 1991. 215 с.

12. Коновалов П.С. Грузооборот сибирской железной дороги в 1895–1913 гг.// Хозяйственное освоение Сибири: история, историография, источники. Томск, 1991. С. 155–167; Коновалов П.С. Строительство и эксплуатация Ачинско-Минусинской железной дороги (1914–1926 гг.) // Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории. Томск, 1994. С. 49–60.

13. Андрющенко Б.К. Статистика ярмарочной торговли в Сибири второй половины XIX века. Источниковедческий аспект // Хозяйственное освоение Сибири: история, историография, источники. Томск, 1991. С. 238–244; Андрющенко Б.К. Правовые аспекты развития ярмарочной торговли Сибири 60–90-е гг. XIX в. – Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. Томск, 1994. С. 149–156; Сибирская торговля в XIX – начале XX века. Библиографический указатель отечественной литературы / Ред.-сост. Б.К. Андрющенко; Сост. – В.П. Зиновьев, В.А. Скубневский, А.В. Старцев. Томск, 1994. 126 с.

14. Дмитриенко Н.М. Демографическая структура сибирского города эпохи капитализма. 1861–1917 гг. На материалах Томска // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 113–124; Дмитриенко Н.М. Управление Томска в период капитализма // Из истории Томской области. Томск, 1988. С. 62–72.

15. Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. 246 с.; Хозяйственное освоение Сибири: история, историография, источники. Томск, 1991. 258 с.; Социально-политическое развитие Сибири (XIX – XX вв.). Томск, 1993. 111 с.; Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. Томск, 1994. 158 с.; Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории. Томск, 1994. 170 с.; Вопросы экономической истории России XVIII – XX вв. Томск, 1996. 226 с.

16. Рабинович г.Х. К характеристике состава финансовой олигархии в России // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. Томск, 1994. С. 5–36.

17. См.: Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. 459 с.

18. Блинов Н.В., Зиновьев В.П. Методика составления хроники рабочего движения в Сибири // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск, 1985. С. 15–168; Демешина Е.И., Пушкарева И.М. Научное совещание в Минске // Вопросы истории. 1882. № 2. С. 140–143; О методике составления хроники и статистики рабочего движения в России периода капитализма (1861 – февраль 1917 г.) / Блинов Н.В., Желтова В.П., Иванова Н.А., Кирьянов Ю.И., Пушкарева И.М. // Вопросы истории. 1984. № 11. С. 60.

19. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника в трех томах. Томск, 1988. Том первый: XVII в. – 1904 г. 374 с.; Том второй. 1905 г. – июнь 1907 г. Томск, 1990. 377 с.; Том третий. Июнь 1907 г. – февраль 1917 г. Томск, 1991. 345 с.

20. Рабочее движение в России: 1895 г. – февраль 1917 г. Хроника. М., 1992–1997. Вып. I–IV.

21. Зиновьев В.П. Рабочее движение в Сибири: мануфактурный период: Дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1992. Т. 1. 461 с.; Т. 2. 217 с.

22. Материалы к хронике общественного движения в Сибири: 1895–1917 гг. Томск, 1994. Вып. 1. 143 с.; Вып. 2. 1995. 187 с.; Хроника общественного движения в Сибири. 1895 г. – февраль 1917 гг. Томск, 1996. Кн. 1. Общественное движение в Омске. 171 с.

23. Харусь О.А. Либерализм в Сибири в начале XX века: идеология и политика. Томск, 1996. 227 с.; Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1998. 47 с., Пашкова Н.В. Сибирский союз РСДРП: проблемы становления и развития объединенных социал-демократических организаций в 1901–1907 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1993. 19 с.

24. История Сибири: Учеб. пособие. Томск, 1987. 472 с.

25. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (Март 1917 – ноябрь 1918 гг.) / Сост. Е.Н. Косых. Томск, 1991. 220 с.; Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Забайкальской области / Сост. В.Г. Зыкова. Томск, 1991. 205 с.; ... в Иркутской губернии / Сост. В.Г. Зыкова. Томск, 1991. 203 с.; ...Томской губернии / Сост. Э.И. Черняк. Томск, 1992. Ч. 1–2. 333 с.; ... в Акмолинской области / Сост. Т.В. Якимова. Томск, 1992. Ч. 1–2. 347 с.; ... Алтайской губернии / Сост. Э.И. Черняк. Томск, 1992. 131 с.; ... Тобольс-

кой губернии / Сост. Т.В. Якимова. Томск, 1992. 208 с.; Профсоюзы и профсоюзное движение в Сибири (1917 – ноябрь 1918 гг.) Съезды, конференции, совещания / Сост. Э.И. Черняк. Томск, 1994. Вып. 1–2. 367 с.; Политические партии в Сибири (Март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Съезды, конференции, совещания / Сост. Э.И. Черняк. Томск, 1994. 194 с.

26. Периодическая печать Сибири (Вторая половина XIX века – февраль 1917 г.): Указатель газет и журналов / Сост. И.Г. Мосина, Е.Н. Косых. Томск, 1991. 96 с.; Периодическая печать Сибири (Март 1917 – май 1918 гг.): Указатель газет и журналов / Сост. Е.Н. Косых. 2-е изд., доп. и испр. Томск, 1990. 86 с., Периодическая печать Сибири в годы гражданской войны (Конец мая 1918 – декабрь 1919 гг.): Указатель газет и журналов / Сост. Е.Н. Косых, С.Ф. Фоминых. Томск, 1991. 54 с.

27. Фоминых С.Ф. К истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Критический анализ американской дипломатической переписки как исторического источника. Томск, 1988. 198 с.

28. Никитин А.Н. Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири. Томск, 1994. 165 с.; Никитин А.Н. Источники по истории гражданской войны в Сибири и их использование в советской исторической литературе. Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Томск, 1992. 33 с., Выявление и изучение новых источников по истории общественной жизни Сибири (Конец XIX в. – 1920 г.). Томск, 1998. Вып. 1–3. Законодательная деятельность белых правительств Сибири (Июнь – ноябрь 1918 г.) / Сост. Е.А. Луков, Э.И. Черняк, С.Ф. Фоминых. 448 с.

29. Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (Март 1917 – май 1918 гг.) Из истории идейно-политической борьбы. Томск, 1994. 249 с.; Криворотов А.В. Буржуазная печать Сибири в период революции 1917 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1995. 24 с., Шпыка А.Н. Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейской мемуаристики. Томск, 1991. 133 с.; Курышев И.В. Социальный облик крестьянства Западной Сибири в годы гражданской войны (По материалам периодической печати). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1998. 24 с.

30. Из истории социальной и общественно-политической жизни советской Сибири. Томск, 1992. 152 с.; Октябрь и гражданская война в Сибири: история, историография, источниковедение. Томск, 1993. 185 с.; Коломыцева Л.М. Конституционные демократы в Сибири (Февраль 1917 – начало 1918 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1993. 20 с.

31. Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995. 252 с.; Ларьков Н.С. Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917 – 1918 гг. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1996. 47 с.; Шулдяков В.А. Социально-политические процессы в Сибирском казачьем войске (Март 1917 – май 1918 гг.) Томск, 1994. 20 с.

32. Кладова Н.В. Сибирские рабочие в годы гражданской войны и интервенции (историография проблемы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1991. 19 с.; Гарипова Л.Г. Советская историография гражданской войны в Сибири (Конец 50-х – 80-е годы). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1991. 20 с.

33. Партийные организации Сибири и Дальнего Востока: история и современность. Томск, 1991. 196 с.; Андреев В.П. Проблемы массового политического поведения в современной России. Новосибирск, 1994; Андреенко Е.А. Профессиональные союзы Западной Сибири в период новой экономической политики (1921–1929 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1992. 22 с.; Черный В.А. Народный контроль на предприятиях нефтегазового комплекса Западной Сибири в 1971–1980 гг.: опыт критического анализа партийного и государственного руководства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1994. 17 с.; Горячева Е.Е. Выборы в Советы народных депутатов в Западной Сибири (1988–1990 гг.). (Политический аспект): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1994. 17 с.; Карамышева Т.Н. Городские советы и партийные организации Западной Сибири (1971–1980 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1995. 22 с.; Смолкин О.А. Реформирование местных органов власти и управления в 1953–1964 гг. (На примере Кемеровской, Новосибирской и Томской областей): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1997. 19 с.; Папушев И.А. Выборы в органы власти 1990–1996 гг. (на материалах Западной Сибири): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1998. 22 с.

34. Научная сессия Томского университета (апрель 1992 г.). Часть I. Социально-экономические и гуманитарные науки. Томск, 1993. 120 с.; История общественных движений и политических партий в России: Материалы Республиканской научной конференции в г. Томске, 20–21 ноября 1992 г. Томск, 1993. 216 с.; Новое в изучении и преподавании истории в вузах: Материалы научно-методической конференции. Томск, 1994. 196 с.; Из истории революций в России (Первая четверть XX в.). Материалы Всероссийского симпозиума, посвященного памяти выдающегося ученого и педагога, лауреата Государственной премии, доктора исторических наук, профессора И.М. Разгона. 13–15 апреля 1995 г. Томск, 1996. Вып. 1. 259 с.; Вып. 2. 205 с.; Доклады региональных межвузовских "Потанинских чтений", посвященных 160-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина. 4 окт. 1995 г. Томск, 1996., 111 с., Историческая наука на рубеже веков. Томск, май 1998 г.

35. Смокотина Л.И. Социально-экономическое положение томских студентов в конце XIX – начале XX вв. (1888 – февраль 1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1994. 16 с.; Петрик В.В. Университетское образование в Сибири в 1980-е гг. (Общественно-политический аспект): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1995. 23 с.; Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус императорского Томского университета (1988 – февраль 1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. 20 с.

36. Сто лет экономическому образованию и науке в Сибири / Под ред. проф. К.И. Могильницкой. Томск, 1998. 252 с.; Юридическое образование в Томском государственном университете. Очерк истории. 1898–1998 гг. / Под ред. проф. В.Ф. Воловича. Томск, 1998. 247 с.; Физики о физике и физиках / Под ред. И.Н. Анохиной. Томск, 1998. 220 с.; Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Очерк становления первого сибирского университета – центра науки, образования, культуры. Томск, 1993; Филимонов М.Р. Книж-

ная сокровищница Сибири. К 100-летию со дня открытия научной библиотеки Томского университета. Томск, 1988.

37 Профессора Томского университета. Биографический словарь. Томск, 1996.– Выпуск 1. 1888–1917 гг. 288 с., Выпуск 2. 1917–1945 гг. 542 с.

38 Нам И.В. Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России начала XX в. Томск, 1988. 205 с.; Культурно-национальная автономия в истории России. Документальная антология. Том I. Сибирь. 1917–1920 г. / Сост. И.В. Нам. Томск, 1998. 309 с.; Шерстова-Л.И. Переходный этнос и формы этнической самоидентификации (Южная Сибирь, начало XX в.) / Американский и сибирский фронтир. Томск, 1997. С. 144–157; Карих Е.В. Межэтнические отношения населения Томской губернии в хозяйственной сфере деятельности в XIX - начале XX в. // Вопросы экономической истории России XVIII – XX вв. Томск, 1996. С. 100-106.

39 Из истории земли Томской. 1917–1921. Народ и власть. Сборник документов и материалов. Томск, 1997. 352 с.; Из истории земли Томской. Год 1937. Сборник документов и материалов. Томск, 1998. 383 с., Из истории земли Томской. Сибирский Белосток. Сборник документов и материалов. Томск, 1998. 239 с.

40. Кузнецов И.Н. Массовые репрессии на территории Западной Сибири в 1930-е годы и реабилитация жертв террора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1992. 19 с., Уйманов В.Н. Массовые репрессии в Западной Сибири в конце 20-х – начале 50-х гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1995. 23 с.; Широков А.И. История формирования и деятельности «Дальстроя» в 1931–1941 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1997. 27 с.

41. Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов. Сост. В.Н. Уйманов и Ю.А. Петрухин. Томск, 1991.–Т.1. 401 с.; Т. 2. 1992. 441 с.; Т. 3. 1992. 465 с.; Т. 4. Книга памяти репрессированных томичей. Сост. В.Н. Уйманов. Томск, 1994. 385 с.; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было. (Западная Сибирь в конце 20-х - начале 50-х гг.) Томск, 1995. 336 с.

42. Из истории Томской области. Томск, 1988. 144 с.; Томск и томичи для фронта и победы. Материалы научно-практической конференции. Томск, 1995. 199 с.

43. Дмитриенко Н.М. Ново-Кусковская волость на заре века (Из истории района). Асино, 1992. 14 с.; Петр Иванович Макушин. Библиографический указатель. Хроника жизни и деятельности. Биография. К 150-летию со дня рождения. Под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 1994. 83 с.; Томская область: исторический очерк. Томск, 1994. 656 с.

44. Зиновьев В.П., Дмитриенко Н.М., Коновалов П.С. Яйский лесопромышленный (История акционерного общества «Яялес»). Томск, 1995. 312 с.; Неизвестный Северск. Томск, 1996. 244 с; История дорожного дела в Томской области. Томск, 1999. 284 с.

45. История названий Томских улиц. Томск, 1998. 320 с.

46. Американский и сибирский фронтир. Томск, 1997; Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. Томск, 1999. 156 с.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА Н.В. БЛИНОВА

Монографии, статьи, рецензии

1957 год

1. О русской социал-демократии накануне I-го съезда РСДРП (1895–1898 гг.) // Доклады VII научной конференции Томского государственного университета, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Томск: Изд-во ТГУ, 1957. Вып. 1. С. 17–18.

1958 год

2. Борьба В.И. Ленина с первыми проявлениями «экономизма» в русской социал-демократии // Доклады II научно-технической конференции Томского инженерно-строительного института. Томск, 1958.

1959 год

3. Социал-демократическая организация «Союз сознательных рабочих» (1897–1898 гг.) // Доклады XXII научно-теоретической конференции ТЭМИИТа. Томск, 1959.

4. Влияние западноевропейской социал-демократии на формирование марксистской рабочей партии в России (1894–1898 гг.) // Доклады II научной конференции кафедр общественных наук Томского политехнического института. Томск, 1959.

5. Два направления в российской социал-демократии накануне I съезда РСДРП // Ученые записки Томского государственного университета. Томск: Изд-во ТГУ, 1959. № 37. С. 3–15.

1960 год

6. К истории возникновения социал-демократических организаций в Сибири // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск: Изд-во ТГУ, 1960. Вып. I. С. 5–17.

7. О начальном периоде русской социал-демократии // Ученые записки Томского государственного университета. Томск: Изд-во ТГУ, 1960. № 35. С. 3–15.

1961 год

8. О характере рабочего и социал-демократического движения в России перед I съездом РСДРП // Ученые записки Томского государственного университета. Томск: Изд-во ТГУ, 1961. № 38. С. 3–15.

1962 год

9. Распространение произведений В.И. Ленина и "Искры" в период возникновения социал-демократических организаций // Ученые записки Томского государственного университета. Томск: Изд-во ТГУ, 1962. № 43. С. 3–15.

1963 год

10. О содержании теоретической деятельности В.И. Ленина в 1894–1898 гг. // Труды Томского государственного университета. Томск: Изд-во ТГУ, 1963. Т. 165. С. 3–17.

11. Роль ленинско-искровского руководства в становлении Томской партийной организации // Вопросы истории КПСС. Томск: Изд-во ТГУ, 1963. № 4. С. 62–69. Соавторы М.И. Матвеев, М.И. Чугунов.

1964 год

12. У истоков Томской большевистской организации. Томск: Томское книжное изд-во, 1964. 76 с. Соавтор – М.И. Матвеев.

13. Социал-демократические организации Сибири перед II съездом РСДРП // Сибирские огни. 1964. № 4. С. 155–163.

14. Из истории связей сибирских комитетов РСДРП с ленинской "Искрой" (1901–1904 гг.) // Предпосылки октябрьской революции в Сибири. Новосибирск: Наука, 1964. Вып. 1. С. 136–150.

1967 год

15. Первая книга о пролетариате Сибири (В.Ф. Борзунов. Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне первой русской революции. М., 1966) // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1967. № 11. Серия общественных наук. Вып. 3.

1968 год

16. Гл. 5. Раздел 4. Первые марксистские кружки в Сибири. Образование и деятельность «Сибирского социал-демократического союза». Гл. 5. Раздел 5. Победа ленинско-искровского направления в социал-демократическом движении Сибири. Участие сибирских социал-демократов в борьбе за партию // История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., Наука, 1968. Т. 3. С. 232–245.

17. Источники архивов Сибири по истории революционного движения накануне первой русской революции // Доклады и сообщения научной конференции, посвященной 50-летию ленинского декрета по архивному строительству. Томск 1968. С. 84–86.

1970 год

18. О книге И.Т. Беликова «Железнодорожный пролетариат Сибири в революции 1905–1907 гг.» // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. С. 52–69. Соавтор – А.Т. Коняев.

1971 год

19. Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX вв. К истории и проблематике вопроса // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1971. С. 62–106.

1972 год

20. Распространение марксизма и формирование социал-демократических организаций в Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. 213 с.

21. Дореволюционная историография о положении рабочих в Сибири // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. С. 156–175.

22. Проблемы современной историографии пролетариата Сибири // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. Вып. 3. С. 68–70.

1973 год

23. Некоторые вопросы современной историографии формирования пролетариата в Сибири // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. Вып. 8. С. 3–26.

1974 год

24. Советская историография о предпосылках и условиях социально-экономического формирования рабочего класса в Сибири // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1974. Вып. 14. С. 3–26.

25. Начальный период советской историографии рабочего движения в Сибири // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1974. Вып. 14. С. 188–218.

26. О ленинской концепции истории рабочего класса России // Вопросы методологии истории и историографии. Доклады научной конференции. Томск: Изд-во ТГУ, 1974. Вып. 2. С. 3–11.

27. Канун и годы революции 1905–1907 гг. // Родной край. Томск, 1974. С. 142–150.

28. Очерки дореволюционной историографии и источниковедения рабочего класса Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1974. 159 с.

1976 год

29. Вопросы социально-исторических предпосылок рабочего движения в Сибири в советской историографии // Рабочие Сибири в период империализма. Томск: Изд-во ТГУ, 1976. С. 3–19.

30. Вооруженные восстания 1905 г. в Сибири в советской историографии // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1976. № 6. Вып. 2. С. 107–114.

1978 год

31. Стачечная борьба рабочих Сибири в период империализма: хроника, статистика, историография. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. 323 с. Соавторы – Зольников Д.М., Плотников А.Е., Толочко А.П., Зиновьев В.П., Скубневский В.А.

32. Промышленность и рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861–1917): Библиографический указатель. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. 211 с. Соавторы – Бузанова В.А., Афанасьев А.Л., Большаков В.Н., Земеров Б.И., Зиновьев В.П., Марков В.И., Плотников А.Е., Толочко А.П., Скубневский В.А.

1979 год

33. В.И. Ленин и некоторые вопросы истории революции 1905–1907 гг. // Вопросы истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С. 3–20.

34. Рабочие Томска в конце XIX – начале XX вв. // Томску 375 лет. Сборник статей. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С. 89–97.

35. К историографии рабочего движения в Сибири накануне Октябрьской социалистической революции // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С. 166–179.

1980 год

36. К историографии рабочего движения в Сибири (исследования 1935–1959 гг.) // Промышленность и рабочие Сибири в период империализма. Новосибирск: Наука, 1980. С. 211–239.

1981 год

37. Пролетариат и буржуазия Сибири в период империализма // рабочий класс центра страны и Сибири (конец XIX – начало XX в.) Новосибирск: Наука, 1981. С. 105–130.

1982 год

38. Введение // Ленинская "Правда" о Сибири. 1912–1914. 1917. Сборник документов и материалов. Новосибирск: Западносибирское кн. изд-во, 1982. С. 5–11.

39. Введение. Гл. 7. Марксистские организации и рабочее движение в Сибири в 1895–1904 гг.; Гл. 8. Пролетариат Сибири в годы первой российской революции; Заключение // Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука, 1982. С. 9–20, 211–286, 433–439. Соавторы – Зольников Д.М. (Введение и Заключение) и А.Т. Коняев (гл. 8).

40. Рец. на: Ушаков А.В. Борьба за единство рабочего класса России. М., 1982 // Вопросы истории. 1982. № 4. С. 118–120.

1983 год

41. Рец. на: Рабочий класс России в революции 1905–1907 гг. М.: Наука, 1982 // История СССР. 1983. № 2. С. 168–171.

42. II съезд РСДРП и его историческое значение // Азия и Африка сегодня. 1983. № 3.

1984 год

43. О методике составления хроники и статистики рабочего движения в России в период капитализма (1861 – февраль 1917 г.) // Вопросы истории. 1984. № 11. С. 60–78. Соавторы – В.П. Желтова, Н.А. Иванова, Ю.И. Кирьянов, И.М. Пушкарева.

44. Морозовская стачка и революционная мысль России в конце XIX в. // Морозовская стачка и рабочий класс Центрально-промышленного района России в конце XIX – начале XX в. М., 1984. С. 15–20.

45. К историографии большевистских организаций и рабочего движения в Центральном промышленном районе (1907–1917 гг.) // Пролетариат Центрального промышленного района в 1907–1917 гг.: Межвузовский научный сборник. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1984. С. 3–18.

1985 год

46. Методика составления хроники рабочего движения в Сибири // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск, 1985. С. 150–175. В соавторстве с В.П. Зиновьевым.

47. В.И. Ленин и III съезд РСДРП // Среднее и специальное образование. 1985. № 4. С. 29–31.

1987 год

48. Опыт революции 1905–1907 гг. в ленинском учении о партии пролетариата // Советы: история и современность. Материалы Всесоюзной конференции. М., 1987.

1988 год

49. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. В трех томах. Том первый. XVII в. – 1904 г. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 375 с. Соавторы – Зиновьев В.П., Большаков В.Н., Курусканов П.З.

1989 год

50. М.В. Фрунзе в революции 1905–1907 гг. // Пламенный революционер, выдающийся полководец Фрунзе. Кыргызстан, 1989. С. 42–51.

51. Полемика нуждается в продолжении // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 181–183.

52. Революция и экспроприации // Аргументы и факты. 1989. № 30 (459).

53. К разработке концепции дооктябрьского периода истории КПСС // Вопросы истории КПСС. 1989. № 12. С. 21–50. Соавторы – Шелохаев В.В., Филиппов Р.В., Алуф И.А.

1990 год

54. Партия в механизме гегемонии пролетариата на демократическом этапе революции // Гегемония пролетариата на буржуазно-демократическом этапе революции в России. М., 1990. С. 30–46.

1995 год

55. Казачество: историческая функция и следствие // Возрождение казачества (История, современность, перспективы). Ростов-на-Дону. 1995.

56. К общественному движению в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. Вып. 2. С. 3–23.

57. Обзор источников по истории национального образования в России (1918–1938 гг.) // Школа и мир культуры этносов. М., 1995. Вып. 2. В соавторстве.

1997 год

58. Выступление «на круглом столе» "Политические партии России в зеркале энциклопедии: проблемы и решения» // Отечественная история. 1997. № 3. С. 147–148.

1998 год

59. Рец. на: Советская историография. М., 1996 // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 156–159.

60. В.О. Ключевский об истоках конфликта в России между обществом и государством // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия историческая. 1998. № 2

61. Влияние германской социал-демократии на формирование РСДРП (80–90 гг. XIX в.) // Исторический опыт взаимодействия российской и германской социал-демократии. М., 1998.

Научные труды на правах рукописи

62. Возникновение социал-демократических организаций в Сибири. Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Томск, 1962. 17 с.

63. Возникновение социал-демократических организаций в Сибири. Дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Томск, 1962. 301 с.

64. Историография рабочего класса дореволюционной Сибири. Автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра ист. наук. Томск, 1975. 50 с.

65. Историография рабочего класса дореволюционной Сибири. Дис. на соискание ученой степени д-ра ист. наук. Томск, 1975. 447 с.

Научные труды под редакцией Н.В. Блинова

1. Крамольников Г.И. О подпольной работе в социал-демократических организациях Сибири // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск: Изд-во ТГУ, 1967. С. 3–50. Редактор и автор предисловия.

2. Из истории Сибири. Рабочие Сибири в период империализма. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. Вып. 8. 211 с. Отв. редактор.

3. Рабочие Сибири в период империализма. Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1974. Вып. 14. 231 с. Отв. редактор.

4. Рабочие Сибири в период империализма. Томск: Изд-во ТГУ, 1976. 216 с. Отв. редактор.

5. Стачечная борьба рабочих Сибири в период империализма: хроника, статистика, историография. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. 324 с. Отв. редактор.

6. Промышленность и рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861–1917): Библиографический указатель. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. 212 с. Отв. редактор.

7. Из истории земли Томской. 1604–1917. (Сборник документов и материалов). Томск: Западно-Сибирское книжное изд-во. Томское отделение, 1978. Вып. 1. 224 с. Член редколлегии.

8. Вопросы истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. 150 с. Отв. редактор

9. Рабочие Сибири в период капитализма. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. 182 с. Отв. редактор

10. Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма: Материалы к «Истории рабочего класса Сибири». Новосибирск: Наука, 1980. 344 с. Член редколлегии

11. Рабочий класс центра страны и Сибири (Конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1981. 256 с. Член редколлегии.

12. Ленинская «Правда» о Сибири. 1912–1914, 1917 гг. Сборник документов и материалов. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во. 136 с. Редактор.

13. Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905–1920 гг.). Томск: Изд-во ТГУ, 1982. 303 с. Член редколлегии.

14. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука, 1982. 459 с. Отв. редактор.

15. История рабочего класса Сибири. Новосибирск: Наука, 1982–1985. Т. 1–4. Заместитель главного редактора.

16. Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. 180 с. Член редколлегии

17. Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2: Свержение самодержавия. Вторая буржуазно-демократическая революция в России. М., 1986. 416 с. Член редколлегии

18. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. 3т. Т.1. XVII в. – 1904 г. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 374 с. Редактор; Т.2. 1905 г. – июнь 1907 г. Томск, 1990. 377 с. Член редколлегии; Т.3. Июнь 1907 г. – февраль 1917 г. Томск, 1991. 345 с. Член редколлегии

19. Толочко А.П. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.). Томск: Изд-во ТГУ, 1989. 219 с. Отв. редактор.

20. Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Томск: Изд-во ТГУ, 272 с. Отв. редактор

Составил В.П. Зиновьев

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СИБИРИ В ТРУДАХ В.П. ЗИНОВЬЕВА

В.А. Скубневский

В.П. Зиновьев, профессор кафедры теории международных отношений и организации внешнеполитической деятельности, профессор кафедры современной отечественной истории, главный научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири при Томском университете, в течение последних 30 лет является одним из наиболее плодотворно работающих авторов-сибиреведов. Круг его научных интересов обширен, но приоритетное направление исследований – социально-политическая жизнь Сибири дооктябрьского периода.

В конце 60-х – начале 70-х гг. в регионе, прежде всего, в Томске, развернулись работы по подготовке многотомных академических трудов по истории рабочих и крестьянства Сибири. В ТГУ была создана группа по изучению истории рабочих Сибири второй половины XIX – начала XX в. под руководством Н.В. Блинова. В нее был включен и молодой исследователь, недавний выпускник исторического факультета ТГУ Василий Зиновьев. Он занялся исследованием горной промышленности Сибири и рабочих данной сферы экономики, подготовил цикл статей, выступал на региональных и союзных конференциях, – в 1977 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию «Формирование горнорабочих Сибири в период империализма (1895–1917 гг.)».

Кандидатская диссертация В.П. Зиновьева стала по данной проблеме наиболее фундаментальным исследованием. Во многом это объясняется фронтальным обследованием многих архивных фондов, содержащих информацию по теме, анализом большого количества опубликованных статистических изданий, периодики. В ходе работы над кандидатской диссертацией В.П. Зиновьев исследовал около 220 статистических сборников, прежде всего – изданий Горного департамента, 315 годовых комплектов журналов и газет 54 наименований, 930 дел, 38 фондов, 5 архивов. Стремление мобилизовать максимум доступных сведений по изучаемой проблеме остается с того времени одной из главных черт Зиновьева – исследователя.

В числе основных вопросов, рассмотренных в кандидатской диссертации и статьях, написанных в 70-е гг. были: состояние горной промышленности региона (размещение, динамика основных производств, техническая оснащенность, концентрация производства и капитала и

др), рынок рабочей силы для горной промышленности, численность, процесс формирования, состав рабочих, их экономическое положение, участие в рабочем движении.

Решение вопроса о степени социальной зрелости рабочих горной отрасли определило и внимание В.П. Зиновьева к проблеме региональных и отраслевых особенностей промышленного переворота, к тому же этот вопрос был дискуссионным и неоднократно обсуждался историками Сибири на научных конференциях и симпозиумах[1]. В.П. Зиновьев пришел к выводу, что первые шаги промышленного переворота в Сибири обозначились еще в 60-е гг. XIX в., но в горнодобывающих отраслях они стали заметны лишь в 90-е гг. Наиболее бурно техническое переоснащение горного производства шло в начале XX в., но и к 1917 г. оно не завершилось. Горное производство начала XX в., таким образом, представляло собою переходный этап от мануфактуры к фабрике. Типичными для отрасли считались предприятия, имевшие признаки и мануфактуры, и фабрики. При этом, они, составляя меньшую часть заведений, давали основную долю продукции и занимали половину рабочих отрасли[2]

Позже, в другой статье, Зиновьев вновь возвращается к проблеме промышленного переворота в горной отрасли, приводит ценные данные о соотношении предприятий разных форм организации производства, энерговооруженности. В отдельной статье В.П. Зиновьев показал динамику основных количественных характеристик и технической оснащенности горной промышленности, в том числе добычи полезных ископаемых, соотношения числа и мощности двигателей разных типов[3]. Эти сведения наглядно демонстрировали сдвиги в техническом оснащении отрасли. В то же время они показывали, что до 80 % предприятий горной промышленности Сибири вообще не имели механических двигателей, и они занимали 57 % общего числа рабочих.

Много внимания в своих статьях и диссертации В.П. Зиновьев уделял вопросам численности горняков Сибири в конце XIX – начале XX вв. Мобилизовав сведения официальной отчетности, он сумел составить динамику численности рабочих по группам производств с 1895 по 1916 гг.[4] Важны для понимания социального облика горняков края были подсчеты, распределившие рабочих по местам выхода (местные, из Европейской России, из иностранных государств), по стажу работы. Эти подсчеты опровергли мнение об отсутствии на горных промыслах Сибири постоянных рабочих. В конце XIX в., по подсчетам В.П. Зиновьева, горная промышленность Сибири на 20 % располагала постоянными кадрами, а к 1917 г. их доля выросла до 50 %[5]. Позже

В.П. Зиновьев неоднократно обращался к вопросам численности и социальной структуры горняков Сибири, всех рабочих Сибири, рабочих Азиатской России[6]. Значимость таких исследований явно выходит за рамки региона

Большое внимание в работах 70-х гг. В.П. Зиновьев уделил вопросам экономического положения горняков Сибири[7]. Тщательно были проанализированы динамика заработной платы, бюджет, нормы потребления, методы эксплуатации рабочих золотопромышленности второй половины XIX – начала XX вв. Изменения в экономическом положении были связаны с техническим уровнем отрасли, динамикой производительности труда, состоянием рынка труда, особенно после проведения железной дороги

Источниковой основой для решения этих вопросов стала прежде всего документация фондов горных инженеров и горных управлений, а для составления динамики рыночных и приисковых цен – материалы периодики. Анализируя экономическое положение золотопромышленных рабочих, Зиновьев отмечает позитивную роль подсобных хозяйств рабочих, высокие нормы потребления продуктов питания, подтверждает это сравнением с нормами потребления рабочих Европейской России[8].

Результаты исследования В.П. Зиновьева, изложенные в кандидатской диссертации, статьях, коллективных трудах[9], были потом востребованы при подготовке академических изданий многотомных историй рабочего класса Сибири и СССР. В.П. Зиновьев являлся ответственным секретарем первого тома истории рабочего класса Сибири – «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период» (Новосибирск, 1982). Им были написаны разделы, посвященные золотопромышленности Сибири первой половины XIX в., борьбе наемных рабочих и работных людей в XVIII – первой половине XIX вв., социально – экономическим и политическим условиям формирования рабочих в пореформенный период (в соавторстве), формированию рабочих кадров в пореформенный период, рабочему движению в 1861–1894 гг., условиям и факторам складывания сибирского пролетариата на рубеже XIX–XX вв. (в соавторстве).

В конце 70-х – 80-х гг. одним из главных направлений в исследованиях В.П. Зиновьева стала история рабочего движения. В 1978 г. была опубликована коллективная работа «Стачечная борьба рабочих Сибири в период империализма», в подготовке которой принимал участие и В.П. Зиновьев. Он подобрал большую часть информации о стачках горнорабочих. Книга была одной из первых региональных хроник ста-

чечного движения. Она отличалась от других основательностью источниковой базы. В статье о каждой из упомянутых в хронике стачек назывался и источник информации. Впервые была введена в научный оборот информация о 400 стачках. Это издание привлекло внимание не только историков Сибири, но и ведущих научных центров страны[10], способствовало интенсификации работы над общероссийскими хрониками стачечного движения. Коллектив авторов был удостоен звания лауреата премии ТГУ за лучшую научную работу года.

Работа над первой общесибирской хроникой стачечного движения выявила и нерешенные проблемы, показала необходимость комплексного анализа рабочего движения во всех его проявлениях. За эту работу и взялся коллектив авторов под руководством профессора Н.В. Блинова. После переезда Н.В. Блинова в Москву проект возглавил В.П. Зиновьев. Итогом работы стало издание трехтомника «Рабочее движение в Сибири», получившего высокую оценку специалистов[11]. Хронологически труд охватил период с XVII в. по февраль 1917 г. Помимо хроник рабочего движения с XVII века по 1904 г. (первый том), периода первой российской революции (второй том), с 3 июня 1907 г. по февраль 1917 г. (третий том), издание включает разделы историографический, источниковедческий, статистико-аналитический. Только стачек учтено было в Сибири 3078, а кроме них – жалобы, прошения, уходы с работы, волнения, террористические акты, собрания, сходки, митинги, демонстрации, восстания, рабочие организации и др. Аналитическую и редакторскую работу выполнил В.П. Зиновьев, он же подготовил приложения, список источников и литературы. В приложения к первому тому вошли хроники рабочего движения в Казахстане, Средней Азии и на Дальнем Востоке России в XIX в. и в первые годы XX в.

Трехтомник представляет фундаментальную базу данных для анализа многих аспектов социально-политических процессов в дореволюционной Сибири. Материалы его используются при составлении хроники рабочего и социал-демократического движения в России. В.П. Зиновьев является консультантом этого издания[12].

В.П. Зиновьев посвятил ряд публикаций частным сюжетам истории рабочего движения в Сибири, сопредельных с ней территорий[13], отдельных районов, например, Алтайского края[14].

Глубокая разработка истории рабочего движения в Сибири логически привела В.П. Зиновьева к написанию и защите в 1992 г. диссертации на соискание ученой степени доктора наук по теме «Рабочее движение в Сибири в мануфактурный период». Она построена на материалах первого тома хроники рабочего движения в Сибири с XVII в. по 1904 г. Вместе с тем хроника была существенно дополнена. Рабо-

чее движение показано в диссертации в неразрывной связи с состоянием экономики, составом, численностью, положением рабочих, политической ссылкой, общественно-политическим движением в Сибири в целом

В соответствии с выводами автора, рабочее движение в Сибири в рассматриваемый период прошло три этапа: борьба предпролетариата – вторая половина XVII в. – 1820-е гг.; борьба мануфактурного пролетариата – 1830-е гг. – 1901 г.; борьба пролетариата машинной индустрии – 1901 г. – 1917 г.[15] Этапы формирования пролетариата, в свою очередь, увязывались с этапами индустриального развития региона, которых В.П. Зиновьев выделил пять: 1) XVII в. – первая четверть XVIII в. – начало частного раннекапиталистического предпринимательства; 2) вторая четверть XVIII в. – первая четверть XIX в. – рост, а затем господство государственно-феодального предпринимательства; 3) вторая четверть XIX в. – 1861 г. – кризис государственно-феодального предпринимательства, рост и победа частного капитала в ряде сфер экономики (транспорт, цензовая промышленность, добыча золота), начало технического переворота в водном транспорте; 4) 1861 г. – первая половина 90-х гг. XIX в. – крах феодальной промышленности, господство капиталистической мануфактуры в промышленности, начало строительства железных дорог, технического перевооружения промышленности; 5) вторая половина 90-х гг. XIX в. – 1930-е гг. – строительство железных дорог, промышленный переворот во всей экономике региона. Пятый этап индустриального развития Сибири таким образом, по мнению В.П. Зиновьева, выходит за рамки капиталистического периода. В 1917–1919 гг. частнокапиталистическая индустриализация была сменена государственно-регулируемой[16]. Пятый этап характерен промышленным переворотом на транспорте, в обрабатывающей промышленности, концентрацией ее в городах, углублением технического переворота в горнодобывающей промышленности.

Позднее, в других работах, В.П. Зиновьев продолжил свою периодизацию индустриального развития Сибири. Он выделил шестой этап, связанный с эвакуацией промышленных предприятий в Сибирь в годы Великой отечественной войны, развитием в 40–50-е гг. угольной и металлургической отраслей, завершением аграрной колонизации. Седьмой этап характеризуется переносом в 60–80-е гг. XX в. топливно-энергетической и сырьевой базы страны в Сибирь, восьмой этап (с начала 90-х гг.) – обозначен рыночными реформами[17].

Интерес В.П. Зиновьева к дискуссионным проблемам отечественной истории проявился в публикации им ряда теоретических статей,

Так, он предложил свой вариант периодизации раннего периода рабочего движения в стране, социально-политический портрет рабочих Сибири накануне революций 1917 г.[18], свою концепцию становления индустриального общества в России в XVIII–XX вв., которая близка к идеям постиндустриализма[19], свой анализ роли и места социальных революций XX века в истории России[20].

Конкретно-исторические исследования В.П. Зиновьева после защиты докторской диссертации стали еще более разнообразны по тематике. Он обращается к малоизученным вопросам истории Сибири – к этническим ее аспектам[21], артели как форме трудовой и общественной кооперации, к общественному движению[22], к истории добывающих промыслов, торговли[23], истории населенных пунктов[24]. Увлечение локальной историей проявилось в подготовке под руководством и с участием В.П. Зиновьева нескольких книг по истории отдельных учреждений, предприятий[25].

Возросший интерес к истории предпринимательства не мог пройти мимо В.П. Зиновьева, тем более, что его дипломная работа и первые студенческие публикации были посвящены деятельности сибирских предпринимателей в винокурении и виноторговле. В.П. Зиновьев принял самое активное участие в подготовке первой региональной энциклопедии по истории сибирского купечества, работа над которой велась по инициативе и при руководстве Д.Я. Резуна (Институт истории СО РАН). Он редактировал 3 и 4 тома книги, написал несколько десятков статей, в том числе достаточно объемные о Востротиных, Кухтериных, А. Макушине, Л. Михельсоне, Мясниковых, А. Новомейском, Родюковых, Рязановых, Рысевых, Хотимских, о «Монголоре», Федоровском золотопромышленном обществе, лесоторговле, рыботорговле, о публичных маклерах и т.д.[26]

Все чаще В.П. Зиновьев стал обращаться к персоналиям. Стоит отметить очерки о революционере В. Воложанине, ученом В.И. Шемелеве, горных инженерах В.С. Реутовском и П.И. Пальчинском, купцах Кухтериных и Родюковых и др.[27]

Последним на данное время увлечением В.П. Зиновьева стали исторические аспекты международных связей Сибири, что явилось следствием его перехода на работу профессором кафедры теории международных отношений и организации внешнеполитической деятельности[28].

Необходимо отметить большую редакторскую и научно-организаторскую деятельность В.П. Зиновьева. Он являлся ответственным редактором, членом редакционных коллегий ряда книг, сборников на-

учных и научно-популярных статей, учебных пособий[29], инициатором и научным руководителем научных проектов по истории Сибири, истории фабрик и заводов, города Северска.

Разумеется, подводить итоги научного творчества В.П. Зиновьева более чем преждевременно, он находится в расцвете сил. Отметим лишь, что исследования Василия Павловича к настоящему времени уже внесли огромный вклад в разработку таких узловых проблем истории Сибири, как генезис и развитие капиталистических отношений в промышленности Сибири, особенности промышленного переворота, этапы индустриализации края, формирование и положение рабочих, рабочее и общественно-политическое движение, особенности предпринимательства и менталитета сибирской буржуазии, участие Сибири в международных связях. Заметен вклад В.П. Зиновьева в изучение истории рабочего класса России в целом.

Примечания:

1. Изменения в составе и культурно-техническом уровне рабочего класса и крестьянства Сибири: Тезисы докладов и сообщений Всесоюзного симпозиума (Новосибирск, 19–21 ноября 1974 г.). Новосибирск, 1974. и др.

2. Зиновьев В.П. Формирование горнорабочих Сибири в период империализма (1895–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977. С. 14–15.

3. Зиновьев В.П. Горная промышленность Сибири и формирование горнорабочих (1895–1917 гг.) // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 17.

4. Зиновьев В.П. О рынке рабочей силы для горной промышленности Сибири (1895–1917 гг.) // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1976. С. 55.

5. Зиновьев В.П. Формирование горнорабочих Сибири... С. 15.

6. Зиновьев В.П. Рабочие Сибири в 1907–1917 гг. // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1979. С. 3–37; Зиновьев В.П. Численность и концентрация промышленных рабочих Азиатской России в 1850–1914 гг. // Рабочий класс центра страны и Сибири. Новосибирск, 1981. С. 147–157; Зиновьев В.П. Размещение рабочих крупной капиталистической промышленности Азиатской России накануне первой мировой войны (Опыт статистического анализа) // Рабочий класс России в период империализма. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1981. С. 81–103.

7. Зиновьев В.П. К вопросу об экономическом положении горнорабочих Сибири (1895–1914 гг.) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8. С. 130–159; Зиновьев В.П. К расчету реальной заработной платы приисковых рабочих Сибири (на материалах приисков Томского горного округа) // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 14. С. 86–99; Зиновьев В.П. Методы капиталистической эксплуатации рабочих в золотопромышленности России // Из истории буржуазии в России. Томск, 1982. С. 64–78; Зиновье-

в В.П. Методы вторичной эксплуатации в горной промышленности Сибири в период капитализма // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул, 1984. С. 106–127 и др.

8. Зиновьев В.П. К расчету реальной заработной платы ... С. 90.

9. Блинов Н.В., Зольников Д.М., Плотников А.Е., Толочко А.П., Зиновьев В.П., Скубневский В.А. Стачечная борьба рабочих Сибири в период империализма: хроника, статистика, историография. Томск, 1978. 323 с.

10. Вопросы истории. 1979. № 5. С. 154–156.

11. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. В 3-х т. Т.1. XVII в. – 1904 г. Томск, 1988. 374 с.; Т.2. 1905 г. – июнь 1907 г. Томск, 1990. 376 с., Т.3. Июнь 1907 г. – февраль 1917 г. Томск, 1991. 343 с. См. рецензию В.П. Желтовой, Т.А. Игнатенко и Ю.И. Кирьянова на первый том книги // История СССР. 1989. № 6. С. 176.

12. Рабочее движение в России. 1895 г. – февраль 1917 г. Хроника. Вып. I–V. 1895–1899 гг. М., 1992–1998.

13. Зиновьев В.П. Политическая ссылка и рабочее движение в Сибири в 70–90-е гг. XIX в. // Политическая ссылка и революционное движение в России. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1989. С. 21–32; Зиновьев В.П. Хроника стачек и волнений в Туркестане и Степном крае. Хроника стачек и волнений на Дальнем Востоке России // Рабочее движение в Сибири. Томск, 1988. Т. 1. С. 323–339.

14. Зиновьев В.П. Рабочее движение на Алтае во второй половине XIX в. // Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987. С. 155–162. Зиновьев В.П., Топчий А.Т. «Бердский бунт» 1869 г. // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 188–198 и др.

15. Зиновьев В.П. Рабочее движение в Сибири в мануфактурный период: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1992. С. 33.

16. Там же. С. 15.

17. Зиновьев В.П. Этапы индустриального освоения Сибири // Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории. Томск, 1994. С. 5–28; Зиновьев В.П. Государственное и частное предпринимательство в Сибири: материалы научной конференции. Барнаул, 1994. С. 3–6.

18. Зиновьев В.П. К периодизации рабочего движения в России в XIX в. // Проблемы историографии и источниковедения пролетариата центрального промышленного района России. М., 1990. Вып. 1. С. 9–15; Зиновьев В.П. Социально-политический облик сибирского отряда рабочего класса России накануне революции 1917 г. // Из истории социальной и общественно-политической жизни советской Сибири. Томск: 1992. С. 13–18.

19. Зиновьев В.П. Становление индустриального общества в России: Методическое пособие к специальному курсу лекций. Томск, 1998. 26 с.

20. Зиновьев В.П. Революции XX в. в России в свете теории модернизации // Историческая наука на рубеже веков: материалы Всероссийской научной конференции. Том. I. Томск, 1999. С. 18–26.

21. Зиновьев В.П., Карих Е.В. Этнический аспект общественного движения в Сибири и на Дальнем Востоке накануне революции 1917 г. // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Общественное движение в Сибири в начале XX века. Омск, 1997. С. 86–91.

22. Зиновьев В.П. Традиции артельного труда в Сибири в XIX – начале XX в. // Организация труда и трудовая этика. Древность. Средние века. Современность. М., 1993. С. 241–252; Общественное движение в Омске. 1895 – февраль 1917 гг. Томск, 1996. 170 с. и др.

23. Зиновьев В.П. Озерное рыболовство в Сибири в XIX – начале XX в. // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники. Томск, 1991. С. 62–81; Зиновьев В.П. Лесные и рыбные промыслы Причулымья в XIX – начале XX вв. // Земля Асиновская. Томск, 1995. С. 77–84; Зиновьев В.П. Винные откупа в Сибири в XVIII – XIX вв. // Исторический опыт освоения Западной Сибири. Томск, 1994. С. 36–51.

24. Зиновьев В.П. За штатом (Нарым в XIX – начале XX вв.) // Земля Парабельская. Томск, 1996. С. 121–152; Зиновьев В.П. Поселок Чекист // Неизвестный Северск. Томск, 1996. С. 60–79; Зиновьев В.П. Кержское каторжное село // Томская старина. 1992. № 2. С. 6–7 и др.

25. Дмитриенко Н.М., Зиновьев В.П., Коновалов П.С. Яйский лесопромышленный (история акционерного общества «Яялес»). Томск, 1995. 311 с.; Андрющенко Б.К., Бузанова В.А., Зиновьев В.П., Зыкова В.Г., Коновалов П.С. История дорожного дела в Томской области. Томск, 1999. 284 с.

26. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. В 4-х т. Новосибирск. Кн. 1–10. 1994–1999.

27. Зиновьев В.П. Валентин Воложанин – томский социал-демократ // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Томск, 1999. С. 22–27; Зиновьев В.П. В.И. Шемелев – историк и краевед Алтая // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 1998. С. 168–172; Зиновьев В.П. Горный инженер В.С. Реутовский // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII в. – 1920-е гг.) Барнаул, 1997. Вып. 2. С. 75–81; Зиновьев В.П. П.И. Пальчинский – великий инженер России // История российской интеллигенции (Материалы и тезисы научной конференции). М., 1995. Ч. 2. С. 51–53; Зиновьев В.П. Родюковы // Сибирь в XVI – XX веках. Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 86–94; Дмитриенко Н.М., Зиновьев В.П. Купеческая семья Кухтериных // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Барнаул, 1995. С. 191–203 и др.

28. Зиновьев В.П. Китайские и корейские рабочие на горных промыслах Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы экономической истории России XVIII – XX вв. Томск, 1996. С. 79–100; Зиновьев В.П. Казахи Чуйской долины (конец XIX – начало XX вв.) // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии (взаимодействие народов и культур). Барнаул, 1997. С. 27–31; Зиновьев В.П. «Киргизский вопрос» на землях Алтайского округа Кабинета // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII – XX вв.). Омск, 1998. С. 65–68.

29. История Сибири. Учебное пособие. Томск, 1987. 472 с.; Томская область. Исторический очерк. Томск, 1994. 655 с.; Материалы к хронике общественного движения в Сибири. Томск, 1994–1995. Вып. 1–2; Неизвестный Северск. Томск, 1996. 244 с. и др.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА В.П. ЗИНОВЬЕВА

1. Научно-исследовательские труды

1970 г.

1. О первоначальном накоплении капитала в Сибири // Сборник докладов 24-й Научной студенческой конференции, посвященной столетнему юбилею со дня рождения В.И. Ленина. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. С. 43–45.

1971 г.

2. Ранние монополии в Сибири (На примере стачек винокуренных заводчиков) // Тезисы докладов IX Научной конференции студентов и аспирантов. Новосибирск: НГУ, 1971. С. 26–27.

1972 г.

3. Формирование рабочих кадров в горной промышленности Сибири накануне революции 1905–1907 гг.// Материалы Научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. Вып. 3. С. 82–84.

1973 г.

4. К вопросу об экономическом положении горнорабочих Сибири (1895–1914 гг.) // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. Вып. 8. С. 130–159.

1974 г.

5. К расчету реальной заработной платы приисковых рабочих Сибири (На материалах приисков Томского горного округа) // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1974. Вып. 14. С. 86–99.

6. Нормы эксплуатации горнорабочих Сибири (1895–1917 гг.) // Материалы Конференции молодых ученых. Томск: Изд-во ТГУ, 1974. Вып. 1. С. 106–108.

1976 г.

7. О рынке рабочей силы для горной промышленности Сибири (1895–1917 гг.) // Рабочие Сибири в период империализма. Томск: Изд-во ТГУ, 1976. С. 52–68.

1978 г.

8. Промышленность и рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). Библиографический указатель. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. 211 с. В соавторстве с Афанасьевым А.Л., Блиновым Н.В., Бузановой-В.А. и др.

9. Стачечная борьба рабочих Сибири в период империализма: хроника, статистика, историография. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. 323 с. В соавторстве с Блиновым Н.В., Зольниковым Д.М., Плотниковым А.Е., Толочко А.П., Скубневским В.А.

10. Томская губерния в период империализма и буржуазно-демократических революций в России (1900–1917 гг.) // Из истории земли Томской: Сборник документов и материалов. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. Вып. 1. С. 159–163.

1979 г.

11. Рабочие Сибири в 1907–1917 гг. // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С. 3–37.

12. Объективные предпосылки участия горнорабочих Сибири в революции 1905–1907 гг. // Вопросы истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С. 52–58.

1980 г.

13. Стачки и волнения рабочих Сибири в 1861–1894 гг.: статистический анализ // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. С. 70–93. В соавторстве с Плотниковым А.Е.

14. Рабочее движение в Алтайском горном округе во второй половине XIX в. // Барнаулу 250 лет. Барнаул: АГУ, 1980. С. 110–112.

15. Горная промышленность и формирование горнорабочих (1895–1917 гг.) // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск: Наука, 1980. С. 6–31.

1981 г.

16. Численность и концентрация промышленных рабочих Азиатской России в 1850–1914 гг. // Рабочий класс центра страны и Сибири. Новосибирск: Наука, 1981. С. 147–157.

17. Формирование пролетарских кадров в Сибири в 60–90-е гг. XIX в. // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск: Наука, 1981. Вып. 1. С. 81–85.

18. Размещение рабочих крупной капиталистической промышленности Азиатской России накануне первой мировой войны (Опыт статистического анализа) // Рабочий класс России в период империализма. М.: Институт истории СО АН СССР, 1981. С. 81–103.

1982 г.

19. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука, 1982. 459 с. В соавторстве с Блиновым Н.В., Зольниковым Д.М., Резуном Д.Я. и др.

20. Материалы о рабочих Сибири // Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 гг. М.: Наука, 1982. 464 с.

21. Методы капиталистической эксплуатации рабочих в золотопромышленности России // Из истории буржуазии в России. Томск: Изд-во ТГУ, 1982. С. 64–78.

22. Отраслевая структура рабочих Сибири накануне и в годы первой русской революции // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905–1920 гг.). Томск: Изд-во ТГУ, 1982. С. 56–61.

1983 г.

23. Предисловие // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. С. 3–4.

24. Проблемная лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири при Томском университете (итоги и перспективы исследования) // История СССР. 1983. № 4. С. 213–215. В соавторстве с В.А. Дремовым и А.Г. Тимошенко.

1984 г.

25. Историография рабочего движения в Сибири в XIX в. // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. С. 124–125.

26. Сибирская периодическая печать о Морозовской стачке 1885 г. // Морозовская стачка 1885 г. и рабочие Центрального промышленного района России в конце XIX – начале XX в. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1984. С. 53–58.

27. Методы вторичной эксплуатации в горной промышленности Сибири в период капитализма // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул: АГУ, 1984. С. 106–128.

1985 г.

28. Рец. на: История рабочего класса СССР // Известия СО АН СССР. 1985. № 9. Вып. 2. Серия истор., филол., философ. С. 64–65. В соавторстве с В.Н. Большаковым.

29. Предисловие // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск: Изд-во ТГУ, 1985. С. 3–4.

30. Методика составления хроники рабочего движения в Сибири в период капитализма // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск: Изд-во ТГУ, 1985. С. 150–168. В соавторстве с Н.В. Блиновым.

1986 г.

31. Стачечное движение горнорабочих Сибири накануне и в период буржуазно-демократических революций в России // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX – начале XX вв. Новосибирск: Наука, 1986. С. 7–20.

32. Обзор основных источников по истории горной промышленности Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. Вып. 1. С. 102–104.

1987 г.

33. Рабочее движение на Алтае во второй половине XIX в. // Очерки истории Алтайского края. Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1987. С. 155–162.

34. Отражение стачечной борьбы рабочих Азиатской России накануне первой российской революции в общероссийских хрониках рабочего движения // Вопросы истории, историографии и источниковедения. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 31–33.

35. Влияние политической ссылки на рабочее движение в Сибири. Историографический аспект // Политическая ссылка в Сибири. XIX – начало XX в. Историография и источники. Новосибирск: Наука, 1987. С. 73–80.

36. Рабочие из коренных народов Сибири на капиталистических предприятиях // Смена культур и миграции в Западной Сибири (Причины и динамика). Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 61–63.

37. Первые стачки в Тобольске. Апрель – июнь 1827 г. // Роль Тобольска в освоении Сибири. Тезисы Областной научной конференции, посвященной 400-летию Тобольска. 3–4 июня 1987 г. Тобольск, 1987. С. 64–65.

1988 г.

38. Политическая ссылка и рабочее движение в Сибири в 70–90-е гг. XIX в. // Политическая ссылка и революционное движение в России. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука, 1988. С. 73–80.

39. Промышленное и транспортное освоение Сибири во второй половине XIX в. в советской историографии // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма. Историография проблемы. Новосибирск: Наука, 1988. С. 25–41.

40. Лесопромышленность Томской губернии. 1861–1917 гг. // Из истории Томской области. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. С. 3–15. В соавторстве с Абатулиной С.Г.

41. Горная отчетность как демографический источник // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. Вып. 1. Досоветский период. С. 187–189.

42. Записки ЗСОИРГО об истории промышленного освоения Западной Сибири // История Западной Сибири в дореволюционный период. Тезисы докладов Омской областной научной конференции, посвященной 110-летию Омского краеведческого музея. Омск, 1988. С. 14–15.

43. Рабочее движение в Сибири, историография, источники, хроника, статистика. В 3-х т. Томск. Изд-во ТГУ, 1988. Т.1. XVII в. – 1904 г. 374 с. В соавторстве с П.З. Курсукановым.

44. Забытое имя (Валентин Воложанин) // Наука в Сибири. 1988. 25 авг.

45. Прошения о пенсиях как исторический источник о рабочих кадрах сибирской золотопромышленности в XIX – начале XX вв. // Проблемы историографии и источниковедения дореволюционной Сибири. Омск: ОмГУ, 1988. С. 69–78.

1989 г.

46. Предисловие // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1989. С. 3–5.

47. Бердский бунт 1869 г. // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1989. С. 188–198. В соавторстве с А.Т. Топчием.

48. Изучение борьбы наемных рабочих и работных людей в Сибири в XVIII – XIX вв. // Некоторые вопросы отечественной истории в советской историографии. Томск. Изд-во ТГУ, 1989. С. 21–32.

49. Динамика добывающей промышленности Томской губернии в период капитализма // Социально-экономическое развитие Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск: Иркутский пед. ин-т, 1989. С. 21–28.

50. Временные промысловые поселки в освоении Сибири в период капитализма // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. Вып. 1. Палеодемография и демографические процессы в Сибири в эпоху феодализма и капитализма. С. 115–116.

1990 г.

51. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. В 3-х т. Томск: Изд-во ТГУ, 1990. Т.2. 1905 – июнь 1907 гг. 376 с. В соавторстве с Б.К. Андрющенко, В.А. Бузановой, П.С. Коноваловым и др.

52. Основные источники по истории добывающей промышленности Сибири (60–90-е гг. XIX в.) // Источники по истории освоения Сибири в период капитализма. Новосибирск: Наука, 1989. С. 133–147.

53. Основные этапы и формы рабочего движения в Сибири // История и общество в панораме веков. Всесоюзная Байкальская историческая школа. Тезисы докладов. Иркутск: Иркутский ГУ, 1990. Вып. 1. С. 95–99.

54. Формирование капиталистических отношений в рыбопромышленности Сибири // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул: АГУ, 1990. С. 119–133. В соавторстве с Галажинским Э.В.

55. К периодизации рабочего движения в России в XIX в. // Проблемы историографии и источниковедения пролетариата Центрального Промышленного района России. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1990. Вып. 1. С. 9–15.

1991 г.

56. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. В 3-х т. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. Т.3. Июнь 1907 г. – февраль 1917 г. 343 с. В соавторстве с Дмитриенко Н.М., Толочко А.П., Никулиным П.Ф. и др.

57. Предисловие // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. С. 3–4.

58. Озерное рыболовство в Сибири в XIX – начале XX в // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники. Томск. Изд-во ТГУ, 1991. С. 62–81.

59. Лесоторговля в Омске в XIX – начале XX в // Областная научно-практическая конференция, посвященная 275-летию города Омска. Секция история Омска и Омской области. Омск: ОмГУ, 1991. С. 46–48.

60. Первые электростанции в Томске // Томский календарь памятных событий и дат на 1991 год. Томск, 1991. С. 31–32. В соавторстве с Н.М. Дмитриенко.

1992 г.

61. Кержское каторжное село // Томская старина. 1992. № 2. С. 6–7.

62. Побеги рабочих Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период. Омск: ОмГУ, 1992. С. 6–19.

63. Забытый спор: Н.М. Ядринцев – Н.В. Скорняков // Научная конференция памяти Н.М. Ядринцева. Омск, 1992. Секция историографии и методологии истории. С. 8–11.

64. Новые данные о распространении социалистических идей в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Проблемы общественно-политической и культурной жизни Сибири XIX в. Барнаул: АГУ, 1992. С. 120–132.

65. Социально-политический облик сибирского отряда рабочего класса России накануне революции 1917 г. // Из истории социальной и общественно-политической жизни советской Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. С. 13–18.

1993 г.

66. Этапы индустриального развития Сибири // Научная сессия Томского университета (апрель 1992 г.). Томск: Изд-во ТГУ, 1993. Часть 1. Социально-экономические и гуманитарные науки. С. 91–94.

67. Формирование постоянных кадров в сибирской золотопромышленности в начале XX в. // Социально-политическое развитие Сибири в XIX – XX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1993. С. 27–38.

68. Традиции артельного труда в Сибири в XIX – начале XX в. // Организация труда и трудовая этика. Древность, средние века, современность. М.: ИВИ РАН, 1993. С. 241–252.

69. Обские рыбопромышленники // Российское купечество от средних веков к новому времени (XIV – первая половина XIX в.). М.: Институт российской истории РАН, 1993. С. 96–99.

70. Маклерские книги как источник по истории России XIX в. // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск: ОмГУ, 1993. С. 71–74.

71. К «Хронике общественного движения в Сибири в XIX – начале XX в.» // История общественных движений и политических партий России. Томск: Изд-во ТГУ, 1993. С. 14–17.

1994 г.

72. Город Нарым (водотопное место) // Сибирская старина. 1994. № 7(12). С. 6–8

73. Петр Иоакимович Пальчинский // Из прошлого Сибири. Новосибирск: НГУ, 1994. Вып. 1–2. С. 5–14.

74. Этапы индустриального освоения Сибири // Хозяйственное освоение Сибири: ТГУ, 1994. С. 5–28.

75. Государственное и частное предпринимательство в Сибири. Этапы взаимодействия // Предпринимательство в Сибири. Материалы конференции. Барнаул: АГУ, 1994. С. 3–6.

76. Артель в дореволюционной Сибири // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX – начало XX вв.). Омск: ОмГУ, 1994. С. 26–38.

77. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1994. Т. 1. Кн. 1. 170 с. В соавторстве с Д.Я. Резуном, А.С. Зуевым, В.А. Скубневским и др.

78. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1994. Т. 1. Кн. 2. 168 с. В соавторстве с Д.Я. Резуном, А.С. Зуевым, В.А. Скубневским и др.

79. Промыслы населения Нижнего Притомья в XIX – начале XX вв. // Северск: история и современность. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 46–53.

80. Сибирская торговля в XIX – начале XX века. Библиографический указатель отечественной литературы. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. 128 с. В соавторстве с Б.К. Андрющенко, В.А. Скубневским и А.В. Старцевым.

81. Дополнения к хронике рабочего движения в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск: ТГУ, 1994. С. 110–113.

82. Предисловие // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск: ТГУ, 1994. С. 3–5.

83. Винные откупа в Сибири в XVIII – XIX вв // Исторический опыт освоения Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1994. С. 36–51.

84. Из истории самоуправления Томска (Организация аренды городского имущества) // Гражданское общество и региональное развитие. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 21–22.

85. Томская область. Исторический очерк. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. 655 с. В соавторстве с Н.М. Дмитриенко, Е.А. Васильевым и др.

1995 г.

86. Лесные и рыбные промыслы Причулымья в XIX – начале XX вв. // Земля Асиновская. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. С. 77–84.

87. Купеческая семья Кухтериных // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Барнаул: АГУ, 1995. С. 191–203. В соавторстве с Н.М. Дмитриенко.

88. П.И. Пальчинский - великий инженер России // История российской интеллигенции (Материалы и тезисы научной конференции). М.: МАДИ, 1995. Ч. 2. С. 51–53.

89. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1995. Т. 2. Кн. 1. 170 с. В соавторстве с Д.Я. Резуном, А.С. Зуевым, В.А. Скубневским и др.

90. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1994. Т. 2. Кн. 2. 184 с. В соавторстве с Д.Я. Резуном, А.С. Зуевым, В.А. Скубневским и др.

91. Стачечное рабочее движение на Дальнем Востоке России. Хроника 1905–1916 гг. // Материалы к хронике общественного движения в Сибири. 1895–1917 гг. Томск: ТГУ, 1995. С. 131–165. В соавторстве с Л.В. Попелковой.

92. Яйский лесопромышленный (История Акционерного общества «Яялес»). Томск: Изд-во ТГУ, 1995. 311 с. В соавторстве с Н.М. Дмитриенко и П.С. Коноваловым.

93. Об октябрьских событиях 1905 г. в Томске // Революция 1905–1907 гг. и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск: ОмГУ, 1995. С. 80–93.

94. Ценные рукописи по истории промышленного освоения Сибири (В.Е. Аврамов, П.И. Пальчинский, В.И. Шемелев) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск: ОмГУ, 1995. С. 67–71.

1996 г.

95. Нарымские рыбопромысловые пески // Земля Каргасокская. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. С. 214–221.

96. Менеджеры Сибири XIX – начало XX вв. // К истории предпринимательства в Сибири. Материалы Всероссийской научной конференции. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1996. С. 38–42.

97. Общественное движение в Томске в XIX в. // Доклады Региональных межвузовских «Потанинских чтений», посвященных 160-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина. Томск: ТГУ, 1996. С. 42–50.

98. О составлении хроники общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. // Из истории революций в России (Первая четверть XX в.). Томск: Изд-во ТГУ, 1996. Вып. 1. С. 77–81.

99. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1996. Т. 3. Кн. 1. 161 с. В соавторстве с Д.Я. Резуном, А.С. Зуевым, В.А. Скубневским и др.

100. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1996. Т. 3. Кн. 2. 138 с. В соавторстве с Д.Я. Резуном, А.С. Зуевым, В.А. Скубневским и др.

101. Общественное движение в Омске. 1895 – февраль 1917 гг. Томск: ТомГУ, 1996. 170 с. В соавторстве с А.Е. Плотниковым, А.П. Толочко, Ю.П. Родионовым.

102. За штатом (Нарым в XIX – начале XX вв.) // Земля Парабельская. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. С. 121–152.

103. Купеческая семья Кухтериных // Былое. М., 1996. № 9–10. В соавторстве с Н.М. Дмитриенко.

104. Китайские и корейские рабочие на горных промыслах Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы экономической истории России XVIII – XX вв. Томск: ТомГУ, 1996. С. 79–100.

105. Интеллигенция пос. Чекист // Образование. Культура. Духовность. Материалы Первых северских культурно-исторических чтений, посвященных дням славянской культуры и письменности. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. С. 68–69.

106. Поселок Чекист // Неизвестный Северск. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. С. 60–79.

1997 г.

107. Кого везла «Фортуна»? // Земля Верхнекетская. Томск: Изд-во ТГУ, 1997. С. 359–358.

108. Этнический аспект общественного движения в Сибири и на Дальнем Востоке накануне революции 1917 г. // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Общественное движение в Сибири в начале XX века. Омск: ОмГУ, 1997. С. 86–91. В соавторстве с Е.В. Карих.

109. Письма г.Н. Потанина к М.Г. Васильевой как источник по социальной истории сибирских городов начала XX в. // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск: ОмГУ, 1997. С. 109–112.

110. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1997. Т. 3. Кн. 3. 125 с. В соавторстве с Д.Я. Резуном, А.С. Зусевым, В.А. Скубневским и др.

111. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1997. Т. 4. Кн. 1. 144 с. В соавторстве с Д.Я. Резуном, Н.М. Дмитриенко, В.А. Скубневским и др.

112. Неопубликованные исследования по истории промышленного освоения Сибири (В.Е. Абрамов, П.И. Пальчинский, В.И. Шемелев) // Сибирские архивы и историческая наука. Кемерово: КемГУ, 1997. С. 36–38.

113. Казахи Чуйской долины (конец XIX – начало XX в.) // Россия. Сибирь и государства Центральной Азии (Взаимодействие народов и культур). Барнаул: Барнаульский гос. пед. ун-т, 1997. С. 27–31.

114. Родюковы // Сибирь в XVI–XX веках. Экономика, общественно-экономическая жизнь и культура. К 70-летию члена-корреспондента РАН Л.М. Горюшкина. Новосибирск, 1997. С. 86–94.

115. Горный инженер В.С. Реутовский // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул: АГУ, 1997. С. 75–81.

1998 г.

116. Исследование истории Сибири XVIII – начала XX вв. в Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири // Юбилейный сборник научных трудов Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири при ТГУ. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. С. 73–80.

117. В.И. Шемелев - историк и краевед Алтая // Актуальные вопросы истории Сибири. Научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина 20 мая 1997 г. Барнаул: АГУ, 1998. С. 168–172.

118. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1998. Т. 4. Кн. 2. 129 с. В соавторстве с Д.Я. Резуном, Н.М. Дмитриенко, В.А. Скубневским и др.

119. Зиновьев В.П. "Киргизский" вопрос на землях Алтайского округа Кабинета // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX в.). Международная научная конференция, посвященная 175-летию образования Омской области. Тезисы докладов и сообщений. Омск: ОмГУ, 1998. С. 65–68.

1999 г.

120. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1999. Т. 4. Кн. 3. 103 с. В соавторстве с Д.Я. Резуном, Н.М. Дмитриенко, В.А. Скубневским и др.

121. Революции XX в. в России в свете теории модернизации // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всероссийской научной конференции. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. С. 16–26.

122. Валентин Воложанин – томский социал-демократ // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Сборник статей. Томск: ТГПУ, 1999. С. 22–27.

123. История дорожного дела в Томской области. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 284 с. В соавторстве с Б.К. Андрющенко, В.А. Бузановой, В.Г. Зыковой, П.С. Коноваловым.

124. Пароходные промыслы на Оби // Земля Александровская. Сборник научно-популярных очерков к 75-летию образования Александровского района. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. С. 292–299.

125. Пригородная Петропавловская волость в 1920-е гг.: социально-экономическое развитие // «Сибирь – мой край ...» Проблемы региональной истории и исторического образования. Сборник научных трудов. Новосибирск: НГПУ, 1999. С. 262–272.

2. Исследования на правах рукописи:

126. Формирование горнорабочих Сибири в период империализма (1895–1917 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск, 1977. 261 с.

127. Формирование горнорабочих Сибири в период империализма (1895–1917 гг.): Автореферат кандидатской диссертации. Томск, 1977. 18 с.

128. Рабочее движение в Сибири в мануфактурный период. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Томск, 1992. Т. 1. 461 с.; Т. 2. 217 с.

129. Рабочее движение в Сибири в мануфактурный период. Автореферат докторской диссертации. Томск, 1992. 39 с.

3. Учебные и учебно-методические труды

130. Алтай в эпоху капитализм. Барнаул: АГУ, 1986. 271 с. В соавторстве с А.П. Бородавкиным, В.А. Скубневским, А.А. Храмковым и др.

131. История Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 472 с. В соавторстве с З.Я. Бояршиновой, А.Н. Жеравиной, А. Топчием и др.

132. Концепция специального курса лекций «Становление индустриального общества в России» // Новое в изучении и преподавании истории в вузах. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 34–36.

133. Этапы становления индустриального общества в России // Цивилизационные и формационные подходы к изучению отечественной истории. Теория и методология (Конкретно-исторические проблемы). М.: МАДИ, 1996. Вып. 3. Ч. 1. С. 25–30.

134. Становление индустриального общества в России. Методическое пособие к специальному курсу лекций. Томск: ТГУ, 1998. 26 с.

135. История отечества. 1917–1997 гг. Программа курса лекций для студентов международного отделения исторического факультета. Томск: ТГУ, 1998. 12 с.

136. История государственных учреждений России. Программа курса лекций для студентов международного отделения исторического факультета. Томск: ТГУ, 1998. 27 с.

4. Научные труды под редакцией В.П. Зиновьева:

1. Рабочие Сибири в период капитализма. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. 181 с. Член редакционной коллегии.

2. Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. 180 с. Ответственный редактор.

3. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука, 1982. 459 с. Ответственный секретарь редколлегии.

4. Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905–1920 гг.). Томск: Изд-во ТГУ, 1982. 302 с. Член редакционной коллегии.

5. Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. 180 с. Член редакционной коллегии.

6. Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализм. Барнаул: АГУ, 1984. 220 с. Член редакционной коллегии.

7. Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск: Изд-во ТГУ, 1985. 216 с. Ответственный редактор.

8. История Сибири. Учебное пособие. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 472 с. Член редакционной коллегии.

9. Организаторская и идеологическая деятельность большевиков Сибири в период борьбы против царизма и капитализма. Омск: ОмГУ, 1987. 156 с. Член редакционной коллегии.

10. Проблемы историографии и источниковедения дореволюционной Сибири. Омск: ОмГУ, 1988. 132 с. Член редакционной коллегии.

11. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. В 3-х т. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. Т.1. XVII в. – 1904 г. 374 с. Ответственный редактор.

12. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. В 3-х т. Томск: Изд-во ТГУ, 1990. Т.2.1905 г. – июнь 1907 г. 377 с. Ответственный редактор.

13. Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул: АГУ, 1990. 176 с. Член редакционной коллегии.

14. Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 257 с. Ответственный редактор.

15. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. В 3-х т. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. Т.3. Июнь 1907 – февраль 1917 гг. 345 с. Ответственный редактор.

16. Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период. Омск: ОмГУ, 1992. 168 с. Член редакционной коллегии.

17. Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 гг. Хроника. Вып.1–5. 1895–1999 гг. М.: Институт российской истории РАН, 1992–1998. Консультант (редактор) по Сибири и Дальнему Востоку.

18. Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории XIX – первой трети XX вв. Томск: ТГУ, 1994. 169 с. Ответственный редактор.

19. Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX – начало XX вв.) Омск: ОмГУ, 1994. 181 с. Член редакционной коллегии.

20. Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1994. 157 с. Ответственный редактор.

21. Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск: ТГУ, 1994. 143 с. Ответственный редактор.

22. Урало-сибирское казачество в панораме веков. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. 206 с. Член редакционной коллегии.

23. Томская область. Исторический очерк. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. 655 с. Ответственный редактор.

24. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. В 4-х т. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1994–1999. Т. 1–4. В 10 частях. Член редакционной коллегии.

25. Яйский лесопромышленный (История Акционерного общества «Яялес»). Томск: Изд-во ТГУ, 1995. 311 с. Ответственный редактор.

26. Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск. ТГУ, 1995. Вып. 2. 187 с. Ответственный редактор.

27. Из истории революций в России (Первая четверть XX в.) Материалы Всероссийского симпозиума, посвященного памяти профессора И.М. Разгона. Томск, 13–15 апреля 1995 г. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. Вып. 1. 261 с.; Вып. 2. 205 с. Член редакционной коллегии.

28. Хроника общественного движения в Сибири. 1895 – февраль 1917 гг. Книга 1. Общественное движение в Омске. 1895 – февраль 1917 гг. Томск: ТГУ, 1996. 171 с. Ответственный редактор.

29. Неизвестный Северск. Томск: Изд-во ТГУ. 1996. 244 с. Ответственный редактор.

30. Вопросы экономической истории России XVIII – XX вв. Томск: ТГУ. 1996. 225 с. Ответственный редактор.

31. Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII – XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск: Водолей, 1996. 319 с. Ответственный редактор.

32. Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Общественное движение в Сибири в начале XX века. Омск: ОмГУ, 1997. 142 с. Член редакционной коллегии.

33. История дорожного дела в Томской области. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 284 с. Ответственный редактор.

34. Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 120-летию Томского государственного университета. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. Том II. Россия и российская историческая мысль XVII–XX вв. 232 с. Член редколлегии.

35. Ларьков Н.С., Чернова И.В. Полицмейстеры, комиссары, начальники. Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 183 с. Редактор.

Составил Скубневский В.А.

КОНОВАЛОВ ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ (1.10.1948–24.04.1999 гг.)

Коновалов Петр Сергеевич родился в семье рабочего 1 октября 1948 г. Свои детство и юность провел в Красноярском крае, где и закончил в 1966 г. среднюю школу. Учился на историко-филологическом факультете Томского государственного университета. После его окончания, в 1971 г., по распределению три года работал преподавателем истории и обществоведения в школах Томской области. В сентябре 1974 г. был принят на работу в Проблемную научно-исследовательскую лабораторию истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета. Здесь он в течение двадцати пяти лет, вплоть до своей безвременной кончины, занимался научно-исследовательской деятельностью в составе сектора социально-экономической истории Сибири.

За годы своей работы в лаборатории Петр Сергеевич Коновалов проявил себя зрелым исследователем. Он принимал непосредственное участие в научной и организационно-технической работе по подготовке ряда монографических трудов: «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период» (Новосибирск, 1982), «Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика» в 3 томах (Томск, 1988–1991). Был одним из основных авторов и редакторов второго тома.

В рамках общих проблем, разрабатываемых сектором совместно с другими научными организациями, П.С. Коновалов вел самостоятельные темы, связанные с историей строительных рабочих и железнодорожным строительством в Сибири. В 1985 г. он успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Строительные рабочие в Сибири в период капитализма (1861 – февраль 1917 гг.)».

В диссертации впервые был дан исторический очерк развития сибирской строительной промышленности, показаны ее структура и уровень технической оснащенности. На основе многочисленных архивных и опубликованных материалов П.С. Коновалов исследовал вопросы численности, состава, источников формирования сибирского отряда

строителей, их экономического и правового положения, участия в классовой борьбе. Специалистами была высоко оценена новизна и оригинальность этой работы, позволившей устранить крупный пробел в истории пролетариата России.

Разносторонняя профессиональная подготовка П.С. Коновалова позволяла ему заниматься не только плановой проблематикой. В сферу его интересов входила и локальная история, краеведческие темы. В составе временных исследовательских коллективов он принимал участие в подготовке научно-популярных изданий: «Сибирский электромоторный» (Томск, 1978), «Томская область» (Томск, 1994), «Яйский лесопромышленный» (Томск, 1995), «История дорожного дела в Томской области» (Томск, 1999). Наряду с этими работами П.С. Коноваловым было написано и опубликовано в научных сборниках более двух десятков статей. За четверть века своей работы в лаборатории Петр Сергеевич Коновалов сформировался как профессиональный историк, самостоятельно мыслящий исследователь. В 1993 г. решением ученого совета Томского государственного университета ему было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «Отечественная история». Его отличали дисциплинированность, надежность, аккуратность в работе, упорство и инициативность в достижении поставленных целей.

Много и плодотворно занимался П.С. Коновалов общественной работой. В течение ряда лет он был одним из лучших в университете спортивных организаторов, за что отмечался неоднократно почетными грамотами. Огромным уважением П.С. Коновалов пользовался среди коллег и товарищей по работе. Его человеческие качества – отзывчивость, доброта – были неотъемлемыми чертами его характера и личности.

В последние годы, как и в начале своей трудовой деятельности, Петр Сергеевич совмещал исследования по плановой теме с преподавательской работой в Томском педагогическом университете. В сжатые сроки им было разработано несколько лекционных курсов. В условиях дефицитного финансирования фундаментальных исследований П.С. Коновалов принимал участие в работе временных научных коллективов по хоздоговорной тематике, занимался подготовкой истории города Северска и истории промышленных предприятий. Существовали и другие научные и личные планы, которым было не суждено сбыться.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ П.С. КОНОВАЛОВА

1. Сибирский электромоторный. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. 230 с. (В соавторстве с В.С. Синяевым и Н.М. Дмитриенко).

2. Ведомости о среднесправочных ценах на строительные работы как источник по социально-экономической истории Сибири второй половины XIX – начала XX вв. // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. С. 65–87.

3. Динамика численности строительных рабочих в Сибири в 1897–1917 годах // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX вв. Томск, 1980. С. 114–133.

4. Рынок рабочей силы, источники формирования и состав строительных рабочих Сибири в эпоху капитализма // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск: Наука, 1960. С. 106–130.

5. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука, 1982. (Материалы к главам 4, 6, 9).

6. Строительные рабочие Сибири эпохи капитализма. (К историографии вопроса) // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск, 1985. С. 22–30.

7. Строительные рабочие в Сибири в период капитализма (1861 – февраль 1917 гг.): Автореф. дис.... канд. ист. наук. Томск, 1985. 19 с.

8. Источники по истории строительной промышленности Сибири периода империализма // Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. Вып. 1. С. 113–116.

9. Сибирские дореволюционные газеты как источник по истории рабочего движения в Сибири в 1905–1907 гг. // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 46–47.

10. Складывание пролетарских кадров в строительном деле Томской губернии в период капитализма // Из истории Томской области. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. С. 45–52.

11. Типы грунтовых переселенческих дорог и их строительство в Западной Сибири // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Новосибирск, 1988. Вып. 1: Досоветский период. С. 176–177.

12. Строительная промышленность Сибири второй половины XIX – начала XX вв. // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1989. С. 83–93.

13. Проекты 50–80-х гг. XIX в. строительства железных дорог в Сибири // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул: АГУ, 1990. С. 16–31.

14. «Российские» профессиональные рабочие в строительном деле Сибири в период капитализма // История и общество в панораме ве-

ков. Материалы Всесоюзной Байкальской исторической школы. Иркутск, 1990. Ч. 1. С. 100–102.

15. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. В 3-х т. Изд-во ТГУ, 1990. Т.2: 1905 – июнь 1907 гг. (В соавторстве с Б.К. Андрющенко, В.П. Зиновьевым и др.).

16. Грузооборот Сибирской железной дороги в 1895–1913 гг. // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. Вып. 1. С. 155–167.

17. Из истории проектирования Тюмень-Омской железной дороги // Областная научно-практическая конференция, посвященная 275-летию города Омска. Секция истории Омска и Омской области. Омск: ОмГУ, 1991. С. 53–56.

18. Участие строителей в рабочем движении в Сибири в 1861–1904 гг. // Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период. Омск: ОмГУ, 1992. С. 67–75.

19. Из истории строительства второй колеи Транссибирской магистрали // Научная сессия Томского университета (апрель 1992 года). Томск: Изд-во ТГУ, 1993. Ч. 1: Социально-экономические и гуманитарные науки. С. 94–97.

20. Участие строителей в рабочем движении Сибири в январе 1905 г. – феврале 1917 г. // Социально-политическое развитие Сибири (XIX – XX вв.). Томск: Изд-во ТГУ, 1993. С. 39–49.

21. Рабочая сила на строительстве Алтайской железной дороги (1913–1915 гг.) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. XVIII–XX вв. Томск: ТГУ, 1994. С. 96–106.

22. Строительство и эксплуатация Ачинск-Минусинской железной дороги (1914–1926 гг.) // Хозяйственное освоение Сибири. Вопросы истории XIX – первой трети XX вв. Томск: ТГУ, 1994. С. 49–60.

23. Томская область. Исторический очерк / Под ред. В.П. Зиновьева. Томск, 1994. (Материалы ко II главе).

24. Яйский лесопромышленный (История Акционерного общества «Яялес»). Томск: Изд-во ТГУ, 1995. (В соавторстве с В.П. Зиновьевым и Н.М. Дмитриенко).

25. Железная дорога Томск – Чулым – Енисейск: планы и реальность // Земля Асиновская. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. С. 85–91.

26. «Химстрой» в 1986–1996 гг. // Неизвестный Северск. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. С. 123–147.

27. Проектирование, строительство и эксплуатация Кольчугинской железной дороги (1906–1926 гг.) // Из истории Сибири. К 30-летию лаборатории. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. С. 117–121.

28. История дорожного дела в Томской области. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. (В соавторстве с Б.К. Андрющенко, В.А. Бузановой, В.П. Зиновьевым, В.Г. Зыковой).

Составил Андрющенко Б.К.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ 3
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БЛИНОВ (автобиография) 7
1. СТАТИСТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 9
Зиновьев В.П.
Сибирь в экономике России XVIII – начала XX века 9
Никулин П.Ф.
Всероссийская сельскохозяйственная перепись как источник
для изучения внутреннего строя крестьянского хозяйства
Западной Сибири начала XX в. 41
2. ЛОКАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 54
Дмитриенко Н.М.
Локальный метод и его использование в истории Сибири 54
Резун Д.Я.
Фамилия Зиновьевых в истории присоединения Сибири 62
Андрющенко Б.К.
Конфетно-шоколадная фабрика Б.В. Бородзича 65
3. ОБЩЕСТВЕННАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ СИБИРИ 79
Шиловский М.В.
Демулен из Иркутска (Н.С Щукин) 79
Сковородина И.С.
Количественный рост, территориальное размещение
и профиль учебных заведений в Западной Сибири
в конце XIX – начале XX в. 87
4. ИСТОРИОГРАФИЯ И БИБЛИОГРАФИЯ 93
Зиновьев В.П.
Изучение истории Сибири в Томском университете
в конце 1980-х – 1990-е гг. 93
Список научных трудов профессора Н.В. Блинова 107
Скубневский В.А.
Вопросы истории Сибири в трудах В.П. Зиновьева 115
Список научных трудов профессора В.П. Зиновьева 124
КОНОВАЛОВ ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ 139
Список научных трудов П.С. Коновалова 141

Сибирь в составе России

Сборник
историко-статистических материалов

Под ред. Б К. Андрющенко.

Компьютерная верстка В К. Савицкого

Лицензия ИД № 00208 от 20.12.99 г.
Подписано к печати 20.06.2000 г. Формат 84x108/32
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Ризография.
Печ. л. 4,5. Усл. печ. л. 8,68. Тираж 100 экз. Заказ № 56

Томский государственный университет
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
участок оперативной ризографии
Редакционно-издательского отдела ТГУ
Лицензия ПД № 00455 от 15.11.99 г.

